

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА
ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Горова Лилия Андреевна

**Лингвокультурная идентичность
мигрантов-латиноамериканцев в США**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Чеснокова О.С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МИГРАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
1.1 Понятие «миграция».....	19
1.2 Причины и виды миграции.....	23
1.3. Перцептивный образ нелегального мигранта.....	26
Выводы по главе 1.....	32
ГЛАВА 2. <i>LATINO/HISPANICS</i> КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ В США.....	34
2.1. Историческая обусловленность миграционных потоков из Латинской Америки В США.....	35
2.2. Язык наследия (<i>Lenguaje de herencia</i>).....	42
2.3 Языковая и культурная идентичность латиноамериканских мигрантов в США.....	49
2.3.1. Составляющие процесса адаптации мигрантов.....	51
2.3.2. Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации латиноамериканских мигрантов.....	55
2.4. Лингвокогнитивный анализ параметров идентичности и дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов.....	60
2.5. Пограничная лингвокультурная идентичность латиноамериканских мигрантов.....	69
2.6. Латиноамериканская культура в медиа-дискурсе в США.....	83

2.6.1. Лингвокультурный типаж <i>Latino/Hispanic</i> в американском кинодискурсе	87
Выводы по главе 2.....	101
ГЛАВА 3. Отражение лингвокультурной идентичности мигрантов-латиноамериканцев в художественном тексте: сборник рассказов “Drown”.....	103
3.1. Идеино-эстетические доминанты содержания книги.....	105
3.2. Авторский глоссарий.....	107
3.3. Лингвокогнитивные доминанты текста	110
Выводы по главе 3.....	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	206
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	209
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	226

ВВЕДЕНИЕ

Исследование национальной идентичности представляет одну из самых востребованных междисциплинарных тем, поскольку обусловлено свойством идентичности отражать лингвокультурологические параметры и культурно-мировоззренческие доминанты представителей различных этнических общностей. В этой связи справедливо утверждение о том, что «культура как коррелят языка и (национальной) личности должна пониматься в ее исторической ценности, традициях, новаторстве и новизне» [Воробьев, 1997: 19]. Вместе с тем, интерес к проблематике национальной идентичности определяется и происходящими в современном мире социальными, экономическими, политическими и культурными процессами, которые способствуют расширению контактов между различными странами, народами и культурами.

Человек, его понимание себя, другого человека и мира, его идентичность модифицируются «в зависимости от контекста, в котором он существует» [Софронова, 2006: 10]. Учитывая тот факт, что идентичность и ее механизмы имеют свойство не только видоизменяться со временем, но и полностью обновляться при возникновении новых жизненных контекстов, имеет смысл изучать вопросы идентичности в совокупности, поскольку в рамках отдельных гуманитарных наук всегда будет обнаруживаться материал для исследований, сопряженных с данной тематикой. Современное понятие «идентичность» является полипарадигмальным, что дает нам возможность всестороннего рассмотрения этого термина. Исследуя идентичность латиноамериканцев, мы принимаем во внимание то, что «широчайший цивилизационный масштаб испаноязычного мира не только определяет объем изложения, но и во многом усложняет работу исследователей, поставивших перед собой задачу передать пеструю картину, каждый раз ускользающую от исчерпывающего описания» [Раевская, 2024: 241]. В данной работе понятие «идентичность»

рассматривается в парадигме лингвокультурологии, этнолингвистики и психосоциоллингвистики.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного анализа языковых параметров идентичности испаноязычных мигрантов, проживающих на территории США, что до настоящего времени не являлось отдельным предметом исследования. Масштабная трансформация современного мира затрагивает все страны, включая Соединенные Штаты Америки, признающиеся важным актором в широком политическом и экономическом смысле, а также напрямую отражается на многомиллионном населении США, среди которого обнаруживается значительное количество латиноамериканцев. Вместе с тем, происходящие глобальные перемены, порождающие как поляризацию и фрагментацию общества, так и его обновление, и консолидацию, способствуют значительному увеличению количества миграционных потоков. В свою очередь, Соединенные Штаты Америки, будучи крупнейшей страной в западном полушарии, всегда были и продолжают оставаться государством, предлагающим выходцам из Латинской Америки возможности во всех сферах жизни. В этой связи, исследуя языковую, культурологическую, когнитивную и психосоциоллингвистическую составляющие процесса интеграции латиноамериканских мигрантов в североамериканское общество мы категоризируем параметры их идентичности в парадигме лингвокультурологии.

Цель исследования состоит в систематизации языкового отражения исторически, социально, культурно, политически обусловленных факторов, позволяющих описать и проанализировать междисциплинарную концепцию идентичности, применительно к испанскому языку и культуре Латинской Америки, а также в составлении корпуса маркеров идентичности испаноязычных мигрантов в США.

Указанная цель требует решения следующих **задач**.

1) Систематизировать наработки отечественных и зарубежных исследователей в области миграционной лингвистики для понимания

особенностей функционирования миграционного дискурсивного пространства и выработки непротиворечивой теоретико-методологической базы для интерпретации латиноамериканской идентичности в парадигме этнолингвистики, лингвокультурологии, психосоциolingвистики, когнитивной лингвистики.

2) Интерпретировать феномен миграции и связанные с ним понятия сквозь призму психосоциolingвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии.

3) Рассмотреть исторические предпосылки миграционных потоков из Латинской Америки в США и выявить теоретические основы, причины, условия, этапы и особенности осуществления процессов интеграции и адаптации мигрантов-латиноамериканцев на территории Соединённых Штатов Америки.

4) Проанализировать и выявить культурологическую и психосоциolingвистическую составляющие процесса интеграции мигрантов в североамериканское общество, влияющие на типовые когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии латиноамериканских мигрантов.

5) Реконструировать лингвокультурную специфику идентичности латиноамериканских мигрантов посредством выявления основных маркеров их идентичности.

6) Выстроить образ современного *Latino/Hispanic*, являющегося резидентом США.

7) Исследовать национальную специфику лингвокультурной идентичности мигрантов-доминиканцев на примере сборника рассказов "Drown".

Объектом исследования является языковая, культурологическая, когнитивная и психосоциolingвистическая составляющие процесса интеграции латиноамериканских мигрантов в североамериканское общество, обуславливающие и отражающие параметры их идентичности.

Предметом данного исследования выступает лингвокультурологическая категоризация параметров идентичности латиноамериканских мигрантов, проживающих на территории США.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют описательный метод, включающий наблюдение, сопоставление, обобщение и анализ полученной информации, метод лингвокультурной интерпретации, подразумевающий толкование анализируемого материала с позиций лингвокультурологии, лингвокогнитивный анализ, позволяющий выявить типовые когнитивные механизмы и содержание когнитивного языкового опыта мигрантов в новой социокультурной среде, методы контекстуального и дискурсивного анализа для определения и характеристики социально и культурно-обусловленных поведенческих и речевых паттернов в различных социальных контекстах, метод сплошной выборки при сборе фактологического материала, методика расширенного поиска *Google* для изучения частотности и дополнительных примеров употребления латиноамериканскими мигрантами отдельных лексических единиц, в том числе англицизмов и культурно-маркированной лексики.

Степень научной разработанности. Степень изученности темы изложена в теоретической части диссертации, основу которой составляют труды отечественных и зарубежных исследователей в области:

- прецедентной филологии, языковой картины мира, когнитивно-дискурсивной парадигмы и стилистики испанского языка, межкультурного диалога (А.Ф. Кофман, М.В. Ларионова, Л.В. Моисенко, М.М. Раевская, О.С. Чеснокова, Albelda Marco M., Briz Gómez A., Calderón Campos M., España Palop E., Fajardo Aguirre A., Fernández de Castro F., Giménez Folqués D, Navarro Gala R., Torres Torres A. и др.);
- изучения культурологии, лингвокультурологии, лингвокогнитологии и социолингвистики (В.В. Воробьев, В.А. Маслова, В.И. Карасик, Т.Б. Радбиль, В.М. Шаклеин, Л. П. Крысин, J. Leeman, J. M. Fuller и др.);

— социолингвистического аспекта миграциологии и миграционной лингвистики (Ю.Н. Эбзеева, Р. Алонци, С.В. Шустова, J.L. Aranguren, F. T. Navarro, L. Lantzy, N. Hiemstra, G.M. Rodriguez, K. Koser, S. Castles, M. Miller и др.);

— кино и медиа-дискурса (О. Ю. Стародубова, А.Н. Зарецкая, И.Л. Ильичева, Ю. А. Нелюбина, С. Е. Cortés, Ramirez Berg и др.);

— психологии и идентичности мигрантов (В.К. Калининко, В.И. Мукомель, Е.Н. Резников, Н.С. Хрусталёва, J.W Berry, S. Vochneg и др.).

Поскольку объектом исследования являются языковая, культурологическая и психосоциолингвистическая составляющие процесса интеграции латиноамериканских мигрантов в североамериканское общество, обуславливающие параметры их идентичности, мы можем говорить о том, что вышеописанная теоретическая основа исследования действительно опирается на понимание сущности изучаемого нами объекта, так как имеет непосредственную связь со всеми его аспектами, а также позволяет изучить его содержание на глубинном уровне.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты и видеоматериалы, статьи из интернет-СМИ на испанском, английском и русском языках, сайты известных общественно-политических газет на испанском языке (*el País, el Mundo* и др.), сайт Королевской академии испанского языка, образцы разговорной речи из различных видео, интервью, программ, ток-шоу, фильмы и сериалы на испанском и английском языках на видеохостинге *YouTube*, онлайн словари, сборник рассказов “Drown” Джуно Диаза.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что лингвокультурная идентичность латиноамериканских мигрантов в Соединенных Штатах Америки в настоящее время претерпевает интенсификацию, поскольку затронувшие глобальную систему изменения не только повлекли за собой снижение этнической нетерпимости по отношению к *Hispanics* со стороны североамериканского общества, но и, напротив, спровоцировали повышение

интереса к представителям латиноамериканского сообщества. В данном исследовании мы представим ряд фактов, подтверждающих увеличение значимости латиноамериканской культуры и испанского языка на территории США.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Миграционные процессы затрагивают практически все слои населения, а не только самих мигрантов, их семьи или диаспоры, поэтому имеют важное социальное, экономическое, политическое и культурное значение для принимающей стороны и ее общества как системы на всех уровнях.
2. В основе сложившегося в общественном сознании образа мигранта лежат этнические и другие стереотипы, которые впоследствии приводят к типизации и стигматизации. СМИ, обращаясь к определенным инструментам воздействия на массы и смещая фокус внимания на социальную стигматизацию мигрантов, способствуют формированию их отрицательного образа.
3. При межкультурном взаимодействии в разных социальных контекстах у мигрантов-латиноамериканцев активно задействуются привычные когнитивные механизмы и бессознательные реакции, отражающие ключевые элементы латиноамериканской идентичности. Вместе с тем реализуется специфика их лингвоментального кода. Социальная реальность легальных и нелегальных мигрантов сливается воедино, в отличие от их идентичности, которая подвергается процессу раздвоения.
4. Метакогнитивный опыт жизни латиноамериканских мигрантов вынуждает их заострять внимание на уже освоенных и знакомых доминантах культуры, выступающих в роли символов национальной идентичности, отголоски которых они пытаются найти в новой социокультурной реальности, поскольку имеют потребность в самоидентификации и ощущении принадлежности к коллективу.

5. Мигранты пребывают в особых социокультурном и когнитивном пространствах, базирующихся на знаках языка и культуры, принадлежащих как к национальной концептосфере, так и к сфере ценностного освоения иной действительности. «Потеря» привычных знаков и родного языка может подразумевать модификацию отдельных ценностных и поведенческих доминант, а также приводить к сдвигу языковой и культурной идентичности.
6. В настоящее время отмечается распространение испанского языка на территории Соединенных Штатов, поскольку испанский язык утратил позицию «второсортного» языка меньшинства.

Научная новизна диссертации заключается в том, что комплексное исследование лингвокультурной идентичности мигрантов-латиноамериканцев в США сквозь призму лингвокультурологии, этнолингвистики, психосоциолингвистики и когнитивной лингвистики, осуществлено впервые.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке и характеристике междисциплинарной концепции идентичности испаноязычных мигрантов, являющихся резидентами Соединенных Штатов Америки, а также в составлении корпуса маркеров идентичности представителей латиноамериканских этнических сообществ, проживающих на территории США.

Практическая ценность определяется возможностью использовать данное исследование, его материалы и результаты в педагогическом процессе, например, в циклах учебных дисциплин по лексикологии, диалектологии, стилистике испанского языка, теории языка, этнопсихолингвистике, лингвострановедению, лингвистической географии. Выявленные связи и закономерности могут быть использованы также в других исследованиях для систематизации психосоциолингвистических процессов, связанных с миграцией внутри языковых сообществ.

Обоснованность и достоверность диссертационного исследования.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, определяются использованием методологической базы, которую составили научные труды российских и зарубежных ученых, существенным объемом проработанного теоретического и эмпирического материала, многоаспектным и комплексным анализом языкового материала, а также полученными результатами.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 6 публикациях, 4 - входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Говорова, Л. А. Отражение лингвокультурной идентичности и коллективной памяти в песенном дискурсе XX и XXI веков (на материале испанского языка) / Л. А. Говорова, Е. Г. Балан // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 65-78. – DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-65-78.
2. Говорова, Л. А. Лингвокультурологические параметры идентичности пуэрториканцев // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 136–143. DOI: 10 18384/2949-5075-2023-4-136-143.
3. Говорова, Л. А. Когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов / Л. А. Говорова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 170-173.
4. Говорова Л. А. Лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов (на материале американского медийного дискурса) / Л. А. Говорова, Л. В. Лебедев // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 74-77.

Положения, выносимые на защиту, и полученные результаты отражены в научных докладах, представленных автором на следующих конференциях:

- 1) III Казанский международный лингвистический саммит «Современная лингвистика: от теории к практике» (КФУ, 2022 г.)
- 2) XI Международная научная конференция «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022 г.)
- 3) III Международная научно-практическая конференция магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (ЮФУ, 2023 г.)
- 4) VI Международная научно-практическая конференция Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН им. П. Лумумбы, 2023 г.)
- 5) IV Казанский международный лингвистический саммит «Современная лингвистика: ключ к диалогу» (КФУ, 2023 г.)
- 6) XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2024 г.).

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования, начиная с постановки цели и задач исследования и их реализации до отражения результатов в научных публикациях и докладах, а также положениях, выносимых на защиту.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (романские языки)». Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки), а именно:

п. 3. Особенности формирования и функционирования конкретного языка или языковой семьи;

п. 4. Общие и индивидуальные тенденции развития языка или языковой семьи;

п. 9. Методы исследования лингвистических единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой;

п. 10. Исследование уровневой и культурно (или национально) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи.

Структура диссертационной работы определяется поставленными целью, задачами и логикой исследования. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав с выводами, Заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования, определяются его цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, формулируются гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту, указаны основные методы, применяемые в ходе работы и личный вклад автора при написании диссертационной работы, а также соответствие паспорту специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (романские языки)» и определяются структура и содержание диссертации.

В первой главе «Миграции как предмет комплексного лингвокультурологического исследования» анализируются труды и результаты работы отечественных и зарубежных исследователей для понимания особенностей функционирования миграционного дискурсивного пространства. Сквозь призму социолингвистики и лингвокультурологии интерпретируются феномен миграции и связанные с ним понятия, рассматриваются причины миграций и реконструируется перцептивный образ нелегального мигранта.

Во второй главе «*Latino/Hispanics* как представители латиноамериканской культуры в США» изучаются и систематизируются основные исторические предпосылки миграционных потоков из Латинской Америки в США, выявляются теоретические основы, причины, условия, этапы и особенности процессов адаптации и интеграции мигрантов-латиноамериканцев на территории Соединённых Штатов Америки, которые оказывают влияние на типовые когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии латиноамериканских мигрантов. Исследуется понятие «язык наследия» и другие термины, применяемые к испанскому языку на территории США. Изучаются и систематизируются теоретико-методологические компоненты исследования идентичности в парадигме лингвокультурологии, этнолингвистики, психосоциоллингвистики и когнитивной лингвистики. Дается характеристика образа современного *Latino/Hispanic*, проживающего на территории США.

В третьей главе «Отражение лингвокультурной идентичности мигрантов-латиноамериканцев в художественном тексте: сборник рассказов “Drown”» выводится национальная специфика лингвокультурной идентичности доминиканских мигрантов посредством определения культурно-значимых лексических единиц и выявления основных дифференциальных признаков идентичности для составления корпуса маркеров идентичности латиноамериканских мигрантов, проживающих на территории США.

В Заключении подводятся итоги исследования лингвокультурной идентичности мигрантов-латиноамериканцев в США и делаются выводы о ее гетерогенности, представленной динамичным набором языковых маркеров. Указываются перспективы дальнейшего исследования.

В Списке литературы, насчитывающем 150 источников, представлен список использованных источников.

В Приложении представлен корпус маркеров идентичности латиноамериканских мигрантов.

ГЛАВА 1. МИГРАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы живем в мире культурного многообразия, взаимовлияния и слияния культур и народов, где проблемы, затрагивающие большие группы людей и выходящие за рамки территориальных образований, тем или иным образом касаются каждого из нас. В современном мире, где число легальных мигрантов приближается к 300 млн. [International Organization for Migration] на первый план выступают такие науки, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, миграционная лингвистика и др., позволяющие интерпретировать феномен миграции и связанные с ним понятия сквозь призму этих наук. Труды, посвященные миграциологии, динамике и масштабам миграционных процессов, их влиянию на международные отношения с каждым годом становятся все более многочисленными, так как показатели интенсивности миграции растут, равным образом увеличивается и количество сопряженных с данной тематикой междисциплинарных проблем, решение и анализ которых могут выступать в качестве материала для комплексных исследований.

В данной работе мы рассматриваем понятие «миграция» в первую очередь с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии, поскольку данные отрасли языкознания, выявляя закономерности между языком, являющимся маркером этнокультурной идентичности, и культурой, отражающей национальную действительность, позволяют определить и описать общие поведенческие, речевые и лингвокогнитивные характеристики определенной этносоциальной группы. В рамках данной диссертационной работы речь идет о представителях латиноамериканских этнических сообществ. В свою очередь, необходимо упомянуть о том, что «практически все разновидности идентичности могут быть частным предметом исследования в миграционной лингвистике» [Шустова, 2018: 118].

Неизменным остается тот факт, что «национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось» [Маслова 2001: 19]. Таким образом, «в основе миграционной лингвистики находится дихотомия «локальное / глобальное», а также мир отдельно взятого языка и система, которая конструируется на основе тщательного изучения его развития» [Шустова, 2018: 118]. На контрасте между привычной реальностью и новым социокультурным пространством, в котором требуется существенно модифицировать механизмы жизненных процессов, включая принятие новой социальной роли и статуса, у мигрантов могут возникать когнитивные искажения и некоторая неадекватность мировосприятия, что определенным образом сказывается на их психоэмоциональном состоянии. В этом ключе отмечается, что «этнолингвофункциональные рассогласования элементов психики человека предопределяют его психическую дезадаптацию к собственной внутренней и внешней среде» [Карабулатова, 2017: 189], поэтому миграция зачастую провоцирует появление конфликта во внутренней психической реальности переселенцев, что предоставляет нам обширный материал для исследования и анализа.

Истоки миграционных процессов обнаруживаются вместе с зарождением человечества, согласно наиболее признанной теории происхождения человека, в Восточно-Африканской рифтовой долине (англ. *Rift valley*) в Африке, откуда впоследствии человеческий род распространился на другие континенты [Koser, 2007]. Несмотря на тот факт, что в центре миграционной политики и миграциологии остается сам факт легального или нелегального пересечения границ, вопросы, касающиеся предпосылок, особенностей, причин и последствий этого явления, а также тех, кто их пересекает, не могут быть отодвинуты на второй план, поскольку «лежат в основе выработки политики, дискуссий и практики миграции» [Алонци, 2020: 29].

Миграционные процессы неразрывно связаны со многими глобальными вопросами, включая пандемию, проблемы социального неравенства, войны и военные конфликты, низкий уровень развития стран и с другими проблемами, вынуждающими людей покидать свои дома [Koser, 2007]. В настоящее время труд многих мигрантов подвергается эксплуатации, их права грубо нарушаются, не говоря уже о трудностях, с которыми мигрантам приходится сталкиваться в процессе социокультурной адаптации [Там же]. Исторически сложилось так, что переселение народов приносило собой развитие и прогресс, а также способствовало экономической экспансии, изменениям политического плана и культурному обогащению [Castles, 2003]. Равным образом существуют мнения о том, что эмигранты лишают свою родину определенных резервов, поскольку, покидая ее, они в определенной степени ограничивают доступные государству человеческие ресурсы (рабочую силу, персонал и др.), иначе говоря, сужая круг людей, обладающих определенными навыками, которые могли бы пригодиться организации в лице государства [Koser, 2007]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что миграционные процессы затрагивают практически все слои населения, а не только самих мигрантов, их семьи и диаспоры, поскольку имеют важное культурное, социальное, экономическое и политическое влияние для страны их рождения на всех уровнях.

Рассматривая миграции как предмет комплексного лингвокультурологического исследования, нельзя не отметить, что традиционно мигранты сосредотачиваются в регионах, где экономическая жизнь наиболее активна, в связи с чем США являются традиционным объектом массовых миграций. Экскурс в прошлое позволяет нам выделить несколько ключевых моментов, сопряженных, в первую очередь, с трудовой миграцией в США. Важным этапом в истории миграционных процессов, связанным с их усилением, считается подъем Соединенных Штатов Америки как промышленной державы. Так, в период с середины девятнадцатого века до Великой депрессии 1930-х годов в США со всего мира иммигрировали

миллионы рабочих и обездоленных, стремившихся к лучшей жизни [Koser, 2007: 3]. Следующий период массовых миграционных потоков пришелся на послевоенный период и был обусловлен увеличением необходимости в рабочей силе и ее мобильности для поддержания быстро развивающейся послевоенной экономики в Европе, Северной Америке и Австралии. Происходящий процесс обретения политической независимости европейскими колониями после Второй мировой войны также наложил отпечаток на динамику миграционных потоков данного периода [Koser, 2007: 4]. В свою очередь, международный трудовой бум мигрантов в США продолжался до начала 1990-х годов, в то время как двигатель глобальной экономики начал постепенно перемещаться в Азию. Количество международных мигрантов увеличивается с каждым днем, и, согласно прогнозам, эта тенденция сохранится в будущем [Castles, 2003].

Согласно определению, данному Организацией Объединенных Наций (ООН), международный мигрант — любой человек, изменивший страну своего проживания [The United Nations]. Сюда относятся все мигранты, независимо от их правового статуса, характера или мотивов их передвижения [там же]. Анализ совокупности представленных факторов позволяет судить о том, что позитивный эффект миграционных процессов преобладает над негативным. Кроме того, резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года (*The 2030 Agenda for Sustainable Development*), признает позитивный вклад мигрантов в инклюзивный рост и обеспечение устойчивого развития [Там же]. На основании оценок 2020 года, число международных мигрантов во всем мире достигло 281 миллиона [Там же]. Среди значимых фактов следует отметить то, что женщины-мигранты составляют почти половину (48%) международных мигрантов [Koser, 2007: 5]. Почти три четверти международных мигрантов находятся в возрасте от 20 до 64 лет, в то время как 41 миллион международных мигрантов были моложе 20 лет [Castles, 2003: 18].

1.1. Понятие «Миграция»

Исследуя миграционные потоки следует подчеркнуть, что термин «Миграция» в первую очередь относится к геополитическому контексту и напрямую не является частью понятийно-терминологического аппарата лингвистики и лингвокультурологии. Тем не менее, вопросы характеристики языкового пространства, миграция носителей языка, а также «ареал распространения языка и его территориальных вариантов, районов компактного/дисперсного проживания коллектива носителей языка» могут выступать в качестве предметов изучения отдельных наук, таких как ареальная лингвистика, пространственная лингвистика, лингвистическая география, социолингвистика и др. [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 27]. Согласно словарю социолингвистических терминов, миграция представляет собой «перемещение людей по территории той или иной страны или за ее пределами» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 128]. В Кратком словаре по социологии понятие «миграция» понимается как «процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или страну» [Краткий словарь по социологии, 2001].

Рассмотрим и обобщим основные определения понятия «миграция», встречающиеся в трудах “International migration” Кхалида Косера (Khalid Koser) [Koser, 2007] и “The Age of Migration” Стивена Касла (Stephen Castles) и Марка Миллера (Mark Miller) [Castles, 2003], некоторые из которых, по нашему мнению, можно отнести к формам или видам:

- Перемещение. Миграция означает перемещение людей или животных из одного места в другое, обычно на большие расстояния.
- Демографический процесс. В социальных науках миграция рассматривается как демографический процесс, влияющий на изменение численности населения в различных регионах.

- Трудовая миграция. Это перемещение людей в поисках работы и лучших экономических возможностей.
- Культурный обмен. Миграция также может привести к обмену культурными ценностями и традициями между разными группами населения.
- Политическая миграция. Перемещение людей, вызванное политическими причинами, такими как войны, репрессии или политическое убежище.
- Городская миграция. Переезд людей из сельских районов в города в поисках лучшей жизни, часто связанный с урбанизацией.
- Внутренняя миграция. Перемещение населения в пределах одной страны, в отличие от международной миграции [Castles, 2003; Koser, 2007].

Представленные определения отражают различные аспекты и контексты, в которых может использоваться термин "миграция". Далее рассмотрим обнаруживающиеся в вышеупомянутых работах определения слова "мигрант":

- Переселенец. Мигрант — это человек, который переезжает из одного места в другое, часто через национальные границы, в поисках лучшей жизни или работы.
- Искатель убежища. Мигрант может быть также человеком, который вынужден покинуть свою родину из-за войны, преследования или катастрофы и ищет убежище в другой стране.
- Трудовой мигрант. Это человек, который перемещается для работы, особенно на временные или сезонные работы, в другой регион или страну.
- Экономический мигрант. Человек, который переезжает в другую страну или регион в поисках лучших экономических возможностей и условий жизни.

- Внутренний мигрант. Человек, который перемещается в пределах своей страны, например, из сельской местности в город, в поисках работы или образования [Castles, 2003; Koser, 2007].

Приведенные определения отражают различные причины и обстоятельства, которые могут побудить человека стать мигрантом.

Далее целесообразным представляется изучить разницу между понятиями «иммигрант» и «эмигрант», где в первую очередь проводится разграничение между статусом объектов изучения демографии и особенностями самого процесса переселения:

- Иммигрант. Человек, который прибывает в страну из другого государства с целью постоянного проживания.
- Постоянный житель. Иммигрант может также обозначать лицо, которое получило разрешение на постоянное проживание в стране, но не имеет гражданства этой страны.
- Переселенец. Термин может использоваться для описания человека, который переехал в другую страну, чтобы начать новую жизнь, часто в поисках лучших экономических возможностей.
- Новый поселенец. Иммигрант также может быть определен как человек, который недавно прибыл в страну и находится на начальном этапе адаптации и интеграции в новое общество.
- Законный иммигрант. Человек, который законно переехал в другую страну и имеет соответствующие документы, подтверждающие его статус.
- Эмигрант - это человек, который покидает свою родную страну или место проживания, чтобы осесть в другой стране.
- Выходец. Этот термин может использоваться для описания человека, который уехал из своей страны и может или не может намереваться вернуться.

- Переселенец. Подобно иммигранту, эмигрант также может быть назван переселенцем, но в контексте покидания своей страны.
- Исходящий мигрант. Термин, используемый в статистике и демографии для обозначения человека, который переехал из одной страны в другую.
- Законный эмигрант. Человек, который законно покидает свою страну и имеет соответствующие документы на выезд [Castles, 2003; Koser, 2007].

В соответствии с глоссарием терминов международного миграционного права, «на международном уровне не существует общепринятого определения. Этот термин (мигрант) применяется к лицам и членам семьи, переезжающим в другую страну или регион для улучшения своих материальных или социальных условий и улучшения перспектив для себя или своей семьи» [Международное миграционное право: глоссарий терминов, 2005]. Далее представим определения, обнаруживающиеся в различных словарях. В большом толковом социологическом словаре мы находим термин «носитель культуры», под которым понимается «индивидуум, особенно мигрант, который несет и поэтому распространяет культурные ценности и черты из одного общества в другое. Его роль особенно важна в культурах, переживающих переходный этап или подвергающихся угрозе» [Большой толковый социологический словарь, 2001]. Проанализировав все представленные определения, мы считаем логичным, что под миграцией в данной работе мы будем понимать осуществляемый целенаправленный процесс (и его специфику) трансграничного перемещения латиноамериканцев между Латинской Америкой и Соединенными Штатами Америки во время которого становятся особенно заметны дифференциальные признаки и параметры их национальной идентичности, являющиеся непосредственным отражением латиноамериканского коллективного бессознательного и лингвокультурных особенностей. Косер отмечает, что в настоящее время благодаря развитию технологий и доступности транспортных систем люди

имеют возможность мигрировать и возвращаться несколько раз [Koser, 2007: 8]. С учетом данной тенденции следует добавить, что процесс трансграничного перемещения представителей латиноамериканских этнических сообществ также подразумевает возможность их кратковременного или долгосрочного возвращения на родину или репатриацию. Примечательно, что по возвращении в родные места они вновь будут вынуждены приспособливаться и привыкать «к образу жизни в своей стране» [Резников, 2005: 118].

Нелегальные мигранты и сопряженные с ними проблемы, по мнению Косера, заслуживают отдельного внимания, поэтому автор посвящает этой теме несколько отдельных глав своей книги [Koser, 2007]. По предварительным данным, в США число нелегальных мигрантов превышает 10 миллионов, более половины из которых являются мексиканцами [Koser, 2007: 58-59]. Тем не менее, автор призывает не придавать большое значение цифрам и не делать из этого глобальную проблему, так как, несмотря на то, что нелегальная миграция действительно имеет место быть в значительных количествах, в большинстве стран она составляет довольно небольшую долю от общего объема миграции [Koser, 2007: 60].

1.2 Причины и виды миграции

Перейдем к рассмотрению причин и видов миграций. Для начала представим основные виды и причины миграции, описанные в книге “The Age of Migration” Стивена Касла и Марка Миллера [Castles, 2003]:

1. Внутренняя миграция - перемещение населения внутри страны.
2. Внешняя миграция - перемещение населения между странами.

Кроме того, также выделяют своего рода временную миграцию, так как ошибочно будет полагать, что большинство мигрантов остаются в стране назначения на постоянное место жительства [Koser, 2007: 58]. Многие из них приезжают с конкретной целью, чаще всего финансовой [Там же]. По

достижении намеченной цели они могут как вернуться на родину, так и пересмотреть свои изначальные планы и предпринять попытки остаться в принимающей стране. С учетом другой классификации определяют возвратную («когда люди живут или работают один, или неск. длительных периодов в городе или стране вдали от места своего рождения, а потом возвращаются домой»), циркуляционную (повторяющиеся длительные переезды или др. регулярные типы переселений между двумя или более местами) и цепную («возникает сеть людей, которые помогают перемещению своих друзей и родственников из одного города или деревни в др., что облегчает миграционные переезды») миграции [Народы и культуры. Оксфордская энциклопедия]. С нашей точки зрения, у латиноамериканских мигрантов особенно распространены возвратная и цепная виды миграции. Примечательно, что выделяют также этническую миграцию, «в которой участвуют люди одной этнической принадлежности...такая М. существенно влияет на этнический состав населения, на языковую ситуацию в том или ином регионе» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 128], что особенно релевантно в контексте нашего исследования.

Основными причинами миграций являются экономические (поиск лучших условий для работы и жизни), политические (бегство от политических преследований и военных конфликтов), социальные (стремление к лучшей социальной защите и образованию), экологические (бегство от природных катастроф и ухудшения экологической ситуации) [Castles, 2003]. Важной причиной миграции может также выступать получение образования на иностранном языке. Например, по данным Федеральной миграционной службы России за 2021 год наибольшее количество испаноязычных иностранцев, находящихся на территории нашей страны по показателю «учеба», приехали из Колумбии (1611 человек) и Эквадора (1957 человек) [Моисеенко, 2023: 70]. В свою очередь, та же статистика, но по показателю «работа» заметно отличается, наибольшее количество испаноязычных

иностранцев, находящихся на территории нашей страны приехали из Испании (2089) и Аргентины (494) [Моисеенко, 2023: 71].

Синтезируя причины, которые вынуждают латиноамериканцев покинуть родину и отправиться на поиски лучшей жизни, можно отметить, что массовое перемещение латиноамериканского населения между странами по большей части вызвано экономическими и социальными причинами. Любопытный феномен, называемый “*El sueño americano*” (американская мечта), на протяжении нескольких веков побуждал и продолжает побуждать многие поколения *Hispanics* мигрировать и обуславливает их стремление любыми средствами пересекать американскую границу [Lantzy, 2012: 1]. Американская мечта - это общая идея о том, что каждый человек может достичь успеха и благополучия, если будет усердно работать и стремиться к своим целям, однако способы реализации и видения этой идеи у разных поколений со временем меняются [Там же]. Кортес понимает американскую мечту как социальный конструкт, отображающий саму возможность достижения латиноамериканцами успеха на территории США [Córtes, 2008: 1]. В свою очередь, Кэннон сравнивает этот концепт с легендой, передававшейся из поколения в поколение, о том, что Северная Америка – особый континент, располагающий ресурсами для всех желающих [Cannon, 2003: 551]. Таким образом, для современных мигрантов следование этой идеологии, сохранившейся на уровне коллективного сознания, приравнивается к ощущению безопасности, порядка и увеличением их потенциала [Lantzy, 2012: 3]. Частью данной идеологии также является признание того факта, что цена успеха может быть слишком высокой [Córtes, 2008: 4]. Несмотря на потенциальные сложности, достижение американской мечты позиционируется как фундаментальная добродетель, которая приносит счастье, статус и уважение, следовательно, соотносится с переходом на более высокий уровень материального состояния и дохода, а также открывает доступ к качественному образованию и высокооплачиваемой профессии [Lantzy, 2012: 4]. В этой связи желание претворить в жизнь американскую мечту может

толкать латиноамериканцев к тому, чтобы пересекать границу Соединенных Штатов Америки нелегально.

1.3. Перцептивный образ нелегального мигранта

Описание перцептивного образа нелегального мигранта в первую очередь обуславливает обращение к понятию «образ». Многообразие существующих определений условно разделяют на три группы: 1. образ – феномен, обладающий как субъективным, так и объективным существованием; 2) «образ есть любой репрезентант, представляющий какой-либо объект»; 3) «образ есть чувственный аналог, копия предмета, возникающая в результате его отражения психикой» [Рахматуллин, 2012: 168]. Кроме того, «в современной философии образ понимается не только как продукт сознания, но и как то, что формируется в социальности в виде знака или даже, выходя за “границы поля” сознания в форме симулякра, становится силой, порождающей изменения и различия» [Современный философский словарь, 2004: 466]. С учетом совокупности представленных определений в данном исследовании под «образом» мы подразумеваем результаты реконструкции объекта в массовом коллективном сознании общества.

В своем труде Кхалид Косер [Koser, 2007] говоря о нелегальных мигрантах и самом процессе нелегальной миграции целенаправленно применяет термин *irregular* вместо привычного *illegal*, утверждая, что последний отрицает человечность, так как люди не могут быть нелегальными, поскольку у них, вне зависимости от статуса, есть права [Koser, 2007: 54]. Автор допускает использование синонимичных понятий, таких как *undocumented* и *unauthorized*, однако обращает внимание на то, что они являются взаимозаменяемыми не во всех контекстах, и необходимо учитывать ситуацию каждого отдельно взятого мигранта для того, чтобы правильно определить его правовое положение. В качестве подтверждения своей мысли

Косер приводит новостной эфир ВВС 2001 года, в котором рассказывалось о том, что 58 китайских беженцев и нелегальных мигрантов были найдены мертвыми в кузове грузовика в одном из портов Великобритании, и объясняет, почему СМИ следовало бы употребить лексему *irregular* для их характеристики [Koser, 2007: 56]. Кроме того, автор подчеркивает наличие негативной коннотации, сопряженной со словосочетанием «нелегальный мигрант», а также его непосредственную связь с преступной деятельностью [Koser, 2007: 54]. Косер указывает на тот факт, что большинство мигрантов с неурегулированным статусом не являются преступниками, несмотря на то, что сам термин «нелегальный мигрант» содержит в себе компонент значения, соотносящийся с нарушением административных правил и предписаний принимающей страны [Там же]. В одной из глав своей книги, посвященной проблемам, связанным с нелегальной миграцией, Косер утверждает, что идея о том, что мигранты с неурегулированным статусом представляют собой реальную угрозу суверенитету и безопасности государства, в которое они прибывают, находит свое прямое выражение в медийном и политическом дискурсах [Koser, 2007: 60]. В этой связи можно говорить о перцептивном образе нелегальных мигрантов, навязанном средствами массовой информации, поскольку «сегодня СМИ предлагают нам определенную медиакартину, в которой мир не отображается, а интерпретируется» [Моисеенко, 2020: 7]. Равным образом «СМИ выступают в роли основной коммуникативно значимой среды современного общества» [Там же]. Мы разделяем мнение М. В. Ларионовой о том, что «газетно-публицистический дискурс, создающий собственное информационное пространство, обладает рядом важных характеристик: в частности, он всегда ориентирован идеологически (в зависимости от политических пристрастий издания) и лично (индивидуальный стиль журналистов, политиков)» [Ларионова, 2013: 220]. Вместе с тем, одна из фундаментальных мыслей, которая транслируется средствами массовой информации состоит в том, чтобы убедить публику в том, что страна «переполнена» ('flooded') и рискует быть

перегружена потоком нелегальных мигрантов [Koser, 2007: 60]. В этой связи подтверждением может служить короткий политический рекламный текст “The boat is full” («лодка полна» – *здесь и далее – перевод наш. Л.Г.*), получивший распространение в Швейцарии [Hiemstra, 2013]. С точки зрения Нэнси Хиемстра (Nancy Hiemstra), с данным слоганом связан парадокс, присущий соответствующим образам иммигрантов: «они становятся очень заметными как стереотипы и одновременно становятся невидимыми как личности и человеческие существа» (“Immigrants are “made highly visible” as stereotypes while simultaneously “made invisible as individuals and human beings”) [Hiemstra, 2013].

Анализируя заголовки и содержание интернет-статей, сопряженных с исследуемой тематикой, мы также обнаруживаем различные приемы и манипулятивные тактики, оказывающие влияние на сознание аудитории. В качестве подтверждения этой точки зрения представим несколько недавних заголовков из иностранных медиа:

- “Cortina: “Lo que molesta de los inmigrantes es que sean pobres” [El Pais].
- “Lucha contra la migración irregular” [La Organización Internacional para las Migraciones].
- “Si no te gustan las personas migrantes, no las metas en tu casa [El Diario].
- “No rechazamos a los extranjeros si son turistas, cantantes o deportistas de fama, los rechazamos si son pobres” [BBC News].
- “Un país de inmigrantes al que no le gustan los inmigrantes” [La Vanguardia].

Обратим внимание на специфику формы подачи информации: можно отметить ее идеологическую ориентированность, манипулятивность и деструктивный характер, в силу того, что акцент главным образом делается именно на негативные эмоции и проблемы, вызванные мигрантами. По нашему мнению, в каждом из заголовков проблема целенаправленно утрируется, чему способствует использование средствами массовой информации лексики с неодобрительной эмоциональной окраской по отношению к мигрантам. Подобного рода заголовки привлекают читателей за

счет того, что превращают названия статей в объекты любопытства, которые не только не характеризуются высокой степенью информативности и содержательности, но и оказывают скрытое воздействие на получателей информации, особым образом формируя их образ мыслей в сторону социальной стигматизации мигрантов и желания прекратить нелегальную миграцию. Вместе с тем, в текстах рассмотренных статей не обнаруживается вариантов решения проблем, затронутых в заголовках, что подтверждает точку зрения о том, что «одной из распространенных манипуляционных стратегий в газетно-публицистическом дискурсе является смещение внимания с самого действия или ситуации, например, на обстоятельства, им сопутствующие» [Ларионова, 2013: 221]. Согласно нашим наблюдениям, подобные инструменты, к которым прибегают СМИ, освещая миграционные потоки в отрицательном ключе и представляя фрагменты действительности особым образом, деструктивно отражаются на перцептивном образе мигрантов, поскольку таким образом подвергается сомнению истинность морально-этических ценностей самих мигрантов, а у целевой аудитории формируется отрицательное отношение к мигрантам. Как справедливо указывает М.В. Ларионова, «выбирая нужные слова, можно не только воздействовать на образ действительности, но и моделировать отношение к ней» [Ларионова, 2013: 220].

В статье «*Images of Illegalized Immigration: Towards a Critical Iconography of Politics* by Christine Bischoff; Francesca Falk; Sylvia Kafehsy» представлена рецензия Нэнси Хиестра на книгу с аналогичным названием. В первую очередь, речь идет о необходимости учитывать степень влияния существующих визуальных репрезентаций на создание популярного представления о международной миграции, и, в частности, о важности понимания механизмов функционирования ее нелегальной составляющей [Hiemstra, 2013]. Особое внимание обращено на то, каким образом мигранты стигматизируются и одновременно становятся невидимыми для общества принимающей страны. Несколько глав рецензируемой в статье книги

посвящены способам и примерам освещения средствами массовой информации новостных событий, сопряженных с темой иммиграции, и рассмотрению того, как такого рода подача информации оказывает влияние на формирование отрицательного общественного восприятия мигрантов. Кроме того, отмечается, что общество преимущественно (вне зависимости от страны) настроено скорее негативно по отношению к «прибывшим» [Там же]. Описанная динамика тем самым закрепляет изначально созданный и навязанный СМИ образ нелегального мигранта. В указанной статье Нэнси Хиестра подчеркивает, что отрицательное изображение иммигрантов фактически выходит за рамки как международных границ, так и времени [там же]. В качестве примера типичного представления о нелегальных мигрантах в книге предлагается изображение переполненных лодок и людей в масках, помогающих беженцам, которым удалось спастись и обращается внимание на то, что ношение масок в подобной ситуации предполагает, как возможность, так и страх потенциального заражения, а также наличие имплицитной ассоциации мигрантов с угрозой для жизни [Там же].

Мы разделяем точку зрения Кристин Бискофф (Christine Bischoff), одной из авторов вышеназванной книги, о том, что в основе сложившегося образа мигранта лежат этнические стереотипы, которые впоследствии приводят к типизации и стигматизации [Там же], и предполагаем, что расовые и национальные предрассудки играют ключевую роль в формировании негативного образа нелегального мигранта. Вместе с тем, следует принимать во внимание тот факт, что «автостереотипы и гетеростереотипы носителей испанского языка проистекают прежде всего из условий формирования соответствующих наций, их образа жизни, истории и культуры» [Чеснокова, 2020: 73]. Согласно словарю социолингвистических терминов, этностереотип представляет собой «схематичный стандартизованный образ или представление о представителях того или иного этноса, обычно эмоционально окрашенные и обладающие высокой устойчивостью» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 247]. Мы считаем, что этнические

стереотипы равным образом обусловлены и ограничены внутрискруктурными культурно-мировоззренческими параметрами и коллективным опытом отдельных языковых общностей, несмотря на то, что в созидательно-конструктивном плане этностереотипы также могут являться зеркалом национальной культуры. Кристин Бискофф выдвигает любопытное предположение о том, что негативные представления об иммигрантах могут быть использованы в качестве признаков подтверждения национальной идентичности как таковой [Niemstra, 2013].

Термин «иммигрант», как мы имели возможность наблюдать ранее, может интерпретироваться как в широком, так и в узком смысле, в зависимости от контекста и отрасли научного знания, в котором он изучается. Представим определение, предложенное словарем социолингвистических терминов, согласно которому, иммигрант - «лицо, переехавшее на место жительства в другое государство и оказавшееся в иноязычном и инонациональном окружении...В ряде случаев И. характеризуется недостаточным владением языком страны проживания и испытывает коммуникативные и социальные последствия этого» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 75]. Отметим, что данное определение включает в себя некоторые характерные особенности, в том числе ассоциируемые с нелегальными мигрантами. Это позволяет нам прийти к выводу о том, что социальная реальность легальных и нелегальных мигрантов сливается воедино, в отличие от их идентичности, которая подвергается процессу раздвоения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе, посвященной миграции как предмету комплексного лингвокультурологического исследования мы исследовали основные составляющие миграционных процессов в междисциплинарной парадигме отдельных гуманитарных наук. В рамках данной работы под миграцией мы понимаем осуществляемый целенаправленный процесс (и его специфику) трансграничного перемещения латиноамериканцев между Латинской Америкой и Соединенными Штатами Америки во время которого становятся особенно заметны дифференциальные признаки и параметры их национальной идентичности, являющиеся непосредственным отражением латиноамериканского коллективного бессознательного и лингвокультурных особенностей.

Миграция неразрывно связана со многими глобальными вопросами, поэтому имеет важное социальное, экономическое, политическое и культурное значение для принимающей стороны и ее общества как системы на всех уровнях, в связи с чем можно говорить о том, что миграционные процессы затрагивают все слои населения. Анализ совокупности изученных факторов позволяет утверждать, что позитивный эффект миграционных процессов преобладает над негативным. Синтезируя причины, которые вынуждают латиноамериканцев покидать родину и отправляться на поиски «лучшей» жизни, можно отметить, что массовое перемещение латиноамериканского населения между странами по большей части вызвано экономическими и социальными причинами. Вместе с тем, феномен, называемый “El sueño americano” (американская мечта), на протяжении нескольких веков побуждал и продолжает побуждать многие поколения *Hispanics* пересекать американскую границу любыми способами.

Помимо экономической экспансии, изменениям политического плана и культурного обогащения, миграция также могут приносить с собой серьезные проблемы, например, провоцировать появление конфликта во внутренней

психической реальности переселенцев. У мигрантов на контрасте между привычной реальностью и новым социокультурным пространством, в котором требуется существенно модифицировать механизмы жизненных процессов, включая принятие новой социальной роли и статуса, могут возникать когнитивные искажения и некоторая неадекватность мировосприятия, что определенным образом сказывается на их психоэмоциональном состоянии.

В свою очередь, существует спектр определенных факторов, провоцирующих закрепление за отдельным понятием или значениям слов специфических семантических компонентов в общественном сознании, в нашем случае, в том, что касается образа нелегальных мигрантов. По нашему мнению, главным фактором в этом отношении выступают СМИ, стремящиеся оказать эмоционально-психологическое воздействие на целевую аудиторию в процессе подачи информации. Равным образом, преследуя различные цели, средства массовой информации способны целенаправленно формировать образ какого-либо лица, явления или предмета. В этой связи на основе сложившегося в общественном сознании образа мигранта лежат этнические и другие стереотипы, которые впоследствии приводят к их типизации и социальной стигматизации.

ГЛАВА 2. *LATINO/HISPANICS* КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ В США

Изучение языковой картины мира, поведенческих и культурных кодов этнических групп стало актуальным на рубеже двадцатого-двадцать первого веков. Литература, будучи искусством слова, во все времена выступала в качестве основного и вечного источника примеров, используемых в качестве базы для разного рода исследований, посвященным языку. Знаменитый роман колумбийского писателя Габриэля Гарсии Маркеса «Сто лет одиночества», соединивший в себе фантастические и мифологические элементы с реалистической картиной мира, стал бестселлером, положив начало моде на латиноамериканскую литературу [Кофман, 2015: 92]. Приверженцы магического реализма, к которым относится Габриэль Гарсиа Маркес, Хулио Кортасар, Марио Варгас Льюса, Карлос Фуэнтес и другие известные латиноамериканские писатели той эпохи, принадлежали к появившемуся во второй половине двадцатого века литературному явлению «Латиноамериканский бум» (исп. *El Boom Latinoamericano*). В своих произведениях вышеназванные авторы поднимают важнейшие и остро полемические вопросы, среди которых можно сделать акцент на экономических и идеологических проблемах, исторических и политических событиях, которые находят отражение в жизни героев, равным образом писатели затрагивают вопросы национальной идентичности [Boom latinoamericano].

«Постижение национальной идеи любого народа должно начинаться с изучения языковых символов его национальной идентичности, которые теснейшим образом связаны с историей его бытования» [Раевская, 2012: 67]. Согласно нашим наблюдениям, интерес к изучению специфики латиноамериканской идентичности возрос в середине двадцатого века и постепенно начал набирать популярность вместе с развитием концепции магического реализма, известного литературного феномена прошлого века,

непосредственно связанного с вышеупомянутым латиноамериканским бумом. Исторические предпосылки этого явления тесно связаны с политической напряженностью, возникшей в 1960-х и 1970-х годах. Политический климат, на который сильно повлияла холодная война, послужил преддверием для авторов периода латиноамериканского бума и породил поток идей и идеологий, которые определили контекст того, что позднее стали называть латиноамериканский бум [Boom latinoamericano]. Принято считать, что ключевыми событиями, которые положили начало этому литературному феномену стали Кубинская революция 1959 года и неудавшиеся попытки Соединенных Штатов Америки свергнуть правительство Фиделя Кастро посредством вторжения в бухту Кочинос (исп. *Bahía de cochinos*, рус. *Залив Свиней*). Примечательно, что в этой военной операции, завершившейся неудачей, также принимали участие кубинские эмигранты, подготовленные американской армией [там же]. Мы сознательно представили здесь данный исторический факт, поскольку преследуем своей целью указать на взаимообусловленность и непрерывные на протяжении нескольких веков контакты между Соединенными Штатами Америки и Латинской Америкой, последствия которых, в том числе, в языковых параметрах идентичности, можно анализировать и наблюдать по сей день.

2.1. Историческая обусловленность миграционных потоков из Латинской Америки в США

Присутствие (легальное и нелегальное) носителей полинационального испанского языка на нынешней территории Соединенных Штатов насчитывает более пяти столетий. Определить точное антропологическое происхождение проживающих на территории США латиноамериканских мигрантов старших поколений крайне затруднительно, поскольку родовая память на сознательном уровне ограничивается тремя-четырьмя поколениями, которые индивид застает при жизни. Другими словами, сами мигранты и их

старшие дети всегда будут помнить о том, в какой момент начало происходить последовательное деление их жизни на две части, «до» и «после» миграции. В свою очередь, младшие дети и следующие поколения, принадлежащие к семье мигрантов и родившиеся в США, в абсолютном большинстве случаев себя таковыми не считают, поскольку на психофизическом уровне они не способны воспроизвести этот опыт, выходящий за пределы их сознания. Тем не менее, коллективное бессознательное, культурно-историческая и этническая память, передаваемая из поколения в поколение на генетическом уровне, так или иначе навсегда сохраняется.

Проблема нелегальной иммиграции на границе и территории США никогда не переставала быть острой, однако государственная политика в этом вопросе всегда была лабильна и по большей части неустойчива. Вместе с тем, принимая во внимание межгосударственные отношения Соединенных Штатов Америки со всеми латиноамериканскими странами, можно сказать, что самые сложные политические и экономические отношения у страны с Мексикой, что обусловлено интенсивностью и комплексным характером проблемы нелегального пересечения американской границы. Так, например, по последним оценкам, в 2023 году «поток нелегальных мигрантов в США побил все рекорды» [Телеканал 360, 2024].

Обратимся к истокам этого вопроса. Известно, что Соединенные Штаты вторглись в Мексику в 1847 году, затем 2 февраля 1848 года был подписан договор Гваделупе-Идальго (исп. *Tratado de Guadalupe Hidalgo*), по которому Мексика потеряла все, что сейчас является штатами Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Колорадо и Юта, в дополнение к Техасу, который был потерян десятилетием ранее [Albelda Marco, 2010: 404]. Благодаря переписи населения США 1850 года, которая была проведена вскоре после завоевания Мексики, было насчитано более 80 тысяч бывших мексиканцев, 2 тысячи кубинцев и пуэрториканцев, а также 20 тысяч человек из Центральной и Южной Америки. Последовавшая за этим американская золотая лихорадка середины девятнадцатого века привлекла в США искателей удачи со всего мира, в том

числе, открыла путь для первой довольно незначительной миграционной волны латиноамериканцев. Так, несколько сотен чилийцев и мексиканцев направились в Калифорнию, присоединившись к числу испаноговорящих жителей калифорнии в лагерях шахтеров. Несколько лет спустя быстро растущее англоговорящее население все-таки вытеснило латиноамериканских шахтеров из региона. В последующие десятилетия англо-американцы и европейцы активно продвигались на Юго-Запад страны, в то же время распространились случаи насилия и расизм по отношению к латиноамериканскому населению, которое продолжало медленно увеличиваться за счет естественного прироста. Так, переписью 1880 года была зафиксировано 333 тысяч человек, которые идентифицировали себя как *Hispanics*. Вместе с тем, уже в 1900 году количество испаноязычных представителей, проживающих на территории США, достигло 496 тысяч, три четверти из которых родились в Соединенных Штатах [Albelda Marco, 2010: 404-406].

Новый век принес собой большие перемены. Растущая экономика США с множеством рабочих мест в сельском хозяйстве и строительстве железных дорог в сочетании с революционными потрясениями в Мексике вдохновили первое великое переселение мексиканцев двадцатого века. Перепись 1930 года насчитала более полутора миллиона человек мексиканского происхождения. Ситуация на мировой арене изменилась: Куба и Пуэрто-Рико перестали быть испанскими колониями, а Панама провозгласила независимость от Колумбии в самом начале века. Политика США в Карибском бассейне вызвала первую устойчивую иммиграцию из региона. В 1930 году почти девяносто тысяч пуэрториканцев и десятки тысяч кубинцев обосновались на материковых штатах. В свою очередь, годы Великой Депрессии прервали череду миграций как в Карибском бассейне, так и в Мексике, фактически повернув их вспять. Некоторые латиноамериканцы добровольно покидали Соединенные Штаты из-за нехватки рабочих мест, а также из-за ксенофобии. Тем не менее, у десятков тысяч американцев мексиканского происхождения уже не было

выбора, поскольку кампании по депортации, особенно в Южной Калифорнии, заставляли людей садиться в поезда или автобусы, следующие в Мексику и покидать страну. В результате этой политики следующая американская перепись зафиксировала значительное сокращение (почти на 250 тысяч) числа резидентов-мексиканцев. Американцы мексиканского происхождения, родившиеся в США, также были отправлены в Мексику в ходе кампаний по «репатриации» [University of Washington].

Вторая мировая война вновь изменила ситуацию. Правительство США запустило переговоры с Мексикой и другими карибскими колониями и странами о вариантах программ временного трудоустройства иностранных рабочих, так как нуждалось в рабочей силе в областях оборонной промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, в 1940 году численность *latinxs* на американской территории снова выросла более чем на миллион [там же].

Важно отметить, что в 1965 году Конгресс переписал американское иммиграционное законодательство, тем самым положив конец системе, которая вводила жесткие ограничения для выходцев из Азии, Африки и большей части Европы, в то же время вводя меньшие ограничения для выходцев из Северной и Южной Америк. Новый закон установил единые национальные квоты и целый ряд специальных статусов. Так, например, для пуэрториканцев, уже ставших гражданами США, ничего не изменилось. В свою очередь кубинцев, получивших особый статус беженцев из коммунистической страны, встретили очень радушно. Однако для всех остальных латиноамериканцев закон затруднил получение иммиграционных виз и сделал рискованным поселение в США без них. Последующий стремительный рост испаноязычного населения привел к тому, что в 1970 году в континентальных штатах проживало более 7,5 миллиона человек латиноамериканского происхождения, среди которых американцы мексиканского происхождения составляли две трети. Также отмечалась растущая миграция пуэрториканцев с острова. 1970 год показал, что 1,4

миллиона пуэрториканцев живут в континентальной части страны [там же]. В конце 90-х годов именно безработица являлась основной причиной массовой эмиграции пуэрториканцев в экономическую столицу Америки – Нью-Йорк. Интересно, что в эти годы также появились наименования “*puerogican*” и “*neortigueño*” обозначающие смесь пуэрториканского и нью-йоркского населения [Albelda Marco, 2010: 414]. Кубинцы были частью населения Флориды с девятнадцатого века. Так, более ста тысяч кубинцев проживали в США до того, как революция Кастро в 1959 году положила начало их массовому оттоку. В 1970 году во Флориде и нескольких других штатах проживало более 580 000 кубинцев, но уже в 1990 году их число превысило миллион [там же].

Согласно данным Американского бюро переписи населения за двухтысячный год, латиноамериканцы составляли 12,5% от общей численности населения. Относительно происхождения этих носителей испанского языка, отмечается, что мексиканцы все еще являются самой многочисленной группой - 58,5%, им уступают пуэрториканцы – 9,6%, кубинцы - 3,5% и доминиканцы - 2,2%. В свою очередь, чуть более 25% составляют носители испанского языка из других стран. В последующие годы отмечается активный рост популяции латиноамериканцев. По данным 2006 года вновь увеличился процент мигрантов из Мексики - 64%, мигрантов из Сальвадора -3%, Доминиканской Республики - 2,8 и некоторых других стран [там же]. Эта статистика позволяет наглядно убедиться в происходящей и усиливающейся, так называемой, «латинизации США» (исп. *Latinización de los Estados Unidos*) [Hispanización de Estados Unidos]. По мнению экспертов, она может объясняться не только увеличением миграционных потоков, но и высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности латиноамериканского населения, а также их более высокой продолжительностью жизни. По прогнозам этого же Бюро, к середине двадцать первого века число латиноамериканцев, проживающих в

Соединенных Штатах, может составить более ста миллионов человек, то есть, увеличиться почти вдвое [University of Washington].

За последние пятьдесят лет модели миграции подвергались изменениям как из-за законодательства, так и из-за модификаций политической экономики Северной и Южной Америки. Люди прибывают на север в невиданном ранее количестве, и уже не только из Мексики и нескольких других стран. Каждая страна Центральной и Южной Америки в настоящее время представлена в значительном количестве резидентов в Соединенных Штатах. Так, латиноамериканское население Америки активно росло десятилетие за десятилетием с 7,6 миллиона в 1970 году до 14 миллионов в 1980 году, до 21 миллиона в 1990 году, 35 миллионов в 2000 году, 50 миллионов в 2010 году и более 58 миллионов в 2017 году [там же].

Мигрантам, так или иначе, приходится сталкиваться с официальным языком той страны, в которой они останавливаются. Рассмотрим статистику относительно использования английского языка латиноамериканцами, проживающими в Соединенных Штатах, которую приводит Домингез в своей работе 2008 года. Согласно этим данным, семьи *latinos* с детьми старше пяти лет, в которых говорят дома только на испанском, составляют 12% от общего числа носителей испанского языка – резидентов США. Особенно это отмечается в районах недавно обосновавшихся мигрантов. В свою очередь, 41% латиноамериканцев не использует английский язык дома, при этом, не очень хорошо им владеют. Около 38% не говорят на английском с семьей, но при этом достигли успехов в изучении английского и используют его по мере надобности. Оставшиеся около 20% включают в себя те семьи, где дома говорят только на английском. Наряду с этим демонстрируется динамика роста количества владеющих английским языком носителей испанского языка в поколениях. Так, первое поколение выходцев из стран Латинской Америки, мигрировавших в США, обычно не владеет английским свободно - 23%. Во втором поколении им уже владеет почти 90%, а в третьем - абсолютное большинство. Таким образом, по числу носителей испанского языка и тех, кто

освоил испанский язык в качестве второго, Соединенные Штаты приравняются к Испании, Аргентине и Колумбии [Albelda Marco, 2010: 410].

В настоящее время отмечается положительная динамика в том, что касается распространения испанского языка на территории Соединенных Штатах, равным образом усиливаются влияние и давление на него со стороны английского языка, имеющего статус официального. Так или иначе, испанский язык на территории США отличается от национальных вариантов испанского языка, он своеобразен и неоднороден, а ареал его распространения носит диаспорический характер, в этой связи становится еще более актуальным наше исследование, посвящённое лингвокультурной идентичности латиноамериканских мигрантов. При межкультурном взаимодействии в разных социальных контекстах активно задействуются привычные механизмы и бессознательные реакции, являющиеся проявлениями национальной, коллективной и социальной идентичности латиноамериканского национально-языкового меньшинства, а также реализуется специфика лингвоментального кода, что позволяет нам приходить к умозаключениям по поводу отдельных общих закономерностей жизненных процессов и социальных рамок выходцев из Латинской Америки, проживающих на территории США.

Таким образом, по мере развития и изменения североамериканского общества под влиянием внешних факторов и обстоятельств, подвергнувшись многочисленным метаморфозам, представители латиноамериканского языкового сообщества оказали существенное влияние как на расовый состав населения Соединенных штатов Америки, так и на североамериканскую национальную самобытность. Важно подчеркнуть, что вышеописанная совокупность исторических условий, причин, шаблонов и обстоятельств, сопряженных с миграционными потоками из Латинской Америки через границу США, оказала значительное влияние на формирование лингвокультурной идентичности мигрантов-носителей испанского языка,

аналогичным образом способствовала появлению в североамериканском обществе бесчисленного количества стереотипов и оценочных суждений, анализ которых мы также представим в этой главе. Тем не менее, тенденции последних лет явно демонстрируют, что современные латиноамериканцы, проживающие или эмигрирующие в США, стремятся целенаправленно включить испанский язык и культурно-детерминированные установки мигрантов в западные массы и медиа, и, по нашему мнению, делают это довольно успешно, акцентируя внимание на своем этническом происхождении, тем самым представляя наследие своей культуры и распространяя его по всему миру.

2.2. Язык наследия (Lenguaje de herencia)

Наследие каждой культуры многогранно, поскольку включает в себя различные достижения сферы ценностного освоения действительности, историко-культурный и социальный опыт, а также богатство культурного потенциала нации. Нам близко определение наследия, данное Д.Н. Замятиным, под которым он понимает «определенный медиативный ментально-материальный культурный слой, как «кожа» культуры, необходимая ей для органичной жизни, воспроизводства и развития... Вместе с развитием самой культуры происходит развитие и наследия, его образа, который меняется вместе с культурой, будучи ее неотъемлемой составляющей» [Замятин, 2010: 76]. В этой связи можно образно говорить о том, что за последние десятилетия Соединенные Штаты Америки всецело «обросли» латиноамериканским культурным слоем, обнаруживается даже специальный термин «латинизация США» (исп. *Latinización de los Estados Unidos*) [Hispanización de Estados Unidos], под которым подразумевается «социальный процесс миграционного и культурного характера, в результате которого состав американского населения и его культура приобретают все

более испаноязычный характер», доказательства этого можно найти на всех уровнях, они будут представлены нами в данной главе.

Рассуждая о распространении и роли латиноамериканской культуры в мире в целом, а также о ее наследии, культурном потенциале, значении и важности для североамериканского общества в частности, в первую очередь, следует отметить, что ее весомость в двадцать первом веке значительно возросла. Подтверждением этому может выступать тот факт, что в США на протяжении нескольких десятилетий ежегодно с 15 сентября по 15 октября отмечается Месяц латиноамериканского наследия (исп. *Mes Nacional de la Herencia Hispana*), посвященный культуре и истории испаноговорящего населения, признанию достижений и вклада носителей испанского языка, проживающих на территории Соединенных Штатов, которые вдохновляют других людей на достижение успеха [CNN Español, 2023].

До появления термина “heritage language” в иностранной литературе в этом контексте встречались такие термины как “community language” [Baker, 1998; Corson, 1999; Wiley, 2001] и “home language” [Yeung, 2000]. В статье “What is a heritage language?” Анн Келлехер (Ann Kelleher) рассуждает о том, что все языки, за исключением английского, на которых говорят в США, принято называть иностранными или языками меньшинства (англ. “minority language”). В свою очередь, термин *heritage language* используется для идентификации языков, отличных от доминирующего на территории государства языка (или языков) в заданном социокультурном контексте. К таким языкам относится и испанский [Kelleher, 2009].

Анализ языковой политики в Соединенных Штатах Америки позволяет нам утверждать, что английский язык, не обладая статусом официального языка на всей территории США, де-факто является доминирующим языком в абсолютном большинстве штатов. Кроме того, тот факт, что в стране нет официального языка закреплён на федеральном уровне. Иначе говоря, английский язык на территории государства ежедневно используется во всех базовых сферах человеческой жизнедеятельности (общественная,

политическая, экономическая, культурная и духовная) и любой язык, отличный от английского, считается здесь языком наследия. Известный американский социолингвист Джошуа Фишман разделяет языки наследия, на которых говорят в США, на 3 группы:

1. Языки колониального наследия — это языки различных европейских народов, которые первыми колонизировали территорию нынешних Соединенных Штатов. К ним относятся такие языки, как голландский, немецкий, французский, испанский и др., на которых до сих пор говорят в США.
2. Языки наследия коренных народов (Indigenous heritage languages) — это языки народов, проживающих в Северной и Южной Америке. Многие из этих языков в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, полку количество носителей этих языков близится или уже приблизилось к нулю. К ним относятся такие языки, как массачусеттс, катауба, читимаха и др.
3. Языки наследия иммигрантов (Immigrant heritage languages). К этой группе относятся любые языки, на которых говорят иммигранты, прибывшие в Соединенные Штаты (после провозглашения их независимости). Отмечается, что языки наследия иммигрантов могут совпадать с языками колониального наследия, например, как происходит в случае с испанским языком, который относится как к первой группе языков колониального наследия, так и принадлежит к группе языков наследия иммигрантов [Fishman, 2001].

В том, что касается словесного обозначения статуса испанского языка на территории США, мы предполагаем, что термины «язык меньшинства» и «иностранный язык» в данном контексте потеряли свою актуальность в связи с несоответствием действительности. Приведем статистические сведения и несколько фактов для подтверждения нашей точки зрения. Согласно данным последней переписи населения, испаноязычное население США в 2020 году

достигло 62,1 миллиона и является второй по численности социально-демографической группой в стране (так, например, в трех из пятидесяти штатов США испаноязычное или латиноамериканское население составляет большинство) [El Pais, 2022]. Кроме того, испанский язык находится на втором месте по частоте преподавания в школах и в университетах США после английского [Leeman, 2022: 265], вместе с тем, согласно статистике 2015 года почти 30% учащихся начальных и средних классов американских школ имели латиноамериканские корни [Leeman, 2022: 253]. В 2019 году испанский стал вторым по распространенности языком, на котором американские семьи говорят между собой в быту (62%) [El Pais]. Эти данные позволяют нам прийти к заключению о том, что испанский язык на территории США уже не является языком меньшинства, напротив, он имеет притязания на лидерские позиции в этом отношении. Так, например, большая часть объявлений в местах общего пользования дублируется именно на испанский язык.

Вместе с тем, наименование «иностраный язык» относительно испанского также практически не встречается, это прослеживается, в том числе, в сфере образования, где используются понятия первый и второй язык (англ. *first language, second language*). По мнению Анн Келлехер (Ann Kelleher), языками наследия могут выступать и те, которыми отдельные этнолингвистические группы и сообщества не владеют свободно, однако такие языки также не могут считаться для них и иностранными, поскольку они являются «знакомыми во многих отношениях» [Kelleher, 2009]. Можно привести яркий пример с уровнем владения испанским языком детьми латиноамериканских мигрантов в США, некоторые из которых могут говорить, читать и писать на языке своих предков, другие могут различать и понимать испанскую речь или отдельные слова на слух, но сами не могут построить полноценные и безошибочные предложения. Иначе говоря, испанский язык для них может выступать первым языком (в том числе забытым) или вторым языком, но никак не иностранным, поскольку так или

иначе обладает функцией категоризации некоторых аспектов их действительности.

Язык, на котором говорят внутри семьи, чаще всего также называют языком наследия, так как он является важной частью культуры и идентичности. В этом контексте равным образом используется термин *home language* [Yeung, 2000]. Использование испанского языка на территории США выступает в качестве показательного примера, поскольку, согласно статистике вашингтонского исследовательского центра Pew (Pew Research Center), уровень использования испанского языка в быту остается высоким: в 2019 году 94% испаноязычных иммигрантов говорили дома на родном языке, этот процент остается практически неизменным с 1980 года [Pew Research Center, 2022]. Иммигранты, как правило, привозят с собой на новое место жительства свой язык и культуру. На территории США проживают многочисленные поколения детей, внуков и правнуков выходцев из Латинской Америки, которые в очень ограниченной степени владеют языком предков, однако идентифицируют себя как *latino/hispanic*, ссылаясь на свои исторические корни. Некоторые из них могут вообще не понимать испанский язык, но являться частью многочисленной семьи или существовать в рамках латиноамериканского сообщества, где кто-либо сохраняет и применяет знания испанского языка. В таких случаях в отношении группы лиц, не владеющих испанским, чаще всего используются такие понятия как *heritage speaker* или *no sabo kid* (наиболее употребителен в разговорной речи). Равным образом, носителем языка культурного наследия (*heritage speaker*) считается тот, кто вырос, используя определенный язык (в нашем случае испанский) в кругу семьи и применяя другой язык в социуме, за пределами бытовой сферы [Duolingo blog].

В свою очередь, термин «no sabo kid» образован при помощи испанского «неправильного» глагола *saber* (знать), форма первого лица единственного числа которого представлена с ошибкой (*sabo* вместо *sé*) и слова *kid* (ребенок), тем самым отражая несколько ограниченные знания испанского языка этой

части представителей латиноамериканского сообщества и демонстрируя их уникальное положение как носителей испанского культурного наследия. Приведем в пример занимательный дискурс известной девушки-блогера, которая недавно начала изучать испанский язык с нуля, и которая позиционирует себя как *no sabo kid*, поскольку в ее семье разговаривают на английском (девушка родилась на территории Соединенных Штатов Америки, ее отец американец, а мать — мексиканка):

- “Ау, pues, entonces no puedo leer ese comentario, pero you know what? I want to give it to you this time because I'm going to give you a sneak peek as to what it's like kind of knowing Spanish but also not really. No puedo hablar tan rápido cuando estoy hablando en español porque estoy *tradusendo*, traduciendo las palabras primero en inglés y después en español. Pero la cosa más importante es que estoy tratando, estoy practicando en mis videos, estoy practicando para hablar con mis *relativos* (здесь можно наблюдать попытку перевода существительного *relatives* на испанский). Yo quisiera hablar tan fluido y tan rápido en los dos idiomas como mi mamá, pero *así no estoy*, todavía tengo un acento muy fuerte. Pero la cosa es... no me importa, hago mis videos en los dos idiomas para que la gente que se quiere hablar en ese idioma no *están* muy *intimidados* (здесь можно наблюдать попытку перевода глагола *intimidate* на испанский). ¿Viste? Todavía tengo errores, o sea no soy *perfecto* (ошибка в согласовании по роду) [YouTube. No sabo kid].

Как можно понять из представленного речевого образца, в данном видео девушка на обоих языках делится своей точкой зрения в ответ на критику о том, что она вообще не владеет испанским языком. Допущенные в речи неточности на лексическом и грамматическом уровнях мы выделили курсивом. В целом, мы можем отметить, что, несмотря на некоторые ошибки блогера, основная цель коммуникативного процесса – передача информации – достигается, поскольку мысли, которые хочет донести девушка, легко доступны для всеобщего понимания. Подобные ситуации, когда носители языка культурного наследия подвергаются критике со стороны обоих

сообществ за то, что они «недостаточно» владеют языком или «недостаточно» знакомы с культурой наследия, встречаются довольно часто, особенно в Интернет-пространстве. Дискуссионный момент заключается в том, что *heritage speakers* чаще всего растут и воспитываются под влиянием (можно даже сказать на грани) двух культур. Другими словами, они не могут считаться полноценной частью своей культуры наследия и сообщества, потому что живут в иной социокультурной реальности, вместе с тем, носители языка наследия также не могут ощущать себя полноценной частью окружающего их социума, поскольку они воспитаны иначе, соответственно, имеют отличные от американских инстинктивные внутренние установки и ментальные характеристики. Таким образом, термин язык наследия (англ. *heritage language*) может быть использован для описания разного рода связей между недоминирующим на определенной территории языком и человеком, семьей или сообществом, имеющими непосредственное отношение к этому языку или культуре, обусловленной им.

В любом случае, являться представителем одновременно двух культур – исключительная черта, выделяющая этих индивидов из числа других и обеспечивающая им уникальное положение в любом обществе (в языковом и культурном планах), благодаря тому, что они обладают способностью понимать, комбинировать и соединять в себе различные культуры, а также, являясь связующим звеном между двумя сообществами, привносить и переносить всевозможные элементы культуры своего наследия в элементы американской социокультурной среды и наоборот. Кроме того, еще одной ключевой особенностью для носителей языка культурного наследия является ответ на вопрос о собственной принадлежности. Определение собственной принадлежности и важность ее осознания непосредственно сопряжена с темой языковой и культурной идентичности.

2.3. Языковая и культурная идентичность латиноамериканских мигрантов в США

Рассмотрение своеобразия идентичности латиноамериканских мигрантов, проживающих на территории Соединенных Штатов Америки, мы считаем целесообразным начать со слов известнейшего колумбийского художника Фернандо Ботеро Ангуло (исп. *Fernando Botero Angulo*), взятых из его интервью “*Ser latinoamericano es algo que marca para siempre*” (Латиноамериканская идентичность — это то, что формирует вашу личность навсегда) для аргентинской газеты *Clarín* [Rodríguez-Blanco, 2011]. По мнению В.В. Воробьева, личность представляет собой «индивидуальное проявление народности» [Воробьев, 1997: 85], ввиду этого на примере Фернандо Ботеро, который родился в Медельине и большую часть своей жизни провел за пределами Родины: в Италии, Мексике и США, можно проследить отдельные проявления национальной самобытности латиноамериканцев, покинувших свою родину. Ранее упомянутое название статьи, посвященной идентичности художника, как нельзя лучше позволяет описать латиноамериканский культурный код, наделенный значительным количеством характерных особенностей, отличающих его от других культур. Далее мы представим отрывок из беседы художника с Фернандо Гарсия (интервьюер газеты *Clarín*), где затрагиваются идентичность и происхождение Ботеро [Rodríguez-Blanco, 2011]:

- *Dejó Colombia hace 50 años, ¿qué impresiones lo marcaron para mantener esa identidad?*

- *Ser latinoamericano es algo que marca para siempre. No vemos nunca las cosas de la misma manera que las ve un europeo. En mi caso, solo vi obras de arte recién en el momento de llegar a España.*

- Вы покинули Колумбию 50 лет назад, какие впечатления оставили след в вашей душе и позволили вам сохранить идентичность?

- Латиноамериканская идентичность — это то, что формирует вашу личность навсегда. Мы никогда не смотрим на вещи так, как европейцы. Мне удалось увидеть произведения искусства только во время поездок в Испанию. В Медельине, моем

En Medellín, mi ciudad natal, no había museos ni galerías...

- ¿Cuál es su mejor y peor recuerdo de Colombia?

- El Medellín que yo conocí de adolescente era provincial, tranquilo, muy religioso. Nada tiene que ver con el de hoy de grandes torres, grandes avenidas y grandes problemas. Es quizás cierta nostalgia que me ha hecho adoptar ese Medellín de antes como mi temática principal.

родном городе, не было ни музеев, ни галерей...

- Какое ваше лучшее и худшее воспоминание о Колумбии?

- Медельин, который я застал в подростковом возрасте, был провинциальным, тихим и очень религиозным. Этот образ не имеет ничего общего с сегодняшним городом высоких башен, широких проспектов и больших проблем. Возможно, именно определенная ностальгия заставила меня выбрать образ старого Медельина в качестве основной темы в моих работах.

Анализируя представленный фрагмент интервью можно заключить, что творческий путь и тематика работ Фернандо Ботеро в первую очередь обусловлены его привязанностью к старому образу родного города, который запечатлен и останется в его памяти навсегда. Кроме того, художник делает акцент на своей этнической принадлежности и культурной идентичности, путем отождествления себя с латиноамериканскими культурными образцами, что говорит об исключительной значимости этих концептуальных представлений в его жизни. Кроме того, чувство ностальгии, о котором упоминает Ботеро, свойственно всем мигрантам, так как относится к психологическим закономерностям, сопровождающих различные стадии психологической адаптации мигрантов [Хрусталева, 2018: 418], которые мы рассмотрим в разделе 2.3.1.

Таким образом, интерес к исследованию идентичности мигрантов обусловлен несколькими причинами. Во-первых, процессы и результаты взаимодействия индивида с новой лингвокультурой и ее представителями всегда комплексны и многогранны, следовательно, они могут выступать в качестве материала для проведения многочисленных междисциплинарных исследований. Во-вторых, необходимость (вне зависимости от того, является она вынужденной или нет) оставления родины и адаптация к новой

действительности, сопряженные со стрессовыми состояниями, не только способствуют расширению границ восприятия и разноплановым трансформациям ментальной активности, но и влекут за собой последствия для психического здоровья мигрантов (см. разделы 2.3.1 и 2.3.2). В-третьих, багаж знаний и метакогнитивный опыт, вынесенные из жизни в эмиграции в абсолютном большинстве случаев будут превалировать над житейской мудростью и опытом представителей той же этнической группы, которые никогда не покидали своей страны или населенного пункта, благодаря чему открываются перспективы для изучения и анализа своеобразия дискурсивного и когнитивного пространства мигрантов (см. раздел 2.4). Отдельного внимания также заслуживает анализ элементов процесса интеграции мигрантов в новую социокультурную среду.

2.3.1. Составляющие процесса адаптации мигрантов

Исследование идентичности мигрантов обусловлено рассмотрением основных составляющих, сопряженных с их культурно-языковой и социальной адаптацией в новом государстве. В данном контексте процесс адаптации может выступать синонимом *интеграции*. Вслед за В.И. Мукомелем под интеграцией мы понимаем «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу» [Мукомель, 2018: 148]. Исследователь предполагает, что в этой связи наилучшей стратегией миграционной политики может являться «создание условий для интеграции, но не навязывание выбора» [Мукомель, 2018: 142]. Тем не менее, даже применение этой стратегии на практике не отменяет существования проблемы «барьеров между принимающим населением и мигрантами — как на групповом, так и на индивидуальном уровне» [Мукомель, 2018: 148]. Основным барьером в этом контексте чаще всего выступает языковой, в связи с чем следует отдельно

рассмотреть языковую интеграцию мигрантов, которая, по мнению Арутюновой Е.М., представляет собой «освоение мигрантами языка (или языков) местного сообщества как инструмента (инструментов) коммуникации внутри сообщества, а также с властными и прочими институтами» [Арутюнова, 2021: 429]. Равным образом отмечается, что «...в случае с языковой интеграцией речь, как правило, идет об усилиях самих мигрантов — необходимость владения доминирующим языком хотя бы в малой степени для них вполне прагматическая, в то время как для местных знакомство с языками мигрантов (тем более активное погружение) маловероятно, особенно в условиях негативного восприятия миграционного притока» [Там же]. На современном этапе мигранты располагают множеством средств, которые облегчают им процесс освоения иностранного языка, однако с учетом обременительности процесса миграции и совокупности неблагоприятных обстоятельств или внешних факторов изучение языка принимающей страны не всегда может являться основным приоритетом. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть тот факт, что появление у мигрантов сложностей и проблем по приезду в страну неизбежно. К объективным трудностям приезжих Резников Е.Н. относит тяжелое материальное положение и правовую незащищенность; непонимание со стороны местных властей, ксенофобия местного населения и травматический опыт мигрантов — к субъективным [Резников, 2005: 117]. Одним из способов борьбы с возникшими трудностями может являться обращение в специальные организации, фонды и службы, где работают специалисты, оказывающие помощь мигрантам. В этом отношении важным этапом развития практической психологии второй половины двадцатого века является возникновение такой отрасли как этнопсихологическое консультирование, получившей особое распространение в многонациональных странах [Резников, 2005: 116]. В своей монографии «Методические проблемы этнической психологии» Резников Е.Н. утверждает, что данный вид оказания услуг населению наиболее распространен в США, «такая работа называется мультикультурным консультированием» [Резников,

2005: 114]. Вместе с тем, латиноамериканские мигранты относятся к культурной группе, богатый опыт консультирования представителей которой был накоплен Соединенными Штатами Америки [там же]. Так, например, американские исследования, посвященные оказанию помощи пациентам с посттравматическими стрессовыми расстройствами, принадлежащим к различным национальным общностям, показали, что «у 52% латиноамериканцев, выехавших из своих стран в результате политических и военных катаклизмов, проявляются симптомы, аналогичные посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР)» [Резников, 2005: 115]. Для эмигрантов из Центральной Америки этот процент несколько ниже — 42, для мексиканцев он составляет 25 [там же].

Рассматривая причины, провоцирующие зарождение личностных этнопсихологических проблем в своей монографии Резников Е.Н. использует термин «этнофор», под которым согласно этнопсихологическому словарю подразумевается индивидуальный носитель определенной этнической культуры и национальной психики [Этнопсихологический словарь, 1999]. К таким причинам автор прежде всего относит смену места жительства, объясняя это тем, что этнофор попадает в отличные от привычных «климатогеографические, биолого-антропологические и социокультурные условия», что может стимулировать возникновение «этнофункциональных рассогласований (или дезадаптации) личности» [Резников, 2005: 114]. Другим источником проблем подобного рода, по мнению Резникова Н.Е., является вступление в брак «с представителем другой этнической группы», предрасположенность к этому наблюдается у детей, родившихся в межнациональном браке [там же]. Одним из ключевых элементов при работе профессионалов с мигрантами с ПТСР выступает учет их культурной идентичности и других этнопсихологических особенностей [Резников, 2005: 115]. Это главным образом обусловлено тем, что «...чем больше клиент в культурно-этническом отношении отличается от терапевта, тем с большими трудностями сопряжен процесс терапии...» [Калиненко, 2001: 58]. Вместе с

тем, этапы процесса этнопсихологического консультирования добровольных мигрантов, включающие диагностику признаков их травматического опыта и симптомов стрессового расстройства, зачастую проходят беспрепятственно и не вызывают у консультантов особых затруднений, как происходит, например, при работе с вынужденными переселенцами и беженцами [Резников, 2005: 117].

Однако не все мигранты стремятся или имеют возможность обратиться за помощью к профессионалам, следовательно, они закономерно проживают каждую ступень социально-психологической и культурно-коммуникативной адаптации самостоятельно. Выделяют три основных стадии, которые проходит каждый переселенец: 1. оптимизм. 2. фрустрация. 3. улучшение состояния, появление чувства близости к новому обществу [Lysgaard, 1955: 117]. Согласно словарю социолингвистических терминов, результатом адаптации является «развитие индивидуального и (или) коллективного билингвизма, смена языка, смена или формирование двойного культурно-языкового сознания, усвоение новых навыков поведения, в том числе речевого». Синонимами адаптации выступают ассимиляция и аккультурация [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 17]. В своих работах Д. Берри анализирует уровни аккультурации на примере коллектива и индивида. Так, на групповом уровне это отражается на факторах, имеющих связь с социальной структурой, а на личностном уровне видоизменяются поведенческие паттерны и идентичность [Berry, 1990, 1996]. Кроме того, он сформулировал собственные стратегии аккультурации: 1. интеграция (идентификация как с родной, так и с новой культурой). 2. ассимиляция (ориентация на освоение ценностей принимающей страны). 3. сепарация (отказ от культуры доминирующего этноса и сохранение собственных культурных ценностей). 4. маргинализация (мигрант «теряет старую культуру», но не идентифицирует себя с культурой принимающего его общества) [там же]. В свою очередь, исследуя межкультурные контакты С. Бочнер определил несколько возможных вариантов взаимодействия и

взаимовлияния мигрантов: 1. интеграция, подразумевающая сохранение своей этнической идентичности и одновременное понимание установок и ценностей принимающего государства. 2. ассимиляция, предполагающая принятие доминант принимающего этнического сообщества, включая отказ от собственных 3. сегрегация, включающая в себя отделение от принимающего этноса. 4. геноцид [Bochner, 1982]. Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что уровень культурно-языковой и социальной адаптации мигрантов в принимающей стране во многом определяется именно степенью их идентификации с родной культурой и интеграции в новую социокультурную реальность. Вместе с тем, Мукомель В.И. обращает внимание на то, что важную «роль играет продолжительность пребывания на новом месте: чем больше времени мигранты проживают в данном населенном пункте, тем больше вероятность их успешной интеграции» [Мукомель, 2018: 149].

В контексте данного исследования нам бы хотелось подробнее остановиться на том, как в процессе социально-психологической и культурно-языковой адаптации, интеграции и ассимиляции латиноамериканские мигранты сталкиваются с переосмыслением собственной идентичности.

2.3.2 Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации латиноамериканских мигрантов¹

Как мы указывали ранее, в рамках данной работы особый интерес представляет комплексное исследование идентичности мигрантов, претерпевающей изменения в ходе процесса адаптации за пределами малой родины. Справедливо утверждение о том, что «мигранты, которые попадают

¹ Материал был изложен в статье: Говорова, Л.А. Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации мигрантов / Л. А. Говорова, Л. В. Лебедев // Современная лингвистика: ключ к диалогу: Труды и материалы. IV Казанский международный лингвистический саммит, Казань, 13–15 декабря 2023 года. Том 1. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – С. 196-199.

в новую социокультурную и языковую среду, попадают в ситуацию ментального и социокультурного дискомфорта, начиная жить двойной жизнью: принимающего сообщества и отпускающего сообщества» [Эбзеева, 2017: 38]. Происходящие трансформации под воздействием внешних раздражителей в условиях новой социокультурной реальности, включающие эволюцию внутренней психической реальности индивида, принадлежащего к определенной группе, обусловлены тем, что «интеграция в локальное сообщество подразумевает идентификацию с ним респондента, а, учитывая множественность идентичностей, и соответствующее приближение к структуре идентичностей, характерной для данного сообщества» [Мукомель, 2018: 154]. Элементы и механизмы, подвергающиеся перестройке, в своей совокупности являются отражением языковой, культурной, социальной и психологической идентичности мигрантов.

Миграция чаще всего разделяет жизнь мигрантов на «до» и «после», поскольку включает в себя «изменение социального окружения, а также переход из одного общества в другое, из одной культуры в другую» [Хрусталева, 2018: 414]. Миграция представляет собой комплексный трудоемкий процесс, результатом которого чаще всего является серьезная модификация личностных и поведенческих проявлений на разных уровнях, обусловленная значительными переменами в жизни, неразрывно связанными с нервным напряжением. В абсолютном большинстве случаев необходимость оставления родины представляет собой сильнейший стресс и способствует возникновению неврозов, сопряженных с изменениями, происходящими в мозге и психике индивидов. Среди основных психологических проблем, с которыми приходится сталкиваться мигрантам помимо «ощущения психологической раздвоенности, нарушения принадлежности к группе, эмоциональной и экзистенциальной заброшенности», также выделяют синдромы, часто встречающиеся у мигрантов, такие как синдром «социальной смерти» и «комплекса иностранца» [Хрусталева, 2018: 427]. Первый синдром связывают с потерей социальной идентичности и ее переосмыслением. Второй

– с нервно-психическим напряжением и чувством психологического дискомфорта, которые постоянно испытывают мигранты» [Там же].

Согласно данным всемирно известной испанской неправительственной организации *Ayuda en Acción* помимо классического синдрома мигранта (исп. *Duelo migratorio clásico*), в последние десятилетия все у большего количества мигрантов диагностируют так называемый синдром Улисса (исп. *Síndrome de Ulises*), под которым понимается множественный и хронический стресс мигрантов, провоцирующий развитие и прогрессирование различных болезней [Ayuda en acción, 2018]. Эти данные являются негласным подтверждением того, что процесс социально-психологической адаптации в условиях чужой культурной среды, подразумевающий резкие перемены в смысложизненных ориентациях личности, необычайно сложен и чаще всего оставляет именно негативный отпечаток на психике индивидов. Отмечают, что интенсивность обнаруживающихся у мигрантов тревожных состояний, неврозов, сильной тоски по родине и других характерных признаков время от времени усиливается, но почти никогда не ослабевает [BBC News]. Кроме того, постоянный стресс рано или поздно может превратиться в хронический. В свою очередь, степень и частотность проявления вышеописанных синдромов зависят от психологической устойчивости мигрантов и имеют тенденцию резко меняться по мере происходящей адаптации, что препятствует ее облегчению и ускорению [Там же].

Модификации, затрагивающие языковую и культурную идентичность мигрантов, также носят комплексный и амбивалентный характер. Известно, что язык оказывает значительное влияние на наше мировосприятие и во многом определяет его и, поскольку «сознание любого эмигранта сформировалось в условиях родного языка и родной культуры» [Хрусталева, 2018: 451], поэтому, своего рода «потеря» привычных знаков и родного языка может подразумевать и значительную модификацию отдельных ценностных и поведенческих доминант, что, в свою очередь, приводит к постепенному сдвигу языковой идентичности. Подтверждением

этому может служить применение в психотерапии «принципа «изменения языка человека для изменения его психологических установок» [Шуляковская, 2020: 201] или тот факт, что «немецкие психотерапевты направляют русскоязычных эмигрантов к русским психологам, так как у них прослеживаются свои особенности в менталитете и в восприятии картины мира» [Хрусталева, 2018: 452]. Вместе с тем, можно отметить, что на фоне воздействия многочисленных стрессовых факторов сдвиг языковой идентичности часто происходит незаметно для самих мигрантов.

Доктор психологических наук, профессор Хрусталева Н. С. выделяет 5 стадий психологической адаптации мигрантов в условиях новой социокультурной и языковой среды, некоторые из которых совпадают с описанными нами выше у Лисгаарда [Lysgaard, 1955]:

- 1) эйфорическая стадия;
- 2) туристическая стадия;
- 3) ориентационная стадия;
- 4) депрессивная стадия;
- 5) стабилизационная фаза [Хрусталева, 2018: 418].

По мнению автора, ориентационная стадия адаптации, сопряженная с перестройкой ожиданий и установок мигрантов, характеризуется повышением уровня стресса и необходимостью его постоянного преодоления. В том, что касается четвертой стадии, Хрусталева Н. С. отмечает, что «эту фазу проходят все мигранты независимо от уровня успешности преодоления предыдущих трех фаз адаптации» [там же]. На каждой из этих стадий мигранты сталкиваются с различными переживаниями, травмирующим опытом и проблемами, от решения которых будет зависеть успешность проявления их социальной индивидуальности во многих сферах жизненной активности, включая сферу коллективного взаимодействия. В качестве основных психологических и психических травм мигрантов Хрусталева Н. С. называет «утрату социального статуса и чувства собственной значимости, нарушения представлений о самом себе, потерю корней, путаницу в самоидентификации

и чувство вины» [Хрусталева, 2018: 423]. Так, в результате процесса социально-психологической и культурной адаптации мигранты проходят несколько стадий и фаз, на каждой из которых они вынуждены подстраиваться под условия новой реальности (в большинстве своем стрессогенной), которые могут либо травмировать их еще больше, либо способствовать более активной психологической включенности в новое сообщество. Вместе с тем, социальная вовлеченность подразумевает выбор определенной модели и тактики поведения.

В статье «Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов» рассматриваются 3 основные модели языковой адаптации мигрантов и автохтонов:

- Модель взаимного приспособления, растворения собственной идентичности в общей;
- Модель взаимного дистанцирования и укрепления собственной идентичности;
- Модель раскола каждой из взаимодействующих языковых общностей [Шуляковская, 2020: 204];

Авторы статьи также обращают внимание на то, что представленные модели распространяются и на другие сферы адаптационных процессов мигрантов, включая психологическую, социальную и др. виды адаптации [Шуляковская, 2020: 205]. Существующие модели и способы модификации идентичности мигрантов варьируются в зависимости от стадии психологической адаптации, компонентов психологической устойчивости, ресурсов личности и скорости течения психических процессов. При этом нельзя говорить о том, что какая-то из описанных моделей более эффективна, поскольку каждая из них эффективна по-своему. Кроме того, в своем исследовании, К. Шуляковская и Л. Хаггелот отмечают, что различные тесты-опросники не способствуют выявлению трансформации психологической идентичности мигрантов, так как «на их результаты сильно влияет стремление

к демонстрации социально одобряемого поведения, принимающее особенно выраженные формы у мигрантов» [Шуляковская, 2020: 206].

Следует отметить, что сложнейшие этапы процесса ассимиляции (в том числе и языковой), через которые латиноамериканским мигрантам прошлых поколений приходилось проходить, несколько упростились с ускорением глобализационных процессов. В частности, сейчас носители испанского языка (как и другие мигранты) располагают совокупностью инструментов, чтобы овладеть английским языком еще до приезда в США, что позволит им снизить внутреннее напряжение при взаимодействии с американцами в социальных контекстах. Кроме того, в двадцать первом веке многие жители Соединенных Штатов Америки имеют минимальные базовые знания испанского языка, которые используют для различных целей. Тем не менее, стрессогенные факторы и разного плана перипетии, с которыми мигрантам приходится сталкиваться на ежедневной основе продолжают существовать и во многом превалируют над механизмами и приспособлениями, позволяющими успешно преодолеть возникающие на пути мигрантов проблемы в процессе социально-психологической адаптации в чужой стране. Примечательно, что одной из особенностей ассимиляции мигрантов является тот факт, что по возвращении на родину они вновь будут вынуждены приспособливаться и привыкать «к образу жизни в своей стране» [Резников, 2005: 118].

2.4. Лингвокогнитивный анализ параметров идентичности и дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов²

Анализируя языковое сознание отдельно взятого этноса, можно обнаружить совокупность общих черт, отличающих описываемую языковую

² Материал был изложен в статье: Говорова, Л.А. Лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов (на материале американского медийного дискурса) / Л. А. Говорова, Л. В. Лебедев // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 74-77.

общность от других. Иначе говоря, полученный метакогнитивный опыт, мотивационно-прагматические и культурные установки, мировоззренческие доминанты и ценностные приоритеты носителей языка находят свое отражение в знаковых репрезентациях речеповеденческой сферы [Радбиль, 2018: 226-227].

На протяжении многих веков культурно-исторический опыт латиноамериканцев был сопряжен с тесным взаимодействием со множеством других лингвокультур (европейской, индейской, африканской, американской), что наложило отпечаток на особенности их самоидентификации и способов ее проявления, а также оставило свой неизгладимый след на их коллективной памяти. Принимая во внимание тот факт, что языковая идентичность латиноамериканцев органично связана со спецификой социокультурных и политических процессов, происходящих в их странах, а также учитывая их территориальную общность, мы считаем возможным рассматривать и систематизировать дискурсивные маркеры идентичности, обнаруживающиеся и встречающиеся на постоянной основе в речемыслительной деятельности латиноамериканских мигрантов, и анализировать их с позиций лингвокультурологии и когнитивистики.

«...Медийный дискурс, определяя особенности когнитивной парадигмы общества, становится объектом междисциплинарных исследований, а также является источником аутентичных текстов, содержащих сведения об этнокультурном коде» [Стародубова, 2021: 26]. Наблюдение за особенностями самовыражения латиноамериканских мигрантов в медийном дискурсе и лингвокогнитивный анализ их коммуникативного поведения на базе концептуальных представлений в сфере социальной и индивидуальной этики, религии и философии позволяют нам прийти к выводу о том, что они в процессе межкультурного взаимодействия на неродном языке придерживаются трех основных тактик:

- Упоминание своего происхождения;
- Поиск и маркировка «своих»;

- Обращение к родному языку и лингвокультурамам (термин из концепции В.В. Воробьева, под которым понимаются особые единицы, «включающие в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентуемые соответствующим знаком») [Воробьев, 1997: 44], позволяющим занять доминирующую позицию в разговоре.

Для подтверждения вышесказанного представим отрывок недавнего интервью из американского шоу “The Tonight Show Starring Jimmy Fallon” с известной медийной личностью *J Balvin*, являющимся представителем латиноамериканского языкового сообщества и имеющим несколько резиденций как на территории Соединенных Штатов Америки, так и в Колумбии. Ведущий первым обращается к приглашенной звезде (*J Balvin*) [YouTube. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon]:

- *You sent me one of your Jordan Sneakers. Medellin Sunset.*
- *Medellin Sunset. Yes.*
- *Thank you for sending them to me, by the way.*
- *Thank you. Shout-out to Medellin, Colombia* (Произносит названия на испанском языке), *my country.*
- *Absolutely.*
- *So, the story about this is like, you know, I’m the first Latino that has their own Jordan. So, like, I used to dream to have Jordans, actually, because in Colombia it was hard to get them.*
- *To even have them!*
- *They didn’t even have the money, right? ...And the beautiful thing about this one is like, I was in my house looking at the beautiful sunset, and I was like, “Colombia has such a beautiful sunset”, especially the one from my city, Medellin. And I was like, “You know, I have the chance to put on my sneakers the name of my city and make sure I represent Latinos everywhere I go.” So*

here is the Medellin Sunset Jordan 3s... (Дискурсивная стратегия неоднократного упоминания своего происхождения).

— *By the way, good for you for always remembering where you came from too and always giving a shout-out to Medellin, because don't ever forget where you come from, you know?... And I'm from Medellin* (Здесь можно наблюдать смену языковой стратегии ведущего и переход на юмористическую тональность для создания последующей языковой игры между ним и интервьюированным).

— *Yes. Porque...like, remember...¿cuando estábamos, cuando crecíamos en Medellín, te acuerdas de eso o no te acuerdas?* (Переключение языкового кода на родной для звезды язык способствует тому, что *J Balvin* начинает говорить громче и вести себя более уверенно, занимая доминирующую позицию в разговоре).

— *Sí, sí, sí.* (Ведущий, напротив, теряет контроль в данной коммуникативной ситуации, поскольку не владеет испанским, причем по языку его тела и напряженному выражению лица можно понять, что он продумывает стратегию дальнейшего взаимодействия).

— *Exactamente. ¿Y te acuerdas que jugábamos fútbol y estábamos en el barrio todo el tiempo hablando y bailando reggaetón?*

— *Sí, sí, sí.*

— *Exactamente.*

Все это время публика, увлеченная языковой игрой, не перестает бурно реагировать и смеяться, что позволяет нам прийти к умозаключению о том, что среди присутствующих есть и другие представители латиноамериканского языкового сообщества, проживающие в США, которые владеют как английским, так и испанским языком.

Зная об ограниченности количества испанских речевых средств в лексическом запасе ведущего, *J Balvin*, обращаясь к нему, выбирает новую коммуникативную стратегию:

— *¿Tú sabes que me debes un millón de dólares?*

— *Uh...*

— *Me debes un millón de dólares. ¿Alguien sabe español por allí?* (Певец на испанском языке обращается к сидящим в зале в поиске «своих»).

В ответ он получает согласие американской публики также на испанском языке и продолжает вести с ними диалог на родном для себя языке, придерживаясь стратегии доминирования. Далее зрители в студии по просьбе звезды переводят на английский то, что было сказано, а ведущий заканчивает языковую игру односложным *sí*, позволяющим нам сделать вывод о том, что он не был доволен сменой своей роли в игре на второстепенную, поскольку привык самостоятельно задавать направление ментальной активности приглашенных гостей. После этого по инициативе ведущего снова происходит переключение кода «на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы» [Крысин, 2021: 22].

Таким образом, лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов на материале американского медийного дискурса дает нам возможность на примерах рассмотреть, выделить и описать основные коммуникативные стратегии, к которым прибегают носители испанского языка, проживающие на территории США при реализации плана содержания своего речевого поведения. Следует отметить, что ведущей дискурсивной практикой латиноамериканских резидентов США при решении различных коммуникативных задач на английском языке является обращение к родному языку, который выступает в качестве защитного механизма и основного инструмента, помогающего снять нервное напряжение и/или бороться со стрессом. Вместе с тем, подобный анализ лингвокультурных параметров дискурсивных практик латиноамериканских резидентов США также позволяет раскрыть своеобразие лингвокультурной идентичности латиноамериканских мигрантов.

Далее перейдем к рассмотрению когнитивных параметров идентичности мигрантов-выходцев из Латинской Америки³ в их дискурсивных практиках. Мы считаем, что исследование образа мыслей мигрантов позволяет в значительной степени раскрыть основные параметры их идентичности, закрепленные в их национально-культурном сознании. Анализируя разного рода особенности идентичности мигрантов мы в первую очередь обращаем свое внимание на ее проявления, имеющие языковое выражение, которое можно изучить на основе дискурсивных практик. Вместе с тем, описывать когнитивные параметры идентичности мигрантов следует в единстве сознания, языка и культуры, руководствуясь соображениями о том, что мигранты пребывают в особых социокультурном и когнитивном пространствах, базирующихся на знаках языка и культуры, принадлежащих как к национальной концептосфере, так и к сфере ценностного освоения «чужой» действительности.

В.В. Красных различает индивидуальное и коллективное когнитивные пространства, понимая под первым уникальность знаний и представлений, характерных для отдельной языковой личности, а под последним - «структурированную совокупность знаний и представлений определенного языкового сообщества» [Красных, 1998: 44]. Следовательно, каждому мигранту присущ комплекс характеристик и этнокультурных особенностей (в языке, религии, обычаях, обрядах, фольклоре, нормах этики), которые оказывают влияние на процессы его познавательной деятельности и одновременно определяют когнитивные параметры его идентичности. В нашем представлении когнитивные пространства мигрантов имеют свою специфику и непосредственно сопряжены с существующими культурными установками, но ограничены культурными паттернами, которыми мигранты

³ Материал был изложен в статье: Говорова, Л. А. Когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов / Л. А. Говорова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 170-173.

руководствуются в своем поведении в процессе социальной адаптации, интеграции и ассимиляции.

Мы разделяем мнение, что «сознание приобретается каждым человеком в условиях его нахождения в той или иной культурной ситуации, которая уже имеет свое прочное закрепление в языке» [Барановская, 2011: 109]. Равным образом особенности когнитивного восприятия и способы выражения отношения к чему-либо могут представлять собой модели и образцы инстинктивного поведения, то есть, быть частью коллективного бессознательного, налагающего определенные (категориальные, ценностные, когнитивные и др.) рамки на сознание языковой личности. В случае мигрантов количество подобных рамок увеличивается в виду того, что демаркация между социокультурными реальностями, с которыми им приходится сталкиваться затруднена, а «использование иностранного языка в этой ситуации не вписывается в наложенную на каждого из нас с детства категориальную сетку ценностных культурных установок, закрепленных в родном языке [Барановская, 2011: 111]. В редких случаях, когда культурные влияния не вступают в серьезные противоречия, происходит комплексная идентификация личности со сложившейся вокруг «другой» культурой и социокультурной реальностью.

В процессе социокультурной адаптации задействуются социальные параметры личности, которые «отражаются в речи или намеренно...или отражаются непроизвольно (когда в речи «моделируется» уровень владения языком, социальное происхождение, локальная принадлежность, социальные роли адресанта)» [Леонтьев, 1977: 15]. С нашей точки зрения, имеющий временный характер правовой статус мигранта также можно отнести к таким параметрам, поскольку когнитивное содержание речевого взаимодействия мигрантов, социокультурные стратегии поведения и образ их мыслей будут в значительной степени пересекаться. В подтверждение вышесказанного приведем примеры вопросов, которые в коммуникативной ситуации знакомства в доминиканском шоу “The rapper” чаще всего задает девушка-

мигрант и модель венесуэльского происхождения Хенесис Перла (Genesis Perla), на данный момент проживающая в Доминиканской Республике, в планы которой входит эмиграция в США: “¿Cómo lograste obtener tu visa?” и “¿Tú eres deportado?” (Речь о депортации из США). В первом случае речь идет о получении американской визы, поскольку обладатели доминиканского паспорта могут пересечь границу только при ее наличии. В свою очередь, вопрос о депортации девушка поднимает, когда сталкивается с доминиканцами, которые, имея американское гражданство, продолжают жить в Доминиканской Республике. Кроме того, следует отметить, что при первой встрече мигранты быстрее устанавливали контакт, а также находили больше точек соприкосновения и общих тем для разговора, чем простые доминиканцы во время знакомства.

Представим любопытный отрывок из диалога, касающегося национальности девушки-мигранта:

- ¿De dónde tú eres?
- Venezolana.
- Ay mi madre, que juidero...
- Ya soy dominicana, porque llevo casi 7 años aquí [YouTube. Cita a ciegas].

В первую очередь отметим, что мигрант венесуэльского происхождения знакома с культурно-маркированной лексемой *juidero/huidero*, которая, согласно словарю Американизмов [Diccionario de americanismos], употребляется в отношении хаотичных миграционных потоков только в Доминиканской Республике. Вместе с тем, наше внимание привлек тот факт, что при ответе на вопрос, в котором требовалось определить свою национальную принадлежность девушка параллельно дает два разных ответа, называя себя и венесуэлкой, и доминиканкой. Модель утверждает, что считает себя доминиканкой, потому что она уже несколько лет живет в Доминиканской Республике. Здесь можно предположить, что за эти годы у девушки-мигранта фрагментарно сформировалось национальное доминиканское самосознание, что, в отличие от единства генетического

происхождения, является «необходимым условием принадлежности человека к определенной национальности» [Статья 26 Конституции РФ].

Согласно нашим наблюдениям, Хенесис Перла, сталкиваясь с языковыми и речевыми явлениями доминиканского национального варианта испанского языка, не имеющими места в ее родном языке, способна моментально осмыслить их по контексту и должным образом отреагировать на них. Тем не менее, важно подчеркнуть тот факт, что в проанализированных нами образцах из речи самой модели подобные единицы языка не обнаруживаются (включая самое распространенное среди молодых доминиканцев приветствие *qué lo qué*), поскольку они не являются частью узуса и образа мыслей жителей Венесуэлы. Так, в процессе коммуникативной интеракции для выражения необходимого языкового содержания девушка-мигрант предпочитает знаки родного языка, имеющие смысловое закрепление в ее сознании, например, этнолингвистическую единицу *mor* (от “amor”) в качестве ласкового обращения. В этой связи также отметим, что данная национально-детерминированная лексема (*mor*) может выступать маркером идентичности современных венесуэльцев и колумбийцев, однако она не употребляется в Доминиканской Республике, соответственно, когда один из доминиканцев-участников шоу обратился к Хенесис, используя эту лексическую единицу, она, основываясь на ментальных и когнитивных шаблонах собственного культурного опыта, ответила: “Es que él lo dijo como falso...” [YouTube. Cita a ciegas]. Такую реакцию можно объяснить тем, что подобное коммуникативное поведение является неестественным для концептосферы доминиканского национального варианта испанского языка, поэтому на подсознательном уровне модель посчитала это неискренним. Вместе с тем, у мигранта сохраняется свойственное жителям Венесуэлы произношение, которое за несколько лет жизни в другой стране совершенно не подверглось влиянию фонетической специфики Карибского бассейна. Все вышеописанные факторы позволяют нам прийти к выводу о том, что когнитивное и ментальное пространство девушки находятся в противоречии,

равным образом не происходит полноценной самоидентификации личности мигранта как участника доминиканской языковой общности, несмотря на ее самоотождествление с отдельными образцами доминиканской культуры. Таким образом, когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов представляют собой совокупность наблюдаемых социокультурных и речеповеденческих стратегий поведения как «маркеров» их идентичности, имеющих когнитивное содержание (общие взгляды, символы, общие фоновые знания и др.). В том, что касается концептуализации и категоризации ментального опыта мигрантов, можно отметить несомненную важность влияния культурной среды на их познавательные процессы, в частности, на мышление и восприятие и др., а также наличие у мигрантов сходства в мировоззрении, убеждениях, интересах, стремлениях или ценностях.

2.5. Пограничная лингвокультурная идентичность латиноамериканских мигрантов

С учетом полученных в предыдущих разделах результатов и умозаключений, под лингвокультурной идентичностью в данном исследовании мы понимаем лингвокультурологические, дискурсивные, социальные, когнитивные, языковые и другие параметры, свойственные носителям испанского языка и ведущие к раскрытию особенностей функционирования их культурных систем. В свою очередь, выявление и анализ вышеупомянутых параметров способствуют определению дифференциальных признаков (маркеров) идентичности.

Исследуя пограничную лингвокультурную идентичность латиноамериканских мигрантов, мы опираемся на определение данного термина, представленное в Словаре социолингвистических терминов РАН, согласно которому идентичность представляет собой «психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки,

а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 72-73]. В этом же словаре мы обнаруживаем, что понятия «идентичность» и «идентификация» выступают в качестве синонимов и являются взаимозаменяемыми [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Вместе с тем, мы хотим подчеркнуть, что главное отличие маркеров идентичности латиноамериканцев, являющихся резидентами Латинской Америки от специфики идентичности латиноамериканских мигрантов состоит в том, что у последних фокус внимания значительно смещается в сторону постоянно преодолевающих их противоречий при ответе на вопросы «кем я являюсь?», «к какой группе я отношусь?», а также в нескрываемом стремлении найти ответы разными способами. Кроме того, следует отметить, что метакогнитивный опыт жизни мигрантов вынуждает их заострять внимание на уже освоенных и знакомых доминантах культуры, выступающих в роли символов национальной идентичности и национальной концептосферы, отголоски которых мигранты пытаются найти в новой социокультурной реальности, поскольку, как и все люди, имеют потребность в самоидентификации и ощущении своей принадлежности к коллективу.

При описании составляющих процесса социокультурной адаптации латиноамериканских мигрантов в США мы обратили внимание на то, что основной проблемой, с которой они сталкиваются, является необходимость интегрирования мира испаноязычной культуры в американскую языковую реальность. В данном контексте наш исследовательский интерес вызывает как любой отдельно взятый мигрант латиноамериканского происхождения и его история, так и коллективный опыт миграции из Латинской Америки в США (например, тематическая литература), анализ которых позволил нам заключить, что они содержат множество общих компонентов и закономерностей, варьирующихся в зависимости от поколения мигрантов и временного среза, в который была осуществлена миграция. Проблема двойственности и осознание противоречивости идентичности мигрантов

становятся особенно заметны при исследовании их дискурсивных практик и речеповеденческих паттернов в различных коммуникативных ситуациях.

Согласно нашим наблюдениям, опора мигрантов на предыдущий опыт не только облегчает осознание ими своих инстинктивных внутренних ценностных установок, запретов и убеждений, истинность которых как правило не принято подвергать сомнению, но и дает возможность пересмотреть их на основе мыслительных оценок опыта жизни в эмиграции. В качестве подтверждения представим фрагмент из интервью с известным американским писателем-мигрантом доминиканского происхождения Джуно Диазом (исп. *Junot Díaz*), опубликованный в журнале *Other Voices* [Lewis, 2002]. Эта беседа в контексте данной работы кажется нам особенно значимой, поскольку в отрывке обсуждается важный факт биографии автора — его семья переехала из Доминиканской Республики в США, когда ему было 6 лет, чему посвящен сборник рассказов автора под названием “Drown” [Díaz, 1996], комплексный анализ которого мы проводим в третьей главе данного исследования.

— “In the story “Aguantando” you describe the United States as “something folks planned on.” What have you observed about people’s sense of living for their futures in another nation?”	- В рассказе “Aguantando” вы описываете Соединенные Штаты как “нечто, что родители запланировали”. Каковы ваши наблюдения касательно людей, которые живут ради своего будущего в другой стране?
— “I have a sense of the <i>Dominican</i>...it’s not much of a theory, more a collection of words, a dot dot dash code that I use to, in another way, decipher a larger code, which is the Dominican experience, the Dominican diasporic experience, and the American experience, all hooked together. I always lived in a situation of simultaneity. It’s like a science	- У меня есть ощущение, что <i>доминиканец</i> - не столько теория, сколько набор слов, код с точками и тире, который я использую, чтобы, по-другому, расшифровать более крупный код, который представляет собой доминиканский опыт, опыт доминиканской диаспоры и опыт Америки, все это связано воедино. Я всегда жил в ситуации одновременности. Это как в научно-фантастической книге, где инопланетянин, существо или артефакт существуют в двух мирах или в двух разных плоскостях

fiction book where an alien or creature or an artifact exists on two worlds, or on two different planes at one time. They're not fixed in one place. They phase in and out. That's why I always felt that while most people live in memory, which is the ability of memory for you to link a memory with another memory, that you're able to remember something simultaneously—you're able to remember something and remember something else at exactly the same time, exactly the same moment. In memory you're allowed to collapse. Something they say you can't do in quantum physics. Living in a place like Dominican Republic, we didn't need to do that as memory, we were doing that as we lived. Two worlds were existing at exactly the same time. In a way, your imagination was bifurcated. So you couldn't help but live in the Dominican Republic but also in the United States. You couldn't help but live in the present and in the past the way most people live, but also in a future. You have to have an amazing imagination to be an immigrant."

— "You've often likened your work to science fiction. Could you say more about that?"

одновременно. Они не фиксированы в одном месте. Они появляются и исчезают по фазе. Вот почему я всегда чувствовал, что, в то время как большинство людей живут памятью, которая является способностью связывать одно воспоминание с другим воспоминанием, вы способны помнить что-то одновременно, помнить один момент и другой момент в одно и то же время. В памяти вам позволено погрузиться внутрь себя. Говорят, что в квантовой физике этого делать нельзя. Живя в таком месте, как Доминиканская Республика, нам не нужно было делать это в памяти, мы жили и делали это. Два мира существовали в одно и то же время. В некотором смысле, воображение раздвоилось. Таким образом, в своих воспоминаниях я одновременно жил в Доминиканской Республике и в Соединенных Штатах. Я не мог не жить в настоящем и в прошлом, как живет большинство людей, но также и в будущем. Чтобы быть иммигрантом, нужно обладать потрясающим воображением.

- Вы часто сравнивали свою работу с научной фантастикой. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

- Ирония в том, что никто не усваивает социальные нормы в обществе так, как это делают меньшинства в этом обществе (**Речь идет о языковом меньшинстве *Hispanics***). Другими словами, какие бы критерии ни существовали для литературы, я думаю, никто не следует им более точно, чем люди, принадлежащие к литературным меньшинствам. Существует своего рода

— “What’s ironic is that no one internalizes social norms in society as do minorities in that society. So in other words, whatever criteria there is for literature, nobody follows that more to the letter, I think, than people who are literary minorities. There’s this kind of colonial baggage, as Homi Bhabha always reflects, that idea that the Indian becomes more English than the Englishman... So that if you’re a person writing about a Dominican diasporic experience, to hew too closely to canonical ideal of what literature is would limit you. The conventions of what is canonically known as literature can’t hope to encompass these radical experiences that you undergo when living in a diaspora like the Dominican one. And sometimes the only way to describe these lived moments—the surreality and ir-reality of some of the things that people like myself have experienced — is through lenses like science fiction. The joke is you’re Dominican living in the Dominican Republic in 1974, and you get transported to the U.S. from the *campo*, where you started out living in an open air house with no electricity, with no bathroom, living in a world that’s extremely closed and sealed in some ways, with no access to education, and almost a колониальный багаж, о котором всегда размышляет Хоми Бхабха, идея о том, что индеец становится больше англичанином, чем сам англичанин... Итак, если вы человек, пишущий об опыте доминиканской диаспоры, то слишком близкое соответствие каноническому идеалу того, что такое литература, ограничило бы вас. Условности того, что канонически называется литературой, не могут охватить те *радикальные* переживания, которые вы испытываете, живя в диаспоре, подобной доминиканской (**по нашему мнению, это суждение можно отнести к любой латиноамериканской династии, но автор считает необходимым показать, что именно доминиканский культурный код навсегда определил основные механизмы его идентичности**). И иногда единственный способ описать эти пережитые моменты — сюрреализм и нереальность некоторых вещей, которые пережили такие люди, как я, - это через призму научной фантастики. Шутка в том, что вы доминиканец, живущий в Доминиканской Республике в 1974 году, и вас переносят в США из *кампо* (**исп. *campo***), где вы живете в доме под открытым небом без электричества, без ванной комнаты, в мире, который в некотором смысле чрезвычайно закрыт и герметичен, без доступа к образованию и почти ощущению жизни вне времени, хотя, конечно, вы никогда не будете жить вне времени. Это то чувство, которое возникает у вас, когда вы переноситесь в такое место, как центр Нью-Джерси (**Несмотря на то,**

sense of living outside of time, though of course you never will live outside of time. It's the sense you then get, when you're transported to a place like central New Jersey. I think the narrative that would logically be most useful would be not only space travel — traveling between two planets — but time travel. Jumping between two entire existences, two entire temporal moments, is what it feels like. These conventions you find in science fiction are awesome in trying to discuss some of the tensions and weirdness of being a person of color, being a third world person traveling between the third world and the first world. And even the terms “first world” and “third world” already intimate science fictive travel between planets. So I'm like, why not?” [Там же].

что писатель использует местоимение «вы», он рассказывает об особенностях и сложностях своей жизни после переезда в США). Я думаю, что логически наиболее полезным было бы повествование не только о космических путешествиях — путешествиях между двумя планетами — но и о путешествиях во времени. Перепрыгивать между двумя целыми существованиями, двумя целыми временными моментами - вот на что *это (Речь о жизни мигранта в новой лингвокультуре)* похоже. Эти условности, которые вы встречаете в научной фантастике, великолепны в попытке обсудить некоторые напряжения и странности бытия цветного человека, человека из третьего мира, путешествующего между третьим миром и первым миром **(Речь о миграции из Латинской Америки в США).** И даже термины “первый мир” и “третий мир” уже намекают на научно-фантастические путешествия между планетами. Так что я подумал, «почему бы и нет?».

В первую очередь, следует обратить внимание на то, что за основу для сюжета множества своих книг писатель взял свой жизненный опыт: сложное детство в Доминиканской Республике, жизнь в эмиграции и в семье латиноамериканских эмигрантов в Соединенных Штатах Америки. В этой связи отметим, что метакогнитивный опыт детей мигрантов во многом отличается от родительского, поскольку неокончательно сформировавшаяся психика ребенка не всегда способна выдержать сильный хронический стресс и адекватно отреагировать на перемены такого масштаба как эмиграция. Этим можно объяснить тот факт, что несмотря на то, что со временем воспоминания автора о первых годах жизни в Доминиканской Республике несколько исказились, он постоянно мысленно уносился к детским воспоминаниям и на

уровне подсознания, как он утверждает, продолжал жить на две страны, которые были совершенно противоположны друг другу, тем самым способствуя формированию собственной пограничной идентичности. Кроме того, можно прийти к выводу о том, что тенденция, связанная с обращением к опыту прошлого это — психологический защитный механизм, который выбрала психика писателя, чтобы бороться с нервным перенапряжением, обусловленным резкими переменами в судьбе.

Наше внимание также привлекло то, что для описания своей жизни после эмиграции, Джуно Диаз, даже прожив полвека в Соединенных Штатах Америки, продолжает использовать в своей речи эмоционально-окрашенные языковые средства и постоянно подчеркивает, что опыт эмиграции его семьи в США очень своеобразен и необычайно сложен, поскольку был полон трудностей, следовательно, оставил в его душе глубокий след, которым автор делится в сборнике рассказов “Drown” [Díaz, 1996]. Вместе с тем, судить об актуальности описанных Диазом закономерностей жизненных процессов мигрантов нам позволяет и тот факт, что настоящая тематика активно упоминается в многочисленных литературных текстах и художественных произведениях, дающих нам возможность познакомиться с событийным рядом жизни мигрантов и получить представление о том, с чем на самом деле им приходится сталкиваться с момента возникновения идеи о переезде в США до ее реализации на практике. В пример можно привести работы испаноязычных поэтов-мигрантов двадцатого-двадцать первого веков, например, творчество Эрнестины де Чумпурсин (1905-1999), Хосе Морено Вильи (1887-1955), Роландо Санчеса Мехиаса (1959), Хорхе Галана (1973) и других [Дружков, 2022; Rodriguez, 2009], а также произведения известных латиноамериканских авторов, посвященных жизни в эмиграции, например, “*Las batallas en el desierto*” (José Emilio Pacheco) [Pacheco, 1981], “*Silent dancing: A partial remembrance of a Puerto Rican Childhood*” (Judith Ortiz Cofer) [Cofer, 1991], “*Life on the Hyphen: The Cuban-American Way*” (Gustavo Pérez Firmat) [Pérez Firmat, 1994], “*Drown*” (Junot Díaz) [Díaz, 1996], “*El año que*

viene estamos en Cuba” (Gustavo Pérez Firmat) [Pérez Firmat, 1997], “*Cajas de cartón*” (Francisco Jiménez) [Jiménez, 2002], “*The Distance Between Us*” (Reyna Grande) [Grande, 2013], “*La búsqueda de un sueño*” (Reyna Grande) [Grande, 2018] и другие. На наш взгляд, общая проблематика упомянутых литературных трудов связана с поиском лучшей жизни и желанием достичь так называемой американской мечты. В данных произведениях мы обнаруживаем повествование о семьях латиноамериканских мигрантов, которые были вынуждены так или иначе адаптироваться к условиям социальной структуры североамериканского общества, на ежедневной основе испытывая культурный шок, преодолевая трудности, живя за чертой бедности, много работая и страдая, сталкиваясь с реальностью, отличной от знакомой им, а также переосмысливая и подвергая сомнению свой когнитивный опыт, сферу ценностного освоения и категоризации действительности. Иначе говоря, писатели стремятся детально описать и донести до читателя то, каким образом резкие изменения привычного культурного контекста социальной жизни индивида в один момент полностью меняют всю его жизнь, переворачивая ее с ног на голову. Вместе с тем, отмечается, что авторам, затрагивающим в своих литературных произведениях данную тематику, «присуща тенденция к экспликации социально обусловленной динамики языкового развития посредством описания роли английского языка в формировании идентичности, часто заканчивающейся кризисом принадлежности к одноязычному обществу» [Шкилёв, 2014]. По мнению Рамиреса Берга, американского писателя и профессора из Техасского университета, это также связано с тем, что любые усилия по достижению американской мечты со стороны мигрантов часто заканчивались тем, что они были поставлены перед выбором, «между тем, чтобы оставаться на периферии этнических анклавов, оставаясь в статусе маргинала, или тем, чтобы предать свое культурное наследие и рискнуть своими моральными ценностями» (*entre permanecer en la marginalidad de los enclaves étnicos o traicionar su herencia cultural y arriesgar su moralidad*) [Ramirez Berg, 2002: 35]. Таким образом,

можно прийти к заключению о том, что процесс эмиграции обнажает дифференциальные признаки языковой и культурной идентичности латиноамериканцев, являющиеся непосредственным отражением культурных систем и кодов латиноамериканской культуры и поднимает вопросы о ее гетерогенности и пограничном характере.

Далее мы рассмотрим репрезентацию пограничной лингвокультурной идентичности латиноамериканских мигрантов на примере американского ток-шоу и подкаста *En la sala with EvaLuna*. В 2021 году одна из активно набирающих популярность платформ для передачи музыки и музыкальный онлайн-магазин *Amazon Music* спонсировала создание собственного ток-шоу и подкаста, особенностью которых является учет интересов и фокус на идентичности представителей латиноамериканского сообщества в США. В качестве ведущей была выбрана известная медийная личность Эвалуна Монтанер (исп. *Evaluna Montaner*), дочь многоуважаемого исполнителя и автора песен Рикардо Монтанера (исп. *Ricardo Montaner*). При отборе кандидатов на роль ведущего команда проекта в первую очередь ориентировалась на латиноамериканских медийных личностей, американских резидентов по совместительству, с которыми современные *Hispanics*, рожденные или проживающие на территории США, могли бы себя идентифицировать. Выбор, сделанный в пользу Эвалуны, можно объяснить тем, что семья Монтанер, имеющая аргентинские и венесуэльские корни, знакома всем поколениям выходцев из Латинской Америки, успешно эмигрировала в США около двадцати лет назад. Отметим, что, прожив большую часть своей жизни в Майами, все три поколения Монтанер в рамках семейно-бытовых отношений продолжают разговаривать между собой на испанском языке, подтверждением этому может служить выпущенное ими в 2022 году реалити-шоу “Los Montaner”. Тем не менее, для участия в шоу Эвалуну попросили улучшить знания английского языка, в связи с тем, что среди потенциальной аудитории присутствуют как билингвы, так и так называемые “no sabo kids”, в отношении которых применяется особая

коммуникационная стратегия, известная как *Spanglish*, рассматриваемая «в фокусе динамической организации принятых испаноязычным социумом США в определенной социальной и политической ситуации коммуникативных систем, отражающих характерные для испаноговорящих жителей данной страны мышление и речевое поведение» [Раевская, 2021: 119-120]. Кроме того, не стоит забывать о том, что вопросы финансового порядка в Соединенных Штатах Америки являются преобладающими, поэтому за счет смеси испанского и английского языков создатели ток-шоу также стремились повысить охват аудитории. В этой связи, отмечают, что все более широкое распространение двуязычия на территории США соответствует более обширной стратегии, направленной на покорение активно растущего рынка, который составляют двуязычные люди [Leeman, 2022: 212].

Несмотря на то, что определенная часть интервью с гостями Евалуны происходит на английском языке, само название шоу *En la sala with EvaLuna* включает больше испанских слов, чем английских, тем самым, вероятно демонстрируя, что основу пограничной лингвокультурной идентичности представителей латиноамериканского сообщества в США в первую очередь составляет неразрывная связь с испанским языком и культурой. Интересно то, что формат шоу не только допускает, но и подразумевает включение в вопросы ведущей и диалоги с гостями шоу отдельных лексем и реплик как на испанском языке, так и на английском языке, некоторые из которых не имеют точных эквивалентов при переводе. Другими словами, использование *Spanglish* на протяжении всего шоу – абсолютная норма, так как он считается одним из важных атрибутов лингвокультурной идентичности представителей латиноамериканского сообщества в США. Так, например, вступительная заставка каждого эпизода в обязательном порядке содержит фразу “*We are about to spill the cafecito*”, при этом на протяжении всего ток-шоу на экране одновременно транслируются субтитры на испанском и английском языках. Представим отрывок из интервью, в котором предметом обсуждения ведущей

и ее гостей стала идентичность [YouTube. En la sala with Evaluna. En familia con Los Montaner]:

- Todos nacimos en Latinoamérica, *we're a part of latinx community*, quiería hablar un poco de eso. ¿Cómo se indentifican ustedes en el *latinx community*?
- Algo que es más allá de la música. Tenemos los latinos que...nosotros somos una cultura alegre y cálida. Estamos en un momento, en un mundo y en la vida y en estos tiempos donde se necesita eso.
- Cuando éramos chiquitos hablabamos siempre como del *crossover*, sabes, del cuando vamos a hacer nosotros el *crossover* donde vamos a ir a cantar en inglés. Yo siempre resistía mucho a eso, sabes, no sé por qué. Y siento que hoy en día eso es casi como que ni necesario, sabes... No necesitas cantar en inglés para llegar a todo el mundo y eso.
- Total.
- Y tú, Eva, ¿te sientes venezolana?
- Yo me siento venezolana, me siento latina sin duda. Para mi era muy fuerte, porque yo era chiquitita... Me acuerdo de mis primas diciéndome como “no, tú no eres venezolana, no hablas casi español, *eres demasiado gringa para ser venezolana* y a mi eso me da una rabia...
- Мы все родились в Латинской Америке, мы являемся частью латиноамериканского сообщества, я хотела бы немного поговорить об этом. Как вы, ребята, идентифицируете себя в латиноамериканском сообществе?
- Как что-то, что выходит за рамки музыки. У латиноамериканцев есть... Мы — веселая и теплая культура. Мы живем в моменте, в мире, в жизни, в это время, когда это необходимо.
- Когда мы были маленькими, мы всегда говорили о *кроссовере* (**Речь идет о музыкальном стиле, соединяющем разные направления**), знаешь, о том, когда мы собираемся сделать *кроссовер*, где мы будем петь на английском. Я всегда очень этому сопротивлялся, не знаю почему. Сейчас я чувствую, что в этом почти нет необходимости... Уже не нужно петь на английском, чтобы охватить весь мир.
- Точно.
- А ты, Эва, чувствуешь себя венесуэлкой?
- Я чувствую себя венесуэлкой, и, без сомнения, я чувствую себя латиноамериканкой. В детстве мне было очень сложно... Я помню, как мои двоюродные сестры говорили мне что-то вроде: «Нет, ты не венесуэлка, ты почти не говоришь по-испански, ты слишком американка, чтобы быть венесуэлкой», и меня это невероятно злит....

— A mi me marcó mucho de chiquito que me dió mucha tristeza porque yo me sentía muy venezolano, pero me hacían sentir casi como que yo no tenía el derecho de sentirme de esta manera...	- На мне это тоже отразилось с детства, что вызывало у меня большую грусть, потому что я всегда чувствовал себя венесуэльцем, но они заставляли меня чувствовать себя так, как будто я не имел на это права...

В данной части интервью Эвалуны с ее братьями перед нашими глазами предстает интереснейший разговор детей латиноамериканских мигрантов, которые обсуждают трудности, с которыми им пришлось столкнуться в процессе социокультурной адаптации в США и которые заставляли их испытывать неуверенность относительно того, что касается собственной идентичности. Отметим, что подобные сложности встречались или продолжают встречаться на пути абсолютного большинства выходцев из Латинской Америки, которых перевезли в США в раннем возрасте. Как, например, мы могли наблюдать это в представленном ранее интервью с Джуно Диазом.

В другом эпизоде шоу *En la sala with EvaLuna* Эвалуна берет интервью у известного испаноязычного исполнителя Себастьяна Ятра (исп. *Sebastian Yatra*), родившегося в Колумбии и в настоящее время проживающего на две страны (в США и Колумбии). Встреча начинается с того, что ведущая просит гостя поделиться собственным пониманием концепта *дом*. Представим отрывок из их диалога [YouTube. *En la sala with Evaluna. Sebastian Yatra*]:

— Este podcast representa a <i>Latinx community</i> y también la música <i>Latinx</i>. Quería hablar contigo... de lo que es como <i>home</i> para ti... ¿Volviste a Colombia o no?	- Данный подкаст представляет латиноамериканское сообщество, а также латиноамериканскую музыку. Я бы хотела поговорить с тобой... о том, что для тебя означает <i>дом</i>... Ты уже вернулся в Колумбию или нет?
— Sí, volví a Colombia y fue bonito porque fue como sentirme en casa en dos lugares distintos. Yo siempre me sentía en casa aquí en Estados Unidos, y cuando iba a Colombia me sentía como <i>the outsider</i>,	- Да, я вернулся в Колумбию, и это было прекрасно, потому что я чувствовал себя как дома в двух разных местах. Я всегда чувствовал себя как дома здесь, в

- you know?* El gringo... Iba a jugar al fútbol con mis primos o con alguno de mis primos...
- I know!
- *And it was always* como que “gringo, pásala” y aunque uno habalara español, no se sentía del todo parte de esa comunidad. Entonces me siento realmente 150 por ciento colombiano y 150 por ciento de aquí (Речь идет о США, где и проходят съемки).
- No, te entiendo perfectamente. Porque yo también de chiquita, que me vine a los 4 años a Miami, cuando volvía a Venezuela, tenía todos mis primos alrededor también diciéndome “ay, pero es que tú eres gringa, tú no eres venezolana, tú ni siquiera eres latina. No, eres más gringa, ya ni tienes acento.
- Y yo sufría horrible. *I thought it was horrible*. Pero la verdad es que yo sí sentía que mi casa era aquí en Miami... Yo sí me sentía también como el *outsider*. Y ahora, siento que con la música, de alguna manera, me he conectado un poquito más con mis raíces *where I am from*. También me siento argentina, porque mi papá es argentino, me siento hasta cubana, porque mi mamá también tiene toda su familia...
- Y colombiana.
- Y colombiana, obviamente.
- Америке, но когда я приезжал в Колумбию, я чувствовал себя аутсайдером, понимаешь? Американцем... Например, когда я собирался поиграть в футбол с моими двоюродными братьями...
- Я знаю, о чем ты говоришь!
- И это всегда звучало как: «американец, кидай мяч», и даже если ты говоришь по-испански, ты не чувствуешь себя полностью частью этого сообщества. Но я действительно чувствую себя на 150% колумбийцем и на 150% американцем.
- Я тебя прекрасно понимаю, потому что, я сама будучи маленькой девочкой (4 года) переехала в Майами, и когда возвращалась в Венесуэлу, все мои двоюродные братья также говорили мне: «Но ты американка, ты не венесуэлка, ты даже не латиноамериканка. Нет, ты скорее американка, у тебя уже даже нет акцента». И я ужасно страдала... Я думала, что это было ужасно. Но правда в том, что я действительно чувствовала, что мой дом здесь, в Майами... Я тоже чувствовала себя как аутсайдер. И теперь я чувствую, что благодаря музыке я определенным образом смогла идентифицировать себя с тем, откуда я родом. А еще я чувствую себя аргентинкой, потому что мой отец аргентинец, и еще чувствую себя кубинкой, потому что у моей мамы тоже вся семья...
- И колумбийкой (**Муж Эвалуны и вся его семья родом из Колумбии**).

| - И колумбийкой, конечно.

Примечательно, что для каждого эпизода шоу доступны субтитры как на английском, так и на испанском языке. Анализируя испанскую версию субтитров этой части интервью стоит отметить, что англицизмы в ней полностью отсутствуют. Так, например, слово *outsider* заменено на испанскую лексему “el forastero”, английское начало фразы “and it was always...” и оценочное суждение ведущей “I thought it was horrible” опущены. В данном отрывке из ток-шоу мы также можем видеть яркие примеры подтверждения того, как дети мигрантов испытывали значительные трудности с адаптацией в латиноамериканском обществе и непринятие со стороны отдельных родственников, резидентов Латинской Америки, поскольку приглашенный гость и ведущая *En la sala with EvaLuna* покинули страну в довольно раннем возрасте, еще до того, как у них успели сформироваться образцы поведения, свойственные той или иной культуре. Вместе с тем, «домом» они естественным образом считали США, то есть, то место или те места, куда их после эмиграции перевезли родители, и где они проживали вместе с ними. Совокупность указанных факторов создавала дополнительные преграды для того, чтобы мигранты могли отчетливо понимать свою принадлежность к определенной культурной общности и четко осознавать свою идентичность.

Обратим внимание на тот факт, что согласно главной задумке авторов *En la sala with EvaLuna* создано «для обсуждения важных тем для нее (для Эвалуны) и для латиноамериканского сообщества» (*para hablar de temas que son importantes para ella y la comunidad latina*). Так, основными темами, которые обсуждаются на шоу являются ключевые культурные ценности и концепты латиноамериканской культуры, такие как институт семьи, вера в Бога и музыка, а также затрагивается круг вопросов, касающихся славы, миграции и идентичности, тем самым, несомненно вызывая интерес со стороны испаноговорящей публики.

2.6. Латиноамериканская культура в медиа-дискурсе в США

Как мы могли наблюдать в предыдущем разделе, популярность латиноамериканской культуры в масс-медийном дискурсе в США характеризуется динамичным ростом. Современная массовая культура напрямую соотносится с аудиовизуальной культурой, другими словами, имеет непосредственную связь со зрительными и слуховыми образами, с которыми мы неизбежно сталкиваемся на ежедневной основе, а также с рукотворной аудиовизуальной средой, состоящей из образов, среди которых мы живем. Самый популярный на сегодняшний формат, совмещающий в себе зрительные и слуховые образы это — аудиовизуальное произведение, более известное как видео. Так, например, на сайте *El Mundo*, одной из самых читаемых и авторитетных газет Испании известной во всем мире, появился видеоформат отдельных разделов. В частности, в разделе «культура» мы обнаруживаем интервью известного латиноамериканского исполнителя *Jhay Cortez*, в котором освещаются отдельные аспекты латиноамериканской культуры в американском медиа-дискурсе [El mundo, 2021]:

— En 2019 defendías que reguetón no es un género tan sencillo y que, de ser así, todo el mundo lo haría. Sin embargo, ahora tus sonidos, y los de muchos del género, suenan cada vez más pop.	- В 2019 году вы утверждали, что реггетон — не такой простой жанр, и что если бы это было так, то все бы исполняли только его. Однако теперь ваша музыка и мелодии многих представителей этого жанра стали все больше походить на поп-музыку.
— Obviamente si el reguetón se hizo popular va a haber más pop. Ya no somos simples artistas. Ahora, gracias a dios, podemos ser súper estrellas. Hay artistas gigantes que están en el mismo nivel que otros como, qué se yo, americanos o BTS. Los latinoamericanos estamos compitiendo en muchas cosas.	- Очевидно, что, если реггетон стал популярным, он более похож на поп-музыку. Мы больше не простые артисты. Теперь, слава богу, мы можем быть суперзвездами. Есть известнейшие артисты, которые находятся на том же уровне, например, американские или BTS. Мы, латиноамериканцы, конкурируем с ними во многих вещах.

— ¿Sientes reconocida tu música? Es muy reciente la crítica de J Balvin a los Latin Grammy señalando que no valoraban el reguetón. — Eh... bueno... hemos cantado en los Grammy americanos, hemos ganado premios americanos. Yo creo que a veces estamos teniendo mas éxito en vistas, en ventas, que los americanos. ¿Qué más podemos pedir? Sí, que nos reconozcan un poco más...	- Чувствуете ли вы, что ваша музыка узнаваема? Совсем недавно <i>J Balvin</i> раскритиковал латиноамериканскую премию Грэмми, отметив, что там не ценят реггетон. - Ну, мы выступали на американских Грэмми, мы выигрывали американские премии. Я думаю, что иногда мы добиваемся большего успеха в просмотрах, в продажах, чем американцы. О чем еще мы можем попросить? О том, чтобы нас немного больше признавали...

Примечательно, что латиноамериканская музыка и культура, за последние десятилетия набрав популярность в США, получила широкое распространение и по всему миру. В этой связи можно отметить, что «национальный характер культуры как «культурный инвариант» вовсе не отрицает, а, наоборот, предполагает взаимодействие языков и культур разных народов, их взаимное обогащение...» [Воробьев, 1997: 15]. Более того, *Jhay Cortez* не лукавит, когда проводит сравнение не в пользу американской музыкальной культуры и говорит о том, что на данном этапе латиноамериканцы способны составлять конкуренцию «белым» резидентам США в отдельных сферах, например, в музыке. Умозаключения артиста подтверждаются тем фактом, что песня *Dákiti*, в исполнении *Jhay Cortez* и *Bad Bunny*, стала одним из главных хитов 2020 года, дебютировав в первой десятке чарта *Billboard Hot 100* и заняв первое место в чарте *Hot Latin Songs*. *Dákiti* также возглавила рейтинги *Billboard Global 200* и *Global Excl. US 200* (самые влиятельные американские чарты), тем самым став первой испаноязычной песней в истории, достигшей этого уровня. *Bad Bunny* (настоящее имя артиста *Benito Antonio Martínez Ocasio*), в соавторстве с которым была написана вышеупомянутая песня, в настоящее время является значимой личностью в латиноамериканской и американской культурах. Пуэрториканский исполнитель приобрел всемирную популярность несколько лет назад, когда

количество прослушиваний его музыкальных композиций побило все рекорды, в этой связи можно говорить о том, что его музыка оставила неизгладимый след на музыкальной индустрии. Кроме того, артист является первым неанглоязычным исполнителем, который стал самым стриминговым исполнителем года по версии Spotify (он возглавлял список *Spotify* с 2020 по 2022 год) [Bad Bunny]. Можно без преувеличения сказать, что *Bad Bunny* вывел испанский язык, латиноамериканскую музыку и культуру на новый международный уровень, поэтому его персону постоянно находится под пристальным вниманием мировых СМИ, вместе с тем, его заслуги перед представителями латиноамериканского сообщества не остаются незамеченными. Недавно в масс-медиа распространилась информация о том, что Бенито Антонио Мартинес также стал заметной фигурой в академической сфере, так как американские университеты начали открывать курсы, посвященные личности, идентичности, жизнедеятельности и влиянию пуэрториканского певца на латиноамериканское сообщество и мир. Так, курсы можно найти в Университете Сан Диего, Университете Лойолы Мэримаунт (LMU), а в колледже Уэлсли проходят семинары, где рассказывают об успехе *Bad Bunny*, одной из самых популярных и влиятельных мировых звезд латиноамериканской музыки на современном этапе [Hypebeast, 2022; ABC Television, 2023; Wellesley College Catalog].

В качестве примера репрезентации латиноамериканской культуры в медиа-дискурсе в США приведем в пример один видеоролик, снятый на музыкальную композицию *Bad Bunny* под названием “*Noy sobré*” с видеохостинга *YouTube* [YouTube. Bad Bunny]. Контекст: пуэрториканский исполнитель заходит в американский магазин *Gucci* с сигаретой в руке. На входе его останавливает охранник и между ними происходит следующий диалог:

- Hey, you can't smoke in here.
- ¿Qué tú dices? Yo no te entiendo.
- Tú no puedes fumar aquí adentro.

— ¿Qué? Bueno, yo no veo ningún letrado que dice esto.

— Give me one second. Boss, we have a situation!

Далее охранник вызывает директора и объясняет ему ситуацию на английском языке. В свою очередь, *Bad Bunny* прерывает его речь, вступая в диалог с владельцем торговой точки на английском языке, невзирая на то, что несколько секунд назад он сказал, что не понимает английского языка. Охранника выгоняют, поскольку директор и певец оказываются друзьями, после чего мужчины продолжают вести диалог на английском языке. Интересной представляется не только концепция режиссера и сценаристов (подобного уровня магазин в США и его директор в лице известной личности *Snoop Dogg* символизируют высокий статус, вместе с тем, демонстративное нарушение пуэрториканским исполнителем установленных правил и последующее разрешение владельца на это, указывают на авторитет и особое положение *Bad Bunny*), но и задумка певца, касающаяся языковой игры, разрушающей популярный стереотип о том, что *Hispanics* и «белое» американское население зачастую не способны понять друг друга, поскольку говорят на разных языках, а их социокультурные реальности разнятся.

Представим другую известную американскую визуальную репрезентацию образа современного *latino*, имеющую непосредственное отношение к латиноамериканской культуре и испанскому языку в США. Речь идет о серии коротких рекламных роликов американской компании “Cheetos”, которая выбрала *Bad Bunny* в качестве приглашенного артиста [YouTube. Cheetos and Bad Bunny]. Контекст: играет песня на испанском языке из нового альбома приглашенного исполнителя, затем певец говорит следующую фразу: “En la vida tú puedes dejar las cosas *just like they are* or you can choose to dejar huella” [Там же]. При этом на экране демонстрируются субтитры на английском языке, для тех, кто не знает испанского. Анализ концепта и смысла этой рекламы можно обнаружить в отдельных интернет-статьях и, согласно источникам, они заключаются в том, чтобы подчеркнуть тот факт, что испанский язык, латиноамериканская культура и музыка набирают мировую

популярность, тем самым значительно расширяя сферы своего влияния [Slang.fm. Noticias]:

<p>“Deja Tu Huella también busca inspirar a los hispanos a hacer una diferencia, celebrando cómo la cultura hispana ha influenciado a la cultura pop en general”.</p>	<p>Концепт <i>Deja Tu Huella</i> (оставь свой след) также стремится вдохновить носителей испанского языка изменить ситуацию и выделиться, радуясь тому, как испаноязычная культура повлияла на общую поп-культуру.</p>
---	--

Далее в статье приводится комментарий пуэрториканского артиста:

<p>“I’ve been so fortunate to be able to embrace my roots and culture and express it through music and entertainment. My music has traveled far around the world and 100 percent in Spanish with my Puerto Rican slang. Wherever I go, in every interview, I let everyone know that I am Latino and Puerto Rican and I think that I have left that mark well placed in the whole world” [Там же].</p>	<p>Мне очень повезло, что я имею возможность сохранить свои корни и культуру, а также выразить это через музыку и индустрию развлечений. Моя музыка облетела весь мир и полностью написана на испанском языке с использованием пуэрториканского сленга. Куда бы я ни пошел, в каждом интервью я даю всем понять, что я латиноамериканец и пуэрториканец, и я думаю, что оставил заметный след на мировом уровне.</p>
---	--

Отметим, что данная рекламная кампания снималась в 2020 году, когда *Bad Bunny* только набирал популярность, однако можно предположить, что компания “Cheetos” целенаправленно пригласила к сотрудничеству исполнителя, рожденного в Пуэрто-Рико, поскольку в общественном сознании большей части населения Соединенных Штатов *Spanglish* часто ассоциируется именно с пуэрториканцами. Вместе с тем, согласно большинству исследований, пуэрториканцы, проживающие в США, представляют собой испаноязычную группу, в которой заметнее всего происходит переход к английскому языку [Albelda, 2010: 415].

2.6.1 Лингвокультурный типаж *Latino/Hispanic* в американском кинодискурсе

Важность аудиовизуальной культуры, связанной с получившими широкое распространение современными техническими способами записи и

передачи изображения и звука (кино, телевидение, системы мультимедиа и т.д.), в двадцать первом веке неоспорима. В частности, сфера кинематографа представляет обширный репрезентативный материал для лингвокультурных исследований. За первые десятилетия существования кинематографа кино превратилось из новинки в устоявшуюся индустрию массовых развлечений и постепенно заняло «лидирующие позиции по степени влияния на аудиторию, оттеснив литературу» [Нелюбина, 2013: 71]. Кроме того, «являясь важной частью современного искусства, кинематограф затрагивает широкие социальные круги, оказывая значительное влияние на формирование их взглядов» [Анисимов, 2022: 99], тем самым генерируя своего рода понятие о норме для данного периода времени. Равным образом фильмы и сериалы, будучи конечными продуктами кинематографа, несут в себе не только замысел режиссеров и сценаристов, но и отражают реалии объективного мира и общества. Сфера кинематографа представляет обширный репрезентативный материал для лингвокультурных исследований. Рассматривая кинодискурс в качестве подтипа медиа-дискурса, мы считаем, что кинематограф часто выступает в качестве одного из инструментов воздействия на массовое сознание населения и преследует своей целью создание определённого отношения к представленному на экране герою. Шоу-бизнес и индустрия массовых развлечений в США (к которым относится и кинематограф), согласно нашим наблюдениям, при создании характера и имиджа латиноамериканского героя склонны ориентироваться на его гротескный собирательный образ (включая акцент), при этом часто не принимая во внимание или намеренно опуская детали, которые могли бы подвергнуть сомнению навязываемое представление или отношение.

Мы, вслед за А.Н. Зарецкой считаем, что «кинодискурс – сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [Зарецкая, 2008: 70]. Принимая во

внимание комплексность данного понятия, фокус нашего внимания будет сосредоточен на особенностях репрезентации современных латиноамериканских персонажей и героев американских киноэкранов за последние 20 лет.

В своей книге “Hablar español en Estados Unidos” Дженнифер Лиман и Джанет Фуллер (Jennifer Leeman, Janet M. Fuller) обращают внимание на то, что количество экранного времени, которое отводится киногероям латиноамериканского происхождения на американском телевидении, в значительной мере меньше, чем время, отведенное белому американскому резиденту [Leeman, 2022: 192]. Кроме того, Негрон-Мунтанер (Negrón-Muntaner) отмечает, что несмотря на значительное увеличение латиноамериканского населения на территории США в начале века (на 43%), количественное присутствие *Hispanics* в англоязычных СМИ практически не изменилось [Negrón-Muntaner, 2014]. Доказательством этому служит проведенный квантитативный анализ 1200 популярных американских фильмов, выпущенных с 2007 по 2018 годы, по результатам которого латиноамериканские персонажи присутствовали только в 5% исследованных фильмов. В этой связи можно говорить о том, что подобные алгоритмы голливудского медиапространства активно развивали идею о том, что население США это, в первую очередь, «белое» англоговорящее сообщество [Leeman, 2022: 192].

Мы разделяем мнение Я.А. Волковой о том, что «...поведенческие характеристики определенной этносоциальной группы раскрываются через изучение ее стабильного представителя – лингвокультурный, социокультурный, коммуникативный типаж» [Волкова, 2022: 8]. В лингвистических исследованиях, посвященных этой тематике, термин «лингвокультурный образ» часто выступает синонимом понятию «лингвокультурный типаж» [Савченко, 2013]. Описывая существующие лингвокультурные образы *Hispanics* в современном американском кинодискурсе, мы, в первую очередь, будем опираться на термин В.И.

Карасика «лингвокультурный типаж», под которым он подразумевает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2009: 179]. Нам также близко определение, данное Е.П. Савченко, которая под термином «лингвокультурный образ» понимает «разновидность культурного концепта, который обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [Савченко, 2013: 6].

Для выстраивания образа современного *Latino/Hispanic*, являющегося резидентом США, мы опишем и подвергнем анализу лингвокультурные типажи выходцев из Латинской Америки, представленные на большом экране. Нам представляется, что латиноамериканские персонажи, показанные в позитивном ключе – добропорядочные американские граждане, говорящие на свободном английском языке без акцента; в свою очередь, отрицательные персонажи латиноамериканского происхождения принадлежат к низшим слоям общества, могут иметь проблемы с законом и чаще всего не являются американскими резидентами и/или плохо говорят на английском языке. Соответственно, появление новых и существование закрепленных за латиноамериканцами лингвокультурных образов, базирующихся на культурно обусловленных моделях их поведения, вполне закономерно. Равным образом представленные в форме визуальных образов лингвокультурные типажи латиноамериканцев также способствовали постепенному возникновению и закреплению в коллективном американском сознании определенных стереотипных характеристик, присущих всем *Hispanics*. В частности, речь идет об этнических стереотипах или «этнических представлениях», под которыми понимается «итог усвоенной информации, результат ее переработки и обобщенный вывод из нее, они нередко влияют на отношения между нациями, этническими группами и государствами» [Ерофеев, 1982: 11]. В пример приведем один из самых распространенных на территории США стереотипов, ассоциирующихся с образом жизни выходцев из Латинской Америки, о том,

что большинство латиноамериканцев – нелегальные мексиканские мигранты. В голливудском медиапространстве эти этнические представления неразрывно связаны с антисоциальным поведением, низким уровнем образования, незнанием английского языка и бедностью.

В американском кинодискурсе существует отдельный жанр, посвященный изображению вышеописанных жизненных пертурбаций и механизмов ассимиляции латиноамериканских мигрантов в североамериканском сообществе, именуемый “Chicano social problem film”, в котором, по мнению Рамиреса Берга, зачастую делают акцент именно на непрерывной борьбе и проблемах, которые выпадают на долю латиноамериканских мигрантов по прибытии в США и представляют собой значительную часть их жизни [Ramirez Berg, 2002: 111-112]. Примечательно, что на экранах также обнаруживаются и их многочисленные и доблестные попытки решить личные, финансовые и другие социальные проблемы посредством поиска работы или тяжелого физического труда [Leeman, 2022: 193]. В качестве примера можно привести фильм *Spanglish* (2004), где мать-одиночка мексиканского происхождения вынуждена переехать в США и устроиться на работу, чтобы обеспечить своей дочери лучшие условия для жизни. В кинокартине равным образом показано настойчивое стремление женщины овладеть английским языком, а также затрагиваются вопросы идентичности.

“Películas de violencia urbana” - другой довольно распространенный в прошлом жанр голливудских фильмов, в которых наглядно представлен лингвокультурный типаж и жизненный опыт латиноамериканцев в типичной для них среде [Cortés, 1997: 131]. Изображение героев латиноамериканского происхождения в вышеупомянутом жанре базируется на образе бандитов, основным промыслом которых является криминал [Ramirez Berg, 2002: 26]. Активная дистрибуция подобных фильмов способствовала укоренению расистской идеологии, в которой латиноамериканские мужчины были представлены как жестокие и необразованные люди и как часть «самого

ужасного, что есть в американском обществе» (“lo peor de la sociedad estadounidense”) [Leeman, 2022: 195]. В современном американском кинодискурсе образ латиноамериканского бандита и «плохого парня» продолжает существовать и пересекается с ролями гангстера, криминального авторитета и торговца наркотиками [Ramirez Berg, 2002: 68-69]. В подтверждение этому можно привести в пример американские фильмы *Bad Boys for Life* (2020), *Bullet Train* (2022) и популярные американские сериалы *Dexter*, *Breaking bad*, *Narcos*, *Narcos: México* и др. В этой связи отметим, что подкрепленные примерами с телеэкранов отрицательные этнические представления о *Hispanics* стали дополнительным фактором, осложняющим и без того напряженные отношения между «белыми» американцами и латиноамериканцами.

Под «лингвокультурным типажом» В.И. Карасик также понимает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2009: 179]. Вместе с тем, «исторические лингвокультурные типажи могут быть этноспецифичными или уникальными, характерными для определенной лингвокультуры, имеющими этнокультурную значимость и подчеркивающими национально-культурное своеобразие этноса...и универсальными, не отмеченными особой этнокультурной спецификой, но играющими важную роль в ряде лингвокультур» [Волкова, 2022: 18]. В этой связи приведем в пример личность всемирно известного колумбийского наркобарона Пабло Эскобара, который для самих колумбийцев является одновременно героем и антигероем. В прошлом веке Пабло Эскобар являлся фактически единственным лингвокультурным типажом, с которым Колумбия ассоциировалась во всем мире, вследствие чего сформировался стереотип о том, что все жители страны являются людьми с низкой социальной ответственностью. Несмотря на то, что лидер картеля умер в 1993 году, его фигура и биография продолжают пользоваться популярностью у американских

продюсеров, сценаристов и режиссеров (см., например, фильм *Loving Pablo* (2017), сериал *Narcos* (2015-2017) и др.).

Современная Колумбия славится именами многих известных медийных личностей, например, *Juanes, Shakira, J Balvin, Karol G, Maluma* и других, которые с гордостью представляют Колумбию на мировой арене, занимаются благотворительностью, а также являются частыми гостями американских шоу или приглашенными звездами на съемках американских фильмов. В подтверждение вышесказанному представим отрывок речи из дискурса *Maluma*, колумбийского музыкального исполнителя, сыгравшего одну из главных ролей в американском фильме *Marry me* (2022) и получившего премию *Mejor artista latino Europe Music Award* (ЕМА) в прошлом году:

<p>“And this goes to Medellín, Colombia, because Colombia is not Pablo Escobar anymore! Colombia is Maluma, J Balvin and...all the biggest artists in Latin America” [YouTube. Europe Music Award (ЕМА)].</p>	<p>Эта награда для Медельина, Колумбии, потому что Колумбия – больше не Пабло Эскобар! Колумбия – такие артисты как <i>Maluma, J Balvin</i> и все звезды Латинской Америки.</p>
---	---

По аналогии с Колумбией в истории, политике, экономике и культуре каждой латиноамериканской страны можно обнаружить примеры узнаваемых во всем мире лингвокультурных образов и типажей среди известных и влиятельных людей.

Кортес отмечает, что «настоящий» образ типичного носителя испанского языка появился на американских экранах в 40-е годы прошлого века, а уже в 60-е года количество этнических стереотипов, касающихся испаноязычного языкового сообщества на территории США несколько сократилось [Cortés, 1997: 131]. По мнению Дженнифер Лиман и Джанет Фуллер голливудское видение латиноамериканской идентичности ограничивалось стереотипами, в связи с чем их искоренение одновременно означало и утрату своего рода культурно специфических характеристик [Leeman, 2022: 194]. Вследствие этого, по мнению Кортеса, базовым и практически единственным отличием латиноамериканского экранного

персонажа от типичного американца стало наличие фамилии испаноязычного происхождения [Cortés, 1997: 134]. Тем не менее, согласно нашим наблюдениям, стереотипную репрезентацию лингвокультурного типажа *Hispanics* можно увидеть и в современном голливудском кинодискурсе.

Таким образом, поскольку собирательный гротескный образ типичного выходца из Латинской Америки для американских зрителей на протяжении длительного времени был соткан только из обобщенных характеристик и укоренившихся стереотипов, мы можем прийти к выводу о том, что латиноамериканский лингвокультурный типаж в американском кинодискурсе во многом представляет собой совокупность существующих стереотипных представлений, составляющих некую часть национальной культуры латиноамериканской этнической общности. Вместе с тем, важно отметить, что данные стереотипные представления не всегда тождественны реально существующим культурным смыслам. В современных лингвистических исследованиях под этническим стереотипом также понимается «лингвокультурная модель, распространенная в некоторой лингвокультурной среде, фиксирующая представления данной среды о той или иной группе (нации)...и позволяющая апеллировать к этим представлениям в дискурсе» [Бергельсон, 2013: 32]. В этой связи мы выявили 3 распространенные в голливудском медиапространстве лингвокультурные модели, описывающие взаимодействие белых резидентов и латиноамериканцев на территории США:

1. Сцены, где латиноамериканцы разговаривают между собой на испанском, в абсолютном большинстве случаев не имеют субтитров или перевода на английский язык, что можно расценивать как сохранение испанским языком статуса миноритарного на территории США. При этом, все важные диалоги естественным образом ведутся на английском языке.
2. Североамериканцы, в том числе проживающие в таких штатах как Флорида или Калифорния, где значительная часть населения имеет кубинские или мексиканские корни, не различают

латиноамериканцев по национальному признаку и зачастую считают всех мексиканцами, приписывая всем *Hispanics* присущие мексиканцам культурные атрибуты. Здесь можно привести в пример ситуацию, когда американский журналист в 2022 году подарил известному эквадорскому бойцу смешанных единоборств Marlon Vera маску мексиканских реслеров, также именуемую как «маска лучадоров» [Reddit, 2022].

3. Латиноамериканцев по сей день ассоциируют с проблемными слоями населения, имеющим непосредственную связь с любого рода нарушением закона, преступностью, бедностью и многочисленными отрицательными качествами, что отражено во многих голливудских фильмах и сериалах.

Нам близка мысль, высказанная в монографии «Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции» относительно того, что «специфика изучения лингвокультурного образа заключается в том, что он описывается в единстве сознания, языка и культуры и на основе дискурса» [Шаклеин, 2017: 16]. В этой связи приведем несколько примеров вербального взаимодействия одного из главных героев («белого» американского гражданина «старой закалки») с уроженцами Латинской Америки, представленные в фильме *St. Vincent* (2014), который в 2015 году получил премию «Золотой глобус» за лучший фильм в жанре комедия/мюзикл и другие престижные награды:

1. Контекст: двое мужчин латиноамериканской наружности, одетые в стиле “campesino”, громко ругаются между собой на испанском, поскольку их машина случайно врезалась в забор, ограждающий дом. Из дома выходит «белый» американец и начинает с ними следующий диалог:

- What’s going on? You *habla* English?
- Yes, we speak English (с акцентом), *señor*.
- Do you speak English!?
- Yes (с акцентом), *señor*.

- I'm calling cops. I'm sure *chico* and a man here are *off the books* (эфемизм для слова *нелегал*).

2. Контекст: ребенку, няней которого являлся главный герой, нанимают новую сиделку латиноамериканского происхождения. Сцена знакомства ребенка и представительницы латиноамериканской культуры довольно короткая:

- Excuse me, what's your name?
- Amelda.
- Hi, Amelda!
- Hola, mister Oliver (с акцентом).

3. Контекст: главный герой видит вышеупомянутых ребенка и сиделку, между ними завязывается следующая беседа:

- My replacement?
- Yeah, I guess so.
- I'd hate to have to report her to the immigration system.
- I'm a citizen (С акцентом).

4. Контекст: главный герой вынужден взаимодействовать с вступившим с ним диалог незнакомцем:

- We can eat and talk at the same time!
- No hablo inglés.
- ¿Hablas español? ¡Yo también! ¿De dónde eres? ¿Te gustan las siestas?
- I don't speak Spanish either.
- You're funny!

Язык является знаком культуры, несущим в себе ее ценностное содержание, в связи с этим можно говорить о том, что испанский язык, а также его смесь с английским (Spanglish) используются продюсерами и сценаристами в подобных и других коммуникативных ситуациях для демонстрации особенностей межкультурной коммуникации англо- и испаноговорящих социумов, а также для репрезентации специфики лингвокультурной среды, обнаруживающейся в большинстве американских

штатов. Кроме того, следует отметить, что диалогов на испанском языке в голливудском кинодискурсе заметно больше, чем взаимодействия героев на других иностранных языках, в связи с постоянно увеличивающейся численностью испаноязычного населения, проживающего на территории США. Равным образом обратим внимание на речевое поведение и речевой портрет главного героя в представленных выше сценах из фильма. В глаза бросается гиперболизированная прямолинейность и узорность взглядов, имеющих языковое выражение и свойственных американцам его возраста, сопровождаемые саркастическими высказываниями в контексте юмористического дискурса. Так, можно предположить, что существующее шаблонное восприятие выходцев из Латинской Америки (обращение *chico* и использование «ломанного» испанского языка для уточнения, знают ли они английский, а также уверенность в том, что все встреченные им представители латиноамериканской культуры - нелегальные мигранты и др.) продемонстрировано намеренно и применяется с целью воздействия на толерантного американского зрителя, который не всегда способен считать тонкую насмешку. Параллельно с этим следует подчеркнуть, что подобное отношение к *Hispanics* (справедливости ради стоит упомянуть, что в фильме также представлен стереотипный образ русской женщины, играющей роль девушки главного героя), основанное на существующих стереотипах, прослеживается на протяжении всего фильма.

По мнению В.И. Карасика, к числу стереотипных характеристик также относятся «...ценности, в соответствии с которыми [лингвокультурный] типаж строит свое поведение, а ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры» [Карасик, 2009: 183]. Вместе с тем, рассматривая кинодискурс в качестве подтипа медиа-дискурса, мы разделяем мнение И.Л. Ильичевой о том, что современный медийный дискурс вербально и визуально конструирует происходящие в регионе события, отражает коллективные ценностные ориентиры, маркирует региональные культурные коды» [Ильичева, 2022: 47]. В этой связи интересно рассмотреть точку зрения

Рамиреса Берга, известного американского писателя и профессора, занимающегося исследованиями репрезентации образов *Latino/Hispanics* в американском медиа-дискурсе. Анализируя один из существующих сюжетов (*narrativa*), где латиноамериканцы представлены в позитивном ключе, он обращает особое внимание на героев, которые осознают, что достижение успеха на территории США включает в себя элементы, противоречащие их традиционными культурными ценностями [Ramirez Berg, 2002: 23]. К таковым, по его мнению, относятся искренность (*honestidad*), преданность (*lealtad*), обязательства перед семьей (*compromiso con la familia*) и серьезная трудовая этика (*fuerte ética de trabajo*) [Там же]. Наличие своего рода противостояния между описанной выше системой ценностей, присущей коллективным культурам (к числу которых мы относим *Hispanics*), и аллогенными для них либеральными ценностями является скорее нормой, чем исключением из правил. В свою очередь, американские ценностные доминанты, традиционно подразумевающие конкурентоспособность, честолюбие и своего рода хитрость воспринимаются скорее негативно со стороны латиноамериканского языкового сообщества, в частности, в тех случаях, когда носители испанского языка пытаются применять их на практике на пути к успеху [Ramirez Berg, 2002: 24]. Среди фильмов, в которых обнаруживается репрезентация подобной линии поведения можно назвать *Real Women Have Curves* (2002), *Spanglish* (2004), *Bordertown* (2006) и популярные на американском телевидении сериалы начала двадцать первого века, например, *American Family* (2002–2004) и *Ugly Betty* (2004–2010).

Принимая во внимание тот факт, что социальное взаимодействие людей в обществе «во многом исходит от культурно-исторического типа, к которому они принадлежат, что в свою очередь организует поведение людей посредством правил, основанных на ценностных ориентирах общества, запечатленных в культурной традиции» [Новак, 2018: 171], мы можем утверждать, что система ценностных ориентаций латиноамериканцев, проживающих на территории США, преобладает над американскими

доминантами, несмотря на значительное влияние последних. В свою очередь, существующие стереотипные лингвокультурные типажи *Latino/Hispanics*, навязанные американской массовой культурой, также выполняют важную социальную функцию – «разграничение внутригруппового и внегруппового...» [Радбиль, 2018: 239], и зачастую выходят за рамки кинодискурса. Вместе с тем, мы разделяем мнение В.И. Карасика по поводу того, что «стереотипы отражают действительность, и, если объективная ситуация меняется, меняются и они» [Карасик, 2009: 183]. По нашему мнению, эта точка зрения соответствует произошедшим за последние десятилетия изменениям относительно рожденных в США латиноамериканцев, иначе говоря, в том, что касается новых поколений детей-мигрантов, многие из которых не говорят по-испански, учат его как первый иностранный или относятся к так называемым “no sabo kid”, тем самым представляя собой лингвокультурный типаж *Hispanics*, который ничем (кроме этнического происхождения) не отличается от «белого» американского населения. Именно по этой причине в настоящее время молодые латиноамериканцы по большей части получают роли персонажей, являющихся такой же частью общества, как и «белые» американцы. В пример приведем вышеупомянутые современные американские криминальные сериалы *Dexter* и *Breaking bad*, где половина персонажей (как положительные, так и отрицательные) имеет латиноамериканские корни. Так, в *Breaking bad* мы обнаруживаем уже описанный нами распространенный лингвокультурный образ – нелегальные мексиканские мигранты (с культурно обусловленными атрибутами одежды), говорящие на испанском или с акцентом на английском, замешанные в наркобизнесе. В свою очередь, в сериале *Dexter* представлена совершенно противоположная картина: латиноамериканцы выступают в роли добросовестных сотрудников полиции и других представителей власти, некоторые из которых проявляют себя как настоящие герои. Примечательно, что как в *Dexter*, так и в *Breaking bad* есть сцены, где представители наркокартеля ведут себя как высоконравственные и порядочные люди с

традиционными латиноамериканскими ценностями. Оба сериала сопровождаются юмористическим дискурсом, базирующимся на этническом происхождении героев.

Таким образом, наше предположение о том, что на американских экранах латиноамериканские положительные персонажи являются добропорядочными американскими гражданами, свободно говорящими на английском языке без акцента, а отрицательные персонажи-латиноамериканцы склонны к антисоциальному поведению и чаще всего не являются американскими резидентами и/или плохо говорят на английском языке подтверждается до некоторой степени, но варьируется в зависимости от продукта кинодискурса. Следовательно, мы можем заключить, что лингвокультурный типаж *Latino/Hispanics* в Голливуде включает в себя устоявшиеся линии и формы поведения и существующие стереотипные представления, отражающие определенную часть коллективной реальности данных этнических сообществ. Отдельные поведенческие установки, характерные для латиноамериканской лингвокультуры и отличные от американской, преимущественно становятся атрибутами, без которых немислим представленный на американском экране образ представителей латиноамериканского сообщества.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В данной главе мы детально исследовали исторические предпосылки и обусловленность латиноамериканской миграции в Соединенные Штаты Америки, на основании чего пришли к заключению о том, что за последние пятьдесят лет модели миграции подверглись значительным изменениям. В настоящее время на территории США проживает значительное количество выходцев из каждой страны Центральной и Южной Америки, что объясняется высоким уровнем рождаемости, низким уровнем смертности и более высокой продолжительностью жизни латиноамериканского населения.

Отмечается положительная динамика относительно значимости испанского языка в США, ареал распространения которого носит диаспорический характер, вместе с тем, усиливается влияние и давление на него со стороны английского языка. Совокупность различных факторов, сопряженных с коллективным опытом миграции, оказала значительное влияние на лингвокультурную идентичность испаноязычных мигрантов. Под лингвокультурной идентичностью в данном исследовании мы понимаем лингвокультурологические, дискурсивные, социальные, когнитивные, языковые и другие параметры, свойственные носителям испанского языка и ведущие к пониманию особенностей функционирования их культурных систем, выводя данное определение исходя из полученных в ходе исследования умозаключений и результатов. На основе обширного материала и большого количества примеров мы имели возможность осуществить анализ того, как в процессе межкультурного взаимодействия в разных социальных контекстах у выходцев из Латинской Америки задействуются привычные когнитивные механизмы и бессознательные реакции, являющиеся отдельными проявлениями национальной, коллективной и социальной идентичности, а также вырабатываются новые шаблоны и модели поведения, если происходит вынужденный отказ от старых.

Изучив стадии, стратегии и элементы социально-психологической и культурно-языковой адаптации мигрантов, мы заключили, что они, как правило, сталкиваются с переосмыслением собственной лингвокультурной идентичности. Мы также пришли к выводу о том, что социальная реальность легальных и нелегальных мигрантов сливается воедино, в отличие от их идентичности, которая подвергается процессу раздвоения, что может провоцировать появление этнопсихологических проблем. Проблема двойственности, противоречивость и гетерогенность идентичности латиноамериканских мигрантов становятся особенно заметны при исследовании их дискурсивных практик и речеповеденческих паттернов в различных коммуникативных ситуациях.

Проведя лингвокультурологический и контекстуальный анализ обнаруживающихся форм и способов репрезентации образов латиноамериканцев в медиапространстве США, нам представляется возможным сделать следующие выводы: кинематограф был и остается эффективным средством воздействия на массовое сознание населения и одним из лучших способов охарактеризовать поведение представителей определенной лингвокультуры. В этой связи особого рода репрезентация лингвокультурных типажей латиноамериканцев в Голливуде способствовала формированию и закреплению за ними множества стереотипных характеристик и определенного шаблонного восприятия, выходящих за рамки продуктов американского кинодискурса, к которым мы относим фильмы и сериалы.

Тенденции последних лет явно демонстрируют, что современные латиноамериканцы, проживающие на территории Соединенных Штатов Америки, гордятся своим этническим происхождением, идентичностью и культурным наследием, целенаправленно распространяя испанский язык и латиноамериканские образцы культуры в североамериканские медиа и по всему миру.

ГЛАВА 3. ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ-ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СБОРНИК РАССКАЗОВ “DROWN”

В работе профессора Ли Лэнтзи (Leah Lantzy), посвященной исследованию влияния концепта американской мечты на латиноамериканскую иммиграцию, речь идет о том, что термин *latino* используется только в Соединенных Штатах Америки, при этом фигурируя в качестве искусственно созданной конструкции для обозначения выходцев из Латинской Америки. Равным образом отмечается, что именно этот факт усложняет обобщение опыта латиноамериканских иммигрантов. Вместе с тем, отдельные общие компоненты подобного коллективного опыта обнаруживаются и наглядно представлены в литературе, которая, бесспорно, является зеркалом реальности [Lantzy, 2012: 2].

В этой связи для углубленного исследования лингвокультурной идентичности мигрантов-латиноамериканцев в США с целью создания корпуса маркеров идентичности латиноамериканских мигрантов нами был выбран полуавтобиографический сборник рассказов американского писателя доминиканского происхождения Джуно Диаз (исп. *Junot Díaz*), под названием “Drown”, опубликованный в 1996 году. Книга посвящена описанию разных жизненных этапов и взаимоотношений членов семьи де лас Касас (исп. *de las Casas*), включая описание множества испытаний, выпавших на долю доминиканских иммигрантов, пытающихся достичь некоего подобия американской мечты. Действие рассказов разворачивается в контексте Америки 1980-х годов, а повествование ведется от лица автора, который, уже будучи взрослым, оглядывается на свое сложное детство.

“Drown” и его автор привлекли наше внимание по нескольким равноценным причинам. В первую очередь, автор получил известность именно благодаря своему яркому идиостилю, отличному от массовой художественной литературы, который можно охарактеризовать как правдивое

(иногда излишне) изображение латиноамериканской действительности в её типических чертах. В 2008 году за роман под названием “The Brief Wondrous Life of Oscar Wao” [Díaz, 2007], который был опубликован вслед за “Drown” Джуно Диас был удостоен Пулитцеровской премии⁴, одной из наиболее престижных наград США в сферах литературы, журналистики, музыки и театра. Кроме того, в 2016 году писатель получил премию американского фонда латиноамериканского наследия⁵ в области литературы, во время вручения которой его труды охарактеризовали следующим образом: “He is a transcendent, truthful story teller who is informed by his community, roots and experiences. Most of all, Junot writes with impact” (Он необыкновенный, правдивый рассказчик, который опирается на свое сообщество, корни и жизненный опыт. Работы Джуно оставляют сильный отпечаток”) [NBC NEWS]. Во-вторых, проблематика, затрагиваемая Джуно Диасом, охватывает широкий круг тем, которые так или иначе касаются каждого из нас. Так, в “Drown” затрагиваются семейные отношения и ценности, «проблема отцов и детей», детская безнадзорность, проблемы социальной несправедливости, алкоголизм, бедность, проблемы занятости и безработица, вопросы сексуальности, проблема межнациональных отношений (как на уровне взаимодействия народов, так и в межличностных отношениях), жилищные проблемы, а также многие другие проблемы, с которыми на ежедневной основе сталкиваются мигранты. В-третьих, речевая сторона произведения передает особенности доминиканской идентичности и опыта мигранта в лице автора, демонстрирует специфику его происхождения, воспитания, образования, социального статуса, а также уровень владения обоими языками, поскольку книга написана на английском языке с использованием культурно-значимых лексем на испанском языке, которые заслуживают отдельного внимания и анализа. По нашему мнению, сборник рассказов “Drown” — это

⁴ The 2008 Pulitzer Prize Winner in Fiction. URL: <https://www.pulitzer.org/winners/junot-diaz>

⁵ Данной наградой отмечаются национальная гордость и различные достижения латиноамериканцев, проживающих на территории США. URL: [Pulitzer Author Awarded "Literature Award" at NHA's - Hispanic Heritage Foundation](#) [NBC NEWS].

достоверный источник информации о культурных смыслах и доминантах, погружающих нас в реальный контекст жизни латиноамериканских мигрантов.

В предыдущих главах данного диссертационного исследования, посвященных анализу и обобщению опыта латиноамериканских мигрантов на конкретных примерах, нами уже были представлены отрывки из интервью с Джуно Диазом, которые позволили нам описать и осмыслить авторское видение мира, подкрепленное фактами из его биографии. В этой главе мы сосредоточимся на лингвокогнитивных и лингвокультурологических параметрах опыта миграции, оставивших глубокий пожизненный отпечаток на психике, личности, идентичности, биографии и творчестве писателя, а также позволяющих нам наблюдать за всем этим на примере его работ.

3.1. Идеино-эстетические доминанты содержания книги

Книгу предваряет вступительная часть в форме следующего эпитафия:

“The fact that I am writing to you in English already falsifies what I wanted to tell you. My subject: how to explain to you that I don’t belong to English though I belong nowhere else”.

«Тот факт, что я пишу по-английски, заведомо искажает то, что я хотел вам сказать. Дело в том, что я не знаю, как объяснить вам, что я не принадлежу к английской лингвокультуре, хотя ни к одной другой я также не принадлежу».

Цитата взята из книги “Life on the Hyphen: The Cuban-American Way” [Pérez Firmat, 1994] нашего современника кубинского происхождения, поэта, писателя и профессора Густаво Перес Фирмата (исп. *Gustavo Pérez Firmat*), который аналогичным образом описывает свой опыт эмиграции в США и трудности жизни в двух культурах одновременно [Pérez Firmat, Gustavo 1949]. Предполагаем, что Джуно Диаз при написании сборника мог либо вдохновляться идеями ранее упомянутой книги, либо отождествил себя с героями и образами, созданными Густаво Перес Фирматом. Размышляя по поводу функции данного эпитафия, мы приходим к выводу о том, что цитата

передает главную идею произведения, состоящую в том, что полноценная самоидентификация как с представителями своего этноса, так и с американцами для автора невозможна. Вместе с тем, эпиграф подчеркивает факт принятия Диазом своей пограничной идентичности.

А.Ф. Кофман выделяет прямую и «обратную» стратегии выстраивания картины мира в художественном произведении [Кофман, 2023: 19]. В первом случае «автор непосредственно...обращается к национальной действительности, осмысляет ее и воссоздает художественными средствами как самодостаточный, независимый от «чужого взгляда» феномен» [Там же]. Такая «рефлексия может быть явлена в характере героя, мотивации его поступков, в его психических реакциях, моделях отношения к «другому», женщине в том числе, в сюжетостроении...в художественных моделях пространства и времени, варианты могут быть самыми разнообразными» [Там же]. Вторая стратегия заключается в том, что «картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении, с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли [Там же]. Главное в этой стратегии – непереносное присутствие в сознании автора различных картин мира, своей и чужих...» [Там же]. Обе описанные стратегии представлены в исследуемом нами художественном тексте “Drown”.

Книга состоит из 10 рассказов, большая часть которых повествует о быте, планировании и ожидании переезда, а также опыте эмиграции многодетной латиноамериканской семьи из Санто-Доминго, Доминиканской Республики в индустриальный район Нью-Джерси, США. Главный герой, Юниор де лас Касас (*Yunior de Las Casas*), носит говорящие имя и фамилию буквально означающие «младший из дома», и, предположительно, является альтер-эго Джуно Диаза, поскольку персонаж также встречается в других работах писателя в роли рассказчика и героя (см. “The Brief Wondrous Life of Oscar Wao” [Díaz, 2007], “This is How You Lose Her” [Díaz, 2012]), а в его характере и поступках отражается личность автора. На протяжении книги мы

имеем возможность наблюдать, каким образом и при помощи каких средств в каждом рассказе характеризуется специфика латиноамериканской идентичности сквозь призму лингвокультурной парадигмы и как происходит процесс ее модификации и переоценки под гнетом новых обстоятельств, в терминах и рамках новой культуры.

3.2. Авторский глоссарий

Лексический уровень языка универсально оказывается наиболее проницаемым для отражения лингвокультурологических факторов [Чеснокова, 2021: 9]. Вместе с тем, справедливо отмечается, что «языковые знаки способны выполнять функцию «языка» культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [Маслова, 2001: 29]. В этой связи мы считаем целесообразным представить в виде сводной таблицы авторский глоссарий, состоящий из пятидесяти двух культурно-значимых лексем и обнаруживающийся в печатной версии книги:

№	Оригинал (испанский)	Авторский перевод (английский)	Перевод (русский)	Примечание
1	Abrazo	an embrace	Объятие	
2	Abuelo	Grandfather	Дедушка	
3	Aguantando	enduring, waiting	Терпящий, выносящий, ожидающий	“Aguantando” - название испаноязычной версии исследуемого сборника рассказов
4	Askho	Disgust	Отвращение	
5	Barrio	neighborhood	Район	
6	Bobo	a dope	Глупец	
7	Botánica	shop selling spiritual items, cures, divinations	Магазин религиозных товаров	
8	Cabrón	a cuckold	-	Обсценная лексика
9	Campo	the countryside		Деревня, сельская местность
10	Carajo	a curse	Проклятье	Используется в качестве эмоционального восклицания
11	Casas ajenas	strange houses	Чужие дома	
12	Cojones	Balls	-	Обсценная лексика

13	Colmado	a small general store/bar	Небольшой магазин/лавка	
14	Come mierda	a shit-eater	-	Обсценная лексика
15	¿como te sientas?	how are you feeling?	Как ты себя чувствуешь?	Здесь можно наблюдать ошибку в форме глагола и отсутствие ударения. В тексте сборника в этой фразе ошибки отсутствуют (“¿Cómo te sientes?”)
16	Coño	a curse	Проклятье	Значение и использование лексемы синонимичны №10
17	Dios mio	my God	Боже мой	Здесь можно наблюдать отсутствие ударения над притяжательным местоимением. В тексте сборника встречаются оба варианта написания этой фразы
18	¿entiendes?	understand?	Понимаешь?	
19	Fabrica	Factory	Завод, фабрика	
20	Flaca	a skinny woman or girl	Худая женщина или девушка	
21	Flojo	loose	Слабый	В тексте сборника используется в контексте отсутствия денежных средств
22	FOB	fresh-off-the-boat	Новичок (иммигрант)	Имеет уничижительный оттенок
23	Fulano	Tom, Dick and Harry all balled into one	Кто-то, незнакомец, обычный человек	
24	Guagua	a bus	Автобус	
25	Guayabera	an embroidered shirt	Особым образом вышитая рубашка	Традиционная для некоторых стран Латинской Америки (в том числе для Доминиканской Республики) мужская национальная одежда.
26	Hija, hijo	daughter, son	Дочь, сын	
27	Hombres de negocios	Businessman	Бизнесмены	
28	Jurone	Mongoose	Мангуст	В тексте сборника используется правильное написание лексемы (“jurones”). В Доминиканской Республике наименования <i>jurón</i> и <i>hurón</i> равнозначны.
29	Malcriado	Badly raised	Плохо воспитанный	
30	Maldito	Maldito	Проклятый	
31	Muchacho	Kid	Ребенок	
32	Nalgas	Ass	-	Обсценная лексика
33	Negocios	a business or negotiation	Бизнес или переговоры	

34	Ojo	Eyes	Глаза	В тексте сборника лексема используется во множественном числе ("her ojos").
35	Olvidate	Olvidate	Забудь об этом	ударение отсутствует
36	Óyeme	listen to me	Послушай	
37	Pato	a queer	-	Обценная лексика
38	Pava	a traditional hat	Традиционная шляпа	
39	Pendejo	a pussy or a punk	-	Обценная лексика
40	Ponchera	Basin	Резервуар, таз	
41	Porquería	filth or junk	Грязь, хлам, ерунда	
42	Puta, puto	bitch or whore, male or female	-	Обценная лексика
43	Quisqueya	Taino Indian name for the Dominican Republic	Кискея	индейское название Доминиканской Республики
44	Sancocho	a stew	Рагу	Гастрономическая реалья в отдельных Латиноамериканских странах
45	Santera, santero	a spiritual worker	Знахари	
46	Sinvergüenza	one without shame	Бесстыдник	
47	Sucia	a tramp	Грязная женщина, распутница	
48	Tía, tío	aunt, uncle	Тётя, дядя	
49	Tígueres	street kids or straight-up hoods	Уличные хулиганы, молодые люди	
50	Vaina	Shit	Вещь	Разговорное слово, используемое в разных контекстах, часто как замена для слова "вещь".
51	Vieja, viejo	old woman, old man	Старуха, старик	
52	Zángano	an about-nothing person	Бездельник	В Испании, Гондурасе и Никарагуа эта лексема имеет значение «вор», «мошенник» [Diccionario de americanismos]

Исследование взаимосвязи лексических единиц и содержательных категорий культуры представляет особый интерес. Ознакомившись с глоссарием до прочтения книги, мы пришли к заключению о том, что эмоционально-окрашенные выражения (включая обценную лексику) занимают важное место в лингвосемантическом поле сборника рассказов. Также, проведя анализ лексем и фраз, представленных автором в глоссарии, можно отметить, что большинство из них является реалиями и важными формами воссоздания национального характера, отражающими латиноамериканскую лингвокультуру в общем и доминиканскую

действительность в частности. Тем не менее, мотивы, по которым Диаз выделил и отразил в глоссарии именно эти лексические средства нам не до конца ясны, поскольку в художественном тексте “Drown” обнаруживается значительно большее количество национально-детерминированных выражений на испанском языке, отражающих этнонациональные особенности латиноамериканского культурного кода. В разделе 3.3 мы выявляем, интерпретируем и отдельно указываем подобные лексические единицы, одновременно являющиеся маркерами идентичности латиноамериканцев после анализа каждого из рассказов сборника.

3.3. Лингвокогнитивные доминанты текста

Вслед за В.А. Масловой мы считаем, что «истинными хранителями культуры являются тексты... Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [Маслова 2001: 86]. В данном разделе посредством комплексного исследования структуры, содержания и сюжетобразующей основы художественного текста “Drown” мы осуществим лингвокогнитивный, дискурсивный и семиотический анализ каждого из рассказов сборника, а также посредством квантитативного анализа раскроем когнитивно-прагматический потенциал национально-детерминированных лексических единиц на испанском языке, используемых автором, что позволит нам в дальнейшем создать корпус идентичности латиноамериканских мигрантов в США. Наше внимание обращено не только на символы национального самоопределения доминиканцев, но и на маркеры индивидуального стиля Джуно Диаза. Рассказы, лексические единицы и их интерпретация представлены нами в том порядке, в котором они идут в книге.

"Ysrael"

Первый рассказ начинается с описания того, как главный герой Юниор (в лице Джуну Диаза) и его старший брат Рафа (*Rafa*), будучи еще детьми и живя в Доминиканской Республике, отправились в местный магазин по просьбе своего дяди. Языковые средства, подобранные писателем, позволяют читателю сразу оценить сложность обстановки, в которой рос автор, а также дают понять, что Диаз не склонен приукрашивать реальность, скорее наоборот, он бывает довольно резок в формулировках: "We were on our way to the *colmado* for an errand, a beer for my *tío*...you could hear the music and the gentle clomp of drunken voices. I was nine that summer...". Впоследствии, в рассказах, которые будут посвящены описанию жизни автора на более позднем этапе жизни, можно будет наглядно наблюдать, как подобного рода времяпрепровождение с самого раннего возраста сказалось на его образе жизни и социально-поведенческих характеристиках во взрослом возрасте.

Музыка – важная часть латиноамериканской культуры. Отметим, что отсылка к музыкальным композициям и стилям является значимым элементом идиостиля Джуну Диаза, поскольку на протяжении всей книги он прибегает к упоминанию различных музыкальных ритмов, создающих своего рода фон каждого из рассказов. Кроме того, уже с первых страниц четко прослеживаются теплые чувства и глубокая привязанность автора к родному дому, а также обращается внимание на стесненность в денежных средствах родственников, у которых дети оставались на лето: "Rafa and I stayed with our *tíos*, in a small wooden house just outside *Ocoa*... where we could rest and play dominos, but the *campo* was nothing like our *barrio* in *Santo Domingo*. In the *campo* there was nothing to do, no one to see. You didn't get television or electricity..." Жалуясь на разницу в уровне жизни между городом и деревней, а также мечтая о возвращении в столицу, брат автора утверждает, что ему настолько не хватает музыки, что он не перестанет танцевать по приезду: "I won't stop dancing either...four or five days straight".

Обратим внимание на то, что столицу Доминиканской Республики в этом рассказе автор именует *the Capital*, обязательно с заглавной буквы, как и многие другие культурно-маркированные лексические единицы на испанском языке (например, *Mami, Papi, Tío, Constitución, Guardia* и др.), что позволяет нам прийти к заключению о том, что, во-первых, в сфере личного бессознательного и в ментальном пространстве Джуно Диаза, состоящем из образов, хранящих информацию о мире, выбор речевых средств продиктован традицией и культурой, поэтому эта лексема закрепились и используется именно в данной фонетической оболочке, и, во-вторых, подобное написание, выделяющее испанские лексические единицы на фоне других подчеркивает привязанность писателя к месту своего рождения, что, как мы указывали в предыдущих главах, является характерной чертой идентичности мигрантов.

Описывая свои отношения со старшим братом, Юниор (главный герой) утверждает, что Рафа часто бывал с ним груб, и, стремясь выделиться на его фоне, унижал его при своих друзьях, например, обзывая его гаитянином, найденным на границе: “It’s the Haitian, he’d say to his buddies. Hey *Señor Haitian, Mami* found you on the border and only took you because she felt sorry for you”. Этот пример может выступать в качестве подтверждения неосознанной существующей стигматизации мигрантов, о которой шла речь в предыдущих главах. В данном случае парадокс состоит в том, что Рафа, будучи сыном человека, отправившегося в другую страну на заработки, обзывает своего родного брата гаитянским иммигрантом. Опираясь на детали, которыми делится с читателем автор, можно проследить, что образ старшего брата писателя наполнен противоречиями, так, например, Рафа, который питал демонстративную неприязнь к гаитянским мигрантам (доказательство этому мы могли наблюдать выше), проводил много времени с девушкой гаитянского происхождения: “There was a girl he’d gone to see, half-Haitian but he ended up with her sister.” Вместе с тем, братские отношения также довольно парадоксальны и двойственны: “In the *Capital* Rafa and I fought so much that our

neighbors took to smashing broomsticks over us to break it up, but in the *campo* it wasn't like that. In the *campo* we were friends”.

Однажды Рафа и Юниор, заинтересовавшись причинами ношения маски одного из соседей (в честь которого и назван рассказ), решили отправиться на его поиски, чтобы разгадать мучавший их детское воображение секрет. Братья мало времени проводили вместе, поскольку Рафа был старше и предпочитал компанию ровесников Юниору. Тот день особенно запомнился писателю, так как для него это предположительно было одним из редких летних приключений в деревне: “I didn't mind these summers, wouldn't forget them the way Rafa would”. В тот день, согласно плану ребят, им нужно было на автобусе добраться в определенную часть сельской местности. Диаз вспоминает, что это был первый раз, когда старший брат взял его с собой на прогулку, поэтому эта часть поездки ассоциируется у него исключительно с положительными эмоциями: “I kept expecting Rafa to send me home and the more we went the more excited I became...I put my hands over my mouth to stop from laughing”. Мы считаем важным отметить этот позитивный момент, так как всесторонне проанализировав содержимое книги, мы можем заметить, что в каждом рассказе Диаза отводится место для описания безрадостных событий и печальных историй, впоследствии сформировавших у него невроз. В связи с тем, что у братьев не было денег на проезд, Рафа решил заработать прямо в автобусе, помогая другим пассажирам с вещами, чтобы на заработанные средства заплатить как за себя, так и за брата. Подробно характеризуя обстановку в автобусе, автор обращает внимание на песню, которая играла в салоне у водителя: “*La chica de la novela* was still on the charts...They play that *vaina* a hundred times a day”. Пока старший брат разбирался с тем, как оплатить проезд и ругался с контроллером, который не поверил, что дети могли самостоятельно оплатить проезд и устроил скандал, Юниор подвергся сексуализированному насилию, после чего братьев заставили выйти на ближайшей остановке. Далее между ними начинается перепалка, обусловленная тем, что главный герой пережил стрессовую ситуацию и был

сильно расстроен тем, что их выгнали из автобуса с криками. Здесь автор впервые упоминает Бога и свое отношение к религии: “I wouldn’t have raised my head if God himself had appeared in the sky and pissed down on us”. В ответ на такую реакцию Рафа переходит к более серьезной теме, являющейся болевой точкой всей их семьи: “Do you think our *papi*’s crying? Do you think that’s what he’s been doing the last six years?” (речь идет о том, что глава семьи де лас Касас несколько лет назад уехал на заработки в США и с тех пор не вернулся).

Спустя некоторое время ребята, наконец, достигают своей цели и встречают мальчика по имени Израэль (Ysrael). Писатель обращает внимание на то, что Израэль был одет по-особому, не как обычный доминиканец: “his clothes were NorthAmerican”, при этом в руках у него был купленный вне Доминиканской Республики воздушный змей (“it had been manufactured abroad”). Сосед поделился тем, что получает подарки от главы семьи из Нью-Йорка. Во время диалога ребята неосознанно сравнивают своих отцов-эмигрантов не в пользу главы семьи де лас Касас: “our father only sent us letters and an occasional shirt or pair of jeans at Christmas”. В ходе разговора также раскрывается секрет ношения маски Израэлем – он болен и вскоре отправляется в США на операцию, из-за которой он не переживает, поскольку оперировать его будут американские врачи: “These are American doctors”. Далее Юниор и Израэль, найдя общие точки соприкосновения, продолжают разговор о Соединенных Штатах, но оба владеют ограниченным количеством информации:

- Do they have wrestling in the States?
- I hope so.
- Are you a wrestler?
- I’m a great wrestler. I almost went to fight in the *Capital*.

В данных репликах мы можем наблюдать отсылку к тому, что Санто Доминго, столица Доминиканской Республики, в ментальном пространстве подрастающего поколения при определенно выстроенной категоризации

действительности (один из родителей является мигрантом) может выдержать сравнение с США. Это можно объяснить, с одной стороны, патриотизмом, присущим доминиканцам, а с другой стороны, ограниченностью детского кругозора и юношеским максимализмом. Рассказ заканчивается тем, что братья силой вынуждают соседа снять маску, ужасаются от увиденного, а затем молча возвращаются на автобусную остановку.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Colmado – небольшой магазин или лавка (8)
2. Mami – уменьшительно-ласкательное обращение к матери (2)
3. Barbacoa – барбекю, еда, приготовленная на гриле (1)
4. Campo – деревня, сельская местность (7)
5. Barrio – район, также используется для обозначения местного сообщества (1)
6. Chinga – (обценная лексика) (2)
7. Tíos – дядя и тетя (1)
8. Tío (tio's) – дядя (8)
9. Jaivas – (jaibas) крабы (1)
10. Jurones – хорьки (1)
11. Capital – столица (6)
12. Tígueres – уличные хулиганы, молодые люди (1)
13. Chocha and toto – (обценная лексика) (2)
14. Pendejo – (обценная лексика), используется как оскорбление (2)
15. Señor – сеньор (1)
16. Pinga – (обценная лексика) (3)
17. La chica de la novela – название песни (1)
18. La muda – немая девушка (1)
19. El Cuco – прецедентное имя злого мифического персонажа (1)
20. La Vieja Calusa – прецедентное имя злого мифического персонажа (1)
21. Soño – (обценная лексика) (2)
22. Campesino – селянин, крестьянин (1)
23. Tía – тетя (3)
24. Ya – уже, сейчас (1)
25. Ponchera – миска, посуда для подачи блюд (1)
26. "El Nacional" – название газеты (1)
27. Pastelito(s) – маленький пирог с начинкой (4)
28. Chicharrón – жареное свиное мясо (1)
29. Cobrador – кондуктор, контролер в транспорте (8)
30. Vaina – вещь, проблема. Разговорное слово, используемое в разных контекстах, часто как замена для слова "вещь" (1)

31. Pato – (обсценная лексика), в отдельных латиноамериканских странах, включая Доминиканскую Республику используется как оскорбление (2)
32. Papi – уменьшительно-ласкательное обращение к отцу (1)
33. Hermanito – младший брат (уменьшительно-ласкательная форма) (1)
34. Nueva York – Нью-Йорк (1)
35. Guardia – сотрудник полиции или охраны (1)

“Fiesta, 1980”

Данный рассказ посвящен тому временному отрезку жизни автора, когда большая часть его семьи (включая тетю и дядю) смогла эмигрировать в Соединенные Штаты Америки. В тот день они отмечали новоселье младшей сестры матери Диаса в Бронксе. Обстановку перед началом празднования и сбором гостей писатель передает следующим образом: “*Papi* came back from work around six...We all were dressed by then...”, “*Mami* looked really nice that day”, “He didn’t say nothing to nobody, not even my moms. He just pushed past her...and headed right into the shower”. По этим фразам мы можем предположить, что отношения между супругами не отличались теплотой, дальнейшие слова автора подтверждают наши догадки. Свои измены Рамон (Ramón), глава семьи, скрывал только от своей жены, поэтому, когда он возвращался с работы в определенном расположении духа и по обыкновению шел в душ, дети не задавали лишних вопросов: “We both knew *Papi* had been with that Puerto Rican woman he was seeing and wanted to wash off the evidence quick”.

Подробная характеристика линии поведения и внешности матери писателя обнаруживается на протяжении всей книги. Согласно некоторым источникам, сборник рассказов посвящен именно ей [Quotes from book *Drown* (Junot Díaz)]. Имя Вирта (Virta), (Virtudes Díaz — полное имя матери автора) [там же] действительно упоминается в одном из рассказов при разговоре дедушки и отца автора, касающемся супружеских взаимоотношений. Значительную часть анализируемого рассказа занимает описание того, как выглядела и чувствовала себя Виртудес. Так, автор отмечает, что “The United States had finally put some meat on her”, “she was no longer the same *flaca* who

had arrived here three years before”, благодаря чему мы можем сделать вывод о том, что «американская мечта» простой доминиканской семьи мигрантов в определенной степени все же осуществилась, так как в определенный временной отрезок их финансовое положение значительно улучшилось. Однако домашняя обстановка и родственные взаимоотношения оставляли желать лучшего: “Mami seemed anxious, in her usual dispassionate way...she seemed ready to just get it over with”. Автор не дает пояснений, из-за чего именно начала нервничать его мать, так как об изменах мужа она могла только догадываться. Переживания матери также передались старшему сыну: “Rafa didn’t much want to go to no party either”. В этой связи Юниор делает акцент на том, что ему не нравилось никуда ходить вместе со своей семьей (“I never wanted to go anywhere with my family”), что можно объяснить тем, что и отец, и Рафа проявляли по отношению к нему жестокость, например, “he punched me” (про старшего брата), “when I was in trouble he didn’t know me” (про старшего брата), “Papi was going to smack me”, что, в свою очередь, отнюдь не способствовало налаживанию атмосферы в доме. Далее писатель предлагает вниманию читателя сцену родительских разногласий по поводу того, что мать покормила детей перед поездкой в Бронкс, хотя была осведомлена о том, что младшего из них всегда укачивает в машине. Автор детально описывает ссору и сопровождает ее диалогами, в которых фигурирует несколько эмоционально и культурно-окрашенных лексем, например, таких как “*ay, Dios mio*” или “*soño, muchacho*”. Предполагаем, что подобные столкновения в семье случались периодически, так как Юниор равным образом описывает раздражающий его типичный паттерн поведения старшего брата (“moving out of the way every time”), когда отец был рассержен и собирался его наказать. Анализируя представленный эпизод можно также проследить тесную эмоциональную связь автора с матерью, поскольку он оправдывает ее забывчивость тем, что у нее много других забот: “You couldn’t blame Mami really, she had been busy – cooking, getting ready, dressing my sister...”, и признается, что мог бы напомнить ей об этом, но не стал. В свою очередь,

Виртудес также защищает мальчика перед отцом, отрицая его вину: “*Ya, Ramón, ya. It’s not his fault*”.

Перейдем к характеристике отца Диаза. Он, если ориентироваться на воспоминания автора, был человеком строгих правил, с неприветливым выражением лица: “he had...a surly closed-mouth expression, like maybe he’d scalded his tongue or something”. Кроме того, можно сказать, что отцовская фигура в данном случае выступает для молодого автора в качестве ложного авторитета, в связи с тем, что он основывался прежде всего на демонстрации силы и подавлении: “*Papi was old-fashioned; he expected your undivided attention when you were getting your ass whupped. You couldn’t look him in the eye either - that wasn’t allowed*”. Об этом негласном правиле знали все члены семьи, однако, по словам автора, его сестра Мадай (Madai) была наиболее чувствительна к подобного рода обращению, поскольку властный и моментами деспотичный отец всегда присутствовал в ее жизни. Сестра Диаза, в отличие от других его родственников, на протяжении книги практически не упоминается. Данный рассказ является единственным, где мы обнаруживаем столько деталей, касающихся Мадай. Так, например, писатель отмечает, что каждый раз, когда Рамон повышал голос, у нее наблюдалось такое психогенное состояние как подергивание губ: “her lip would start trembling, like some specialized tuning fork”. Во время вышеупомянутого семейного конфликта девочка в очередной раз была объята страхом: “Madai was too scared to open her eyes”. В том, что касается собственных взаимоотношений с отцом, автор говорит: “I was the one who was always in trouble with my dad. It was like my God-given duty to piss him off, to do everything the way he hated”. Принимая во внимание тот факт, что важная часть биографии писателя сопряжена с тем, что его отец на несколько лет выпадал из жизни семьи, оставаясь в памяти сыновей лишь воспоминанием, запечатленным на старых фотографиях, следует отметить, что у Юниора сформировалась необычная привязанность к нему, которую сам автор позднее поставит под сомнение: “Our fights didn’t bother me too much. I still wanted him to love me, something that never seemed

strange or contradictory until years later, when he was out of our lives”. Забегая вперед обратим внимание на то, что глубокая незримая связь и привязанность являлась обоюдной. В самом последнем рассказе сборника (см. рассказ “Negocios”), Рамон часто путал имена своих детей от второго брака, а также подчеркивал их сильное сходство с его младшим сыном от первого брака, иначе говоря, с автором.

Вернемся к рассказу “Fiesta, 1980”, семейная ссора закончилась всеобщим молчанием, однако перед выходом из дома проводился своеобразный религиозный ритуал, принятый в семье автора и являющийся репрезентацией лингвоментального латиноамериканского кода. Так, Виртудес, обойдя и перекрестив каждого из членов семьи, благословила всех на дорогу: “*Mami* was crossing each one of us, solemnly, like we were heading off to war. We said, in turn, *Bendición, Mami*, and she poked us in our five cardinal spots while saying, *Que Dios te bendiga*”. Считается, что любой ритуал или обряд имеет силу, когда ему придается особое символическое значение и когда человек, который его осуществляет, верит в то, что установленный порядок совершения чего-либо, принесет определенный результат. Вера в Бога – ключевой компонент латиноамериканской культурной и религиозной традиции, основа их вневременных ценностных установок, которые передаются из поколения в поколение и не теряют своей актуальности [Говорова, 2023]. Автор отмечает, что проведение данного ритуала было обязательным и неукоснительно сопровождало их во всех поездках: “This was how all our trips began, the words that followed me every time I left the house”. Отметим, что семья де лас Касас уже несколько лет жила в США, где для большинства нерелигиозных семей процесс выхода из дома не наделен символическим смыслом, однако для типичной латиноамериканской семьи подобные обряды не только представляют собой совокупность действий, запечатленных в культуре и бытовых традициях, но и являются своего рода необходимостью, поскольку получение благословения для них укладывается в общую концепцию понимания мира и структуры жизни.

Далее автор продолжает в деталях рассказывать о том, как они добирались до Бронкса. В первую очередь, Юниор указывает на то, что его отец владел дорогостоящей машиной (“brand-new, lime-green and bought to impress”) и гордился этим. Этот факт можно считать важным шагом на пути к «американской мечте», поскольку подобного рода демонстрация материального благосостояния со стороны мигрантов не только означает их вовлеченность в общественную жизнь принимающего социума, но и переход на более высокую ступень социальной и/или карьерной лестницы в социокультурном пространстве чужой страны. Тем не менее, мать Джуно Диаза, даже прожив несколько лет в США, с подозрением относилась «ко всему американскому (“In her mind, American things — appliances, mouthwash, funny-looking upholstery — all seemed to have an intrinsic badness about them”), поэтому продолжала обращаться к привычным латиноамериканским лекарственным препаратам, которые она давала детям при необходимости. Так произошло и в этот раз: Виртудес предложила младшему сыну листья мяты, известное народное средство в Латинской Америке, помогающее облегчить укачивание в транспорте и избавиться от тошноты. В этом контексте можно отметить, что «национальная основа» культурного развития покоится на фундаменте преемственности, традиций в культуре, которые обеспечивают ей устойчивость, стабильность, несмотря на самые бурные социальные события...» [Воробьев, 1997: 15]. Вместе с тем, писатель обращает наше внимание на то, что его мать неизменно соблюдала определенные ритуалы и выполняла закреплённые в коллективной традиции символические действия, что бы ни случилось: “*Mami* handed me four mentas. She had thrown three out her window at the beginning of our trip, an offering to *Eshú...*”. Эшу, согласно африканской мифологии, был богом удачи, случайностей и непредсказуемости, который передавал послания и приносил жертвы от людей верховному существу и небесному богу Олоруну [Wiki Mitilogía]. Кроме того, считается, что Эшу должен был получать подношение в начале каждого ритуала, иначе этот ритуал не удавался [там же].

Предположительно, подобные знания о старинных поверьях и необходимость сопровождения ими собственных действий были привиты матери автора ее предками, которые придерживались подобных мистических представлений об отношениях между явлениями окружающего мира и судьбой человека.

Указывая на свое плохое самочувствие во время поездки в машине и описывая проявления заботы со стороны матери, автор также не упускает возможности вновь подчеркнуть излишнюю строгость безмолвного отца: “He had this one look, furious and sharp, that always left me feeling bruised”. Впрочем, для более адекватного представления читателю образа отца Диаза уточняет, что спустя некоторое время в дороге глава семьи все же поинтересовался у Виртудес его состоянием, затем постепенно расслабился и даже начал шутить. В хорошем расположении духа Рамон бывал нечасто, стало быть, писателю особенно запомнился этот момент, поэтому он делится с читателем своими размышлениями по этому поводу: “Maybe he was thinking about that Puerto Rican woman or maybe he was just happy that we were all together. I could never tell”. Далее Юниор делится историей о том, когда он впервые почувствовал себя плохо в дорогом фольксвагене отца, как его внезапно застал приступ тошноты, о том, как впоследствии это переросло в привычку, так как автор не мог выносить запаха обивки машины, а также о том, как это выводило его отца из себя. От последствий произошедшего инцидента Рамон избавлялся самостоятельно, с недовольным видом: “...an expression of *askho* on his face”. Остановимся более подробно на лексеме *askho*, одной из 52 лексических единиц и выражений, используемых в тексте, которые Диаз посчитал значимыми и представил в глоссарии. Прежде всего, обратим внимание на выбранный автором способ ее написания – *askho*, отличный от корректного написания (*asco*). Вполне возможно, что писатель обращается к фонетическим средствам выразительности, чтобы передать читателю специфику произношения доминиканского национального варианта испанского языка. Автор уже прибегал к похожему приему со словом *Capital*, как мы отмечали ранее, таким образом отражая аутентичность персонажей и/или своеобразие

культурной среды. Вернемся к рассказу: инцидент повторился вновь, глава семьи снова был в ярости, поскольку ему в очередной раз пришлось отмывать салон машины: “He was pissed...he jammed his finger into my cheek, a nice solid thrust”. В свое оправдание главный герой отмечает, что подобных проблем со здоровьем у него раньше не было, поскольку у него всегда был хороший иммунитет благодаря жизни в стране третьего мира (Доминиканской Республике): “I was famous for my steel-lined stomach. A third-world childhood could give you that”. В свою очередь, мать мальчика, чтобы облегчить его состояние вновь обратилась к народной медицине, известному традиционному доминиканскому средству, отвару из смеси меда и лука, после чего Юниор почувствовал себя лучше: “one of her honey-and-onion concoctions and that made my stomach feel better”. Этот пример в очередной раз доказывает, что культура, в рамках которой рос и воспитывался индивид накладывает глубокий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, а также отражается на особенностях его жизнедеятельности и мироощущении. Так, несмотря на то, что семья де лас Касас имела возможность приобрести иностранные медикаменты, Виртудес относится к ним предвзято (как и ко всему американскому, как мы могли наблюдать выше) и неизменно опирается на усвоенные культурные установки, передаваемые из поколения в поколение и влияющие на понимание нормы, невзирая на то, что отдельные явления материальной культуры североамериканского общества могли бы значительно ускорить процесс социокультурной адаптации ее семьи. Исходя из этого можно прийти к заключению о том, что Виртудес целенаправленно старалась сохранить и привить своим детям народные и бытовые традиции, выступающие в качестве неотъемлемой части культурной идентичности доминиканцев.

В качестве лирического отступления автор делится с читателем историей о том, когда написал эссе по литературе под названием «Мой отец мучитель» (“My Father the Torturer”), но учитель подумала, что он шутит и заставила его переписать сочинение. Предположим, что главного героя до такой степени переполняли негативные переживания, сопряженные с

отношениями с главой семьи, что он предпринял попытку представить их на всеобщее обозрение, однако она не увенчалась успехом. Тем не менее, Диаз все же нашел способ вынести свою историю за рамки своей семьи, так как она находит свое отражение и занимает центральное место в данном автобиографическом сборнике.

Далее автор снова возвращается к деталям поездки в Бронкс, подчеркивая тот факт, что после произошедшего члены семьи между собой не разговаривали, а также останавливается на эпизоде, когда ему пришлось выйти из машины, чтобы почистить зубы, в то время как его мать постоянно находилась рядом с ним, чтобы он не чувствовал себя одиноко “she stood outside with me so I wouldn’t feel alone”. Здесь мы можем отметить своего рода интуитивное противопоставление материнской и отцовской фигур, и то, как их методы воспитания повлияли на особенности формирования личности автора, особенности его самоидентификации и последующие реакции на всевозможные внешние стимулы. Когда семья достигает точки назначения, Диаз раскрывает нюансы встречи с братом матери и делится воспоминаниями о том, каким дядя остался в его памяти с последней встречи: “The last time I’d seen *Tío* was at the airport, his first day in the United States. I remembered how he hadn’t seemed all that troubled to be in another country”. Интересно замечание автора о том, что Мигель (Miguel), его дядя, в отличие от большинства эмигрантов, впервые прибывших в США, не выглядел встревоженным или потерянным, в отличие от его отца, детальный опыт эмиграции которого описан в рассказе “Negocios”. Мужчины (отец и дядя) обменялись традиционными доминиканскими приветствиями: “*Coño, contra’i, ¿cómo va todo?*” Здесь автор прибегает к художественному приему звукописи, делая акцент на протяженном произношении конечного звука [a] в обращении “*contra’i*”, тем самым передавая читателю звуковую оболочку языковой единицы, имитирующую фонетические особенности речи выходцев из Доминиканской Республики, которые служат их социальным и географическим идентификатором. Одной из основных тем для семейного

разговора мгновенно становятся грезы о Доминиканской Республике, сравнение отдельных аспектов жизни на острове и в Америке, а также уточнение автора в шуточной форме о том, когда они снова отправятся на родину: “So, *Mami*, I said. When do I get to go visit the D.R.?” Вместе с тем, старший брат автора, поддерживая шуточный тон беседы, которая происходила на испанском языке, намеренно добавил язвительный комментарий на английском языке, чтобы взрослые, уровень владения иностранным языком которых был значительно ниже, не смогли вникнуть в суть сказанного. Здесь можно наблюдать пример того, как у детей мигрантов в новой социокультурной реальности постепенно размываются привычные основы существования и происходит ускоренное расширение границ восприятия под влиянием различных факторов, равно как и формируется пограничная лингвокультурная идентичность, так как они параллельно так или иначе продолжают опираться на опыт прошлого.

В оформлении дома дяди и тети Юниора, по словам автора, преобладал доминиканский стиль: “...the place had been furnished in Contemporary Dominican Tacky... *Tío* and *Tía* had taken it to another level”. Подобранный интерьер является иллюстрацией того, как эмигранты пытаются воссоздать знакомую обстановку и окружить себя культурно-обусловленными атрибутами, имеющими непосредственную связь с их идентичностью и приближающими их к родной культуре. Приверженность доминиканской культуре находит свое отражение и в пищевых привычках семьи: “*Mami* and *Tía* were frying *tostones* and the last of the *pastelitos*”. Тостонес – элемент карибской национальной кухни, состоящий из жаренных ломтиков бананов [Livejournal, 2014], а пастелитос – особые пирожки с пикантным вкусом [17 Dominican Foods You Need to Try]. В этой связи следует подчеркнуть, что «национальные кухни испаноязычных стран, их метаязык, коммуникативная значимость и языковая символика образуют целостный фрагмент картины мира испаноговорящих народов...» [Чеснокова, 2021: 76], вследствие чего гастрономическая лексика обнаруживается в каждом рассказе сборника. Далее

автор рассказывает, что во время праздника в честь новоселья дети играли в гостиную, пока взрослые находились на кухне, а также делится своими умозаключениями относительно родителей, вновь подчеркивая контраст их характеров, привычек и особенностей взаимодействия: “In the kitchen I could hear my parents slipping into their usual modes. *Papi*’s voice was loud and argumentative...And *Mami*, you had to put cups to your ears to hear hers”.

Оставшуюся часть рассказа Диаз посвятил взаимоотношениям с отцом, историям его измен и отдельным событиям, которые оставили яркие воспоминания в памяти писателя. Взаимодействие Рамона и Юниора ограничивалось поездками на машине по соседним кварталам, однако у главного героя эти поездки вызывали душевный подъем и особый энтузиазм, несмотря ни на что: “...I looked forward to our trips, even though at the end of each one I’d be sick. These were the only times me and *Papi* did anything together”.

Перед каждой поездкой Виртудес проводила упомянутый выше ритуал благословения на дорогу, а также давала сыну с собой листья мяты, чтобы предотвратить свойственное ему укачивание. Писатель отмечает, что глава семьи становился добрее только когда они оставались наедине: “When we were alone he treated me much better, like maybe I was his son or something”, при этом гиперболизируя тот факт, что в такие моменты их общение, наконец, становилось похоже на взаимодействие отца и сына. В одну из таких поездок Рамон отвез Юниора в дом к женщине пуэрториканского происхождения, глаза которой автор запомнил, как «самые острые и самые черные глаза из всех» (“the sharpest blackest eyes you’ve ever seen”). В контексте описания домашней обстановки пуэрториканки Диаз также обращает внимание на отдельные паттерны поведения главы семьи, который не изменял своим привычкам: “*Papi* was a voracious reader, couldn’t even go cheating without a paperback in his pocket”. В гостях у незнакомки Юниор испытывал смешанные чувства: “I was too scared of what was happening... I just sat there, ashamed, expecting something big and fiery to crash down on our heads”. Писатель также указывает на тот факт, что женщина была осведомлена о многих деталях из

жизни его отца: она была в курсе того, что Рамон был женат, знала имена его детей, и пришла к заключению о том, что Юниор был самым умным ребенком (предположительно, основываясь на словах самого Рамона) и предложила главному герою ознакомиться с ее книгами. Тем не менее, мальчику это пришлось не по душе, поскольку он, взглянув на книги, мгновенно распознал, что они принадлежали его отцу: “They weren’t hers. I recognized them as ones my father must have left in her house”. Отец, будучи свидетелем негодования сына, предложил ему просто посмотреть телевизор. Через час Рамон спустился к Юниору на первый этаж и коротко сказал, что они уезжают.

Далее писатель снова возвращается к описанию семейного торжества и упоминает любопытный факт о том, что после того, как мать и тетья автора приготовили еду и разложили ее на столе, их поблагодарили только дети, таким образом указывая на острую проблему проявления мачизма, существующую в доминиканском обществе: “...like always nobody but the kids thanked them. It must be some Dominican tradition or something”. Основываясь на том, насколько подробно Диаз описывает праздничный стол, можно заключить, что автор является поклонником доминиканской кухни и настоящим гурманом. Затем разворачивается следующая сцена: отец забирает у Юниора тарелку, запрещая ему есть, на вопрос тети о причинах такого решения, Рамон коротко отвечает “because I said so”, что мы также можем расценить как проявления мачизма. Однако здесь следует пояснить, что глава семьи запрещал сыну есть из-за того, что знал, что Юниора укачает по дороге домой и ему снова придется чистить салон машины. Безусловно, мужчина мог бы выбрать более благожелательные методы воспитания и самовыражения, но он, как мы уже имели возможность наблюдать выше, предпочитал решать вопросы при помощи физической силы:

— If you eat anything, I’m going to beat you. ¿*Entiendes?*

— And if your brother gives you any food, I’ll beat him too. Right here in front of everybody. ¿*Entiendes?*

Открытые проявления агрессии со стороны главы семьи вызывали сильную эмоциональную реакцию мальчика, вместе с тем, подобные запреты отца выводили Юниора из себя: “I wanted to kill him and he must have sensed it because he gave my head a little shove”. Так, в душе ребенка сильная привязанность к отцу граничила с глубоко подавленной ненавистью к нему же. Кроме того, при описании этой сцены упоминается музыка, сопровождающая праздничный вечер (“...the radio was playing loud-ass *bachatas*”) и судя по выбору Диазом языковых выражений, в тот момент громкая бачата (которая, как известно, зародилась в Доминиканской Республике и является важной частью доминиканского фольклора и идентичности) вызывала его раздражение, так как его лишили возможности насладиться любимым доминиканским обедом, переходящим в ужин. Спустя некоторое время сестра матери Юниора попросила мальчика помочь ей, отвела его на лестницу и в тайне от всех угостила его тремя пирожками (*pastelitos*), которые он обожал. Диаз обращает внимание на то, что даже на лестнице был слышен шум семейного празднования (“all the way down on the first floor and we could still hear the music and the adults and the television”), поскольку доминиканцы, как и все носители испанского языка, славятся своей эмоциональностью и любовью к громкой музыке. Юниор сравнивает внешность и характер тети и матери, и приходит к выводу о том, что единственное значительное отличие было в том, что его мать редко улыбалась: “*Tía* smiled a lot and that was what set them apart the most”. Затем сестра Виртудес завела с главным героем разговор о том, как обстоят дела в их семье: “Are you kids OK? Is your mom all right? Have there been lots of fights?”. Можно предположить, что женщина проявила открытое беспокойство, так как знала не только о строгих методах воспитания Рамона, но и об его изменах. Автор предпочел не делиться информацией в силу причин, в которых он и сам был не уверен: “I loved my *tía*, but something told me to keep my mouth shut. Maybe it was family loyalty, maybe I just wanted to protect *Mami* or I was afraid that *Papi* would find out...”. После этого эпизода писатель вновь переключается на

супружескую неверность главы семьи и отношение братьев к этому: “we still acted like nothing was out of the ordinary”, “the affair was like a hole in our living room floor, one we’d gotten so used to circumnavigating that we sometimes forgot it was there”. Очевидно, что ограниченные в действиях юные Рафа и Юниор, которых отец продолжал возить с собой в дом к пуэрториканке, предпочли делать вид, что никакой проблемы не существует. Далее Диаз вновь возвращается к происходящему на торжестве, где ближе к полуночи все взрослые танцевали и выпивали, не забывая о своих корнях: “I saw about twenty moms and dads dancing and drinking beers. Every now and then somebody yelled, ¡*Quisqueya!* And then everybody else would yell and stomp their feet”. Выкрики, о которых пишет автор, были обращены в небо и связаны с историческим наименованием их родины, так как *Quisqueya* - индейское название Доминиканской Республики [Alianza latinoamericana de fondos de agua].

Описывая семейные взаимоотношения, автор сравнивает ссоры, происходящие в его доме, с тем, как ведут себя другие семьи при конфликтах: “We weren’t even theatrical or straight crazy like other families. We fought like sixth-graders, without any real dignity”. Вместе с тем, Диаз говорит о том, что каждый раз подобные семейные вечера и другие семейные выходы заканчиваются для них громкими ссорами и обвинениями. В ночь празднования новоселья главный герой в очередной раз готовил себя к тому, что между родителями произойдет недопонимание (“I guess the whole night I’d been waiting for a blowup, something between *Papi* and *Mami*”), и размышлял о том, каким образом Виртудес будет обвинять мужа в неверности на глазах у всех. В этой связи можно предположить, что Юниор считал главу семьи виноватым и искренне желал, чтобы мать узнала об его изменах и предприняла какие-то действия, чтобы эта ситуация разрешилась, несмотря на то, что оба сына вели себя так, будто предательство отца их никак не задевало: “This was how I always figured *Papi* would be exposed, out in public, where everybody would know”. Тем не менее, выяснения отношений не произошло, более того, Диаз

отмечает, что, к его удивлению, все было спокойнее: “everything was calmer than usual”. Далее писатель делится с читателем своими наблюдениями за взаимодействием родителей и размышлениями о том, какой была его мать до встречи с отцом, и, несмотря на то, что Юниор многое помнил о том периоде времени, когда они жили без главы семьи, он отмечает, что тот незримым образом всегда оставался рядом: “Picturing her alone wasn’t easy. It seemed like *Papi* had always been with her, even when we were waiting in *Santo Domingo* for him to send for us”.

Единственное сохранившееся фото Виртудес в молодости, где она выделялась среди толпы своей скромной улыбкой (“even in a crowd she stands out, smiling quietly like maybe she’s the one everybody’s celebrating”), главный герой обнаружил несколько лет назад в миграционных документах матери. Рассмотрев каждую деталь фотографии, писатель приходит к пессимистическому выводу (“This was the woman my father met a year later on the *Malecón*, the woman *Mami* thought she’d always be”), поскольку он нашел очередное подтверждение тому, что после встречи с отцом Виртудес стала намного реже улыбаться. В этот момент женщина обратила внимание на изучающего ее сына и впервые за вечер улыбнулась: “*Mami* must have caught me studying her because she stopped what she was doing and gave me a smile, maybe her first one of the night”. Под конец семейного торжества мать похвалила мальчика за хорошее поведение, вместе с тем, все, кроме Рамона, который ушел заводить машину, начали прощаться традиционным доминиканским способом – поцелуями в щеку. Семейную идиллию прервал охваченный яростью, внезапно вернувшийся глава семьи, раздраженный долгим прощанием родственников, и потребовал их спуститься: “then *Papi* burst in and told us to get the hell downstairs before some *pendejo* cop gave him a ticket”. Затем автор снова возвращается к мыслям о пуэрториканке и отмечает, что, невзирая на то, что он не помнит особенных модификаций в своем поведении после того, как узнал о неверности отца, его мать заметила изменения и стала задавать вопросы: “*Mami* only asked me questions when she

thought something was wrong in my life”. Виртудес предприняла несколько попыток, прежде чем разговор, наконец, состоялся. В тот день, по словам Юниора, они с матерью были наедине и были вынуждены слушать, как их соседи ругают своих детей: “Our upstairs neighbors were beating the crap out of their kids, and me and her had been listening to it all afternoon”. Главный герой не был готов открыто поделиться тем, что его тревожит, поэтому женщина предположила, что сын страдает из-за конфликтов с братом. В этой связи Диаз размышляет о том, что последнее возникшее между братьями недопонимание было связано как раз-таки с наболевшей темой: Рафа поделился тем, что отец уже несколько раз возил его в дом к пуэрториканке, в свою очередь, Юниор был возмущен тем, что брат не сообщил ему об этом раньше. Однако причину своих переживаний мальчик все же решил оставить при себе, сославшись на проблемы в школе, после чего долгое время задавался вопросом, что могло бы случиться, если бы он тогда рассказал матери правду: “She watched me, very very closely. Later I would think, maybe if I had told her, she would have confronted him, would have done something, but who can know these things?”.

Рассказ заканчивается описанием дороги домой: в то время как Рафа и Мадай спали, Юниор всматривался в лица родителей в темноте. Предполагаем, что автор продолжал анализировать их отношения и чувства к другу другу: “In the darkness, I saw that *Papi* had a hand on *Mami*’s knee and that the two of them were quiet and still... Neither of them moved...”, до тех пор, пока его повторно не укачало в машине, после чего он обратился к матери: “Finally I said, *Mami*, and they both looked back, already knowing what was happening”.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Mami(’s) – уменьшительно-ласкательное обращение к матери (52)
2. Tía(’s) – тетя (20)
3. Tío(’s) – дядя (13)
4. Papi(’s) – уменьшительно-ласкательное обращение к отцу (60)
5. Соño – (обценная лексика) (2)
6. Ау – выражение удивления, боли или другого сильного чувства (2)

7. Platanos – разновидность бананов, часто используемых в рецептах карибской кухни. бананы или плантаны (1)
8. ya – уже, сейчас (2)
9. Bendición – благословение (1). Может использоваться в качестве приветствия, в частности, в доминиканской культуре при общении со старшими
10. Dios mío – "Боже мой!" (2)
11. Que Dios te bendiga – "Благослови Бог" (2)
12. Mentas – мята (2)
13. ¿Cómo te sientes? – Как ты себя чувствуешь?" (1)
14. Toma – повелительное наклонение от глагола *tomar* (брать, пить) (1)
15. Eshú – согласно африканской мифологии, бог удачи, случайностей и непредсказуемости (1)
16. Carajo – (обценная лексика) (1)
17. Presidente – глава государства (1)
18. Guapo – красивый, привлекательный (1)
19. Compa'i – сокращение от *compadre*, используется как обращение к другу или близкому человеку (2)
20. Tostones – жареные зеленые бананы, популярное блюдо карибской кухни (2)
21. Tíos – дядя и тетя (1)
22. Pernil – свинина, обычно запеченная, популярное блюдо латиноамериканской кухни (1)
23. Chicharrones – особым образом приготовленная жареная свинина (1)
24. Sancocho – густой суп или рагу, популярное блюдо карибской кухни (1)
25. Yuca – маниока, корнеплод, часто используемый в рецептах карибской кухни (1)
26. Askho – отвращение (1)
27. Bachatas – музыкальный и танцевальный жанр, популярный в Доминиканской Республике (1)
28. ¿Entiendes? – понимаешь? (2)
29. Pastelito(s) – маленький пирог с начинкой (4)
30. Quisqueya – индейское название Доминиканской Республики (1)
31. Sucia – грязная женщина, распутница (1)
32. Pendejo – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
33. Santo Domingo – столица Доминиканской Республики (2)
34. Malecón – набережная (1)

“Aurora”

Рассказ “Aurora”, названный в честь девушки, с которой в юношеские годы проводил время автор, посвящен их отношениям. История начинается с того, как уже повзрослевший Юниор вместе со своим знакомым по имени Кат (Cut) отправляются в другую часть города за табаком, где они встречают перуанца, предлагающего им попробовать особый каннабис. Примечательно, что автор делает акцент на национальной принадлежности молодого человека,

поскольку известно, что проблема нелегального распространения наркотиков в США часто ставится в вину именно латиноамериканским маргиналам. Далее Юниор и Кат возвращаются домой, где бесцельно проводят несколько часов смотря телевизор под действием каннабиса. В ожидании появления Авроры автор рассказывает о том, что они с девушкой имеют возможность видеться раз в неделю по пятницам, а еще делится тем, что Кат выступал против их отношений: “He’s not a fan of Aurora, never gives me the messages she leaves with him”. Принимая во внимание стиль жизни, который вел Диаз в те годы, а также совокупность сформированных паттернов его поведения и детских травм, можно предположить, что взаимоотношения между молодыми людьми не были здоровым. В ответ на немой вопрос читателя о том, где живут Юниор и Кат автор дает следующую информацию: “A few months ago Cut broke the lock to this place and now the utility room’s ours, like an extension, an office”, так, молодые люди, без образования, официальной работы и средств к существованию взломали замок в заброшенном подсобном помещении, условия в котором не были пригодны для жизни и добровольно проводили там большую часть своего времени. Таким образом, автор без прикрас уже с первых строк демонстрирует читателю свое социальное положение на тот момент.

Для описания Авроры Диаз выбирает два основных факта – она очень худая и она провела шесть месяцев в колонии для несовершеннолетних: “She’s skinny — six months out of juvie and she’s skinny like a twelve-year-old”. Общение между Юниором и Авророй лишено душевной теплоты и открытого проявления каких-либо чувств с обеих сторон, поэтому судить о глубине чувств автора к девушке сложно. Диаз также говорит о том, что она живет не по средствам, предположительно, у нее, как и у молодых людей, нет официальной работы, поэтому можно утверждать, что они принадлежат к одному социальному классу: “She’s living out of her bag again, on cigarettes and dirty clothes”. Кроме того, у влюбленных было еще одно сходство – они оба владели испанским языком. Стремление быть среди «своих», к которому

равным образом относится желание окружать себя носителями родного языка, по нашему мнению, помогает мигрантам ослабить внутренний душевный конфликт, обусловленный их пограничной лингвокультурной идентичностью.

Обсуждение парой того, что случилось за то время, пока они не виделись, происходит в форме следующего короткого диалога:

— Where you been? I ask. Haven't seen you around.

— You know me. *Yo ando más que un perro.*

Диаз никак не комментирует ни первое знакомство с Авророй, ни происхождение девушки, поэтому читатель может только догадываться о том, откуда у нее знания испанского языка. Следующее утро начинается со звуков сальсы, которую включил Кат: “When Cut puts *his* salsa on the next morning, I wake up, alone, the blood doing jumping jacks in my head”. Учитывая тот факт, что автор акцентирует внимание читателя на том, что он «включил свою сальсу» (puts *his* salsa), можно заключить, что Кат тоже был латиноамериканцем, что подтверждает представленную выше идею о потребности так или иначе быть ближе к своим корням. После совместно проведенной с Авророй ночи Юниор размышляет о том, что есть некоторые вещи, которые не идут ему на пользу, тем не менее, он не дает конкретных примеров, поэтому можно предположить, что к таким вещам Диаз относит времяпрепровождение со своей девушкой, поскольку далее автор упоминает о том, что она незаметно ушла до его пробуждения, предварительно очистив содержимое его карманов.

Рассказ “Aurora” делится на семь частей, каждую из которых автор отделяет тематическими подзаголовками. Кратко освятим часть под названием “A WORKING DAY”. Здесь Диаз описывает их с Катом рабочий день: работа молодых людей состояла в распространении каннабиса в любое время дня и ночи. Клиентов, по словам автора, у них было немало, среди них были как взрослые, так и дети: “We don't have priests or *abuelas* or police officers on our lists. Just a lot of kids and some older folks who haven't had a job or a haircut since the last census”. Несовершеннолетними покупателями занимался сам

Юниор, поскольку, по его словам, он легко находил общий язык с детьми. Несмотря на то, что такого рода работа приносила стабильный доход, Диаз отмечает нервозность, присущую ему со школьных времен, из-за которой ему было проще работать на улице: “I’m edgy and don’t like to be inside too much. You should have seen me in school. *Olvidate.*” Нервозность автора, как и его поверхностное отношение к своему состоянию (*Olvidate*), мы можем связать с невротами, которые со временем развились у него из-за полученного им травмирующего опыта в прошлом.

Часть под названием “ONE OF OUR NIGHTS” посвящена описанию взаимодействия и типичного времяпрепровождения Юниора и Авроры. В первую очередь автор говорит о том, что конфликты в паре часто доходят до рукоприкладства, а также не скрывает от читателя своей неверности. По нашему мнению, сформированная структура взаимоотношений в паре обусловлена тем, что автор действует, подчиняясь подсознательным импульсам, фундамент которых был заложен в его детстве, когда он имел возможность наблюдать за моделью отношений родителей. В редкие моменты, когда молодые люди не находили поводов для ссор, они проводили время за просмотром телевизора, распивая алкоголь и обсуждая соседей. Здесь читатель впервые узнает отдельные детали внешности главного героя, который, как оказалось, носил очки, за которыми скрывались очень длинные ресницы, которым завидовала девятнадцатилетняя Аврора. Эта часть заканчивается тем, что, проснувшись утром, молодой человек обнаруживает у себя на подбородке кровь, причины появления которой ему неизвестны, а также осознает, что его девушка снова ушла, не попрощавшись: “I go into the sala, wanting her to be there but she’s gone again and I punch myself in the nose just to clear my head”.

Третья часть (“LOVE”) повествует о том, что влюбленные видятся всего несколько раз в месяц, и, кроме того, Диаз делится тем, какими были их отношения с Авророй до того, как ее отправили в колонию для несовершеннолетних: “We were tighter before she got sent to juvie, much tighter”.

Вопреки словам Юниора о том, что у них с Катом был стабильный заработок, мы можем прийти к выводу о том, что их совокупный нелегальный доход и маргинальный образ жизни периодически вынуждали их жить впроголодь. Кроме того, недостаток образования не давал молодым людям возможности для официального трудоустройства или построения карьеры, они не могли позволить себе приобрести или даже снять отдельное жилье, тем самым занимая определенное положение в социальной структуре американского общества, и, по нашему мнению, могут быть отнесены к люмпенам [Современный толковый словарь русского языка Ефремовой]. Это также подтверждается тем фактом, что в начале отношений Юниор и Аврора незаконно проникали в чужие дома, сдающиеся в аренду или выставленные на продажу: “We’d have these apartments for a couple of weeks, until the supers came to clean for the next tenants and then we’d come by and find the window fixed and the lock on the door”. Сравнивая то, какими были зарождающиеся между ними чувства и как изменилось их взаимодействие со временем, Диаз часто ностальгирует и мечтает о том, чтобы все стало как прежде: “On some nights... I want us to be like that again. I think I’m one of those guys who lives too much in the past”. Как можно заключить из последней фразы, автор относится к тем людям, которые склонны жить прошлым. Вероятно, раз за разом анализируя пережитое, он обнаруживает новые или более глубокие смыслы в том, что когда-то произошло.

Во время пребывания девушки в воспитательной колонии и после ее возвращения отношения между молодыми людьми, которые и так были далеки от идеала, ухудшились. Юниор говорит о том, что после освобождения у Авроры значительно обновился круг общения, но ее привычки и стиль жизни остались неизменными: “She still does the apartment thing but hangs out with a gang of crackheads, one of two girls there, sticks with this boy Harry”. Девушка больше не появлялась в подсобном помещении, куда незаконно заселились Юниор и Кат, и для того, чтобы ее увидеть, молодому человеку приходилось искать Аврору на улицах города. В дни, когда главному герою удавалось ее

найти, их редкие встречи были непродолжительны, поскольку за месяцы, проведенные в разлуке, молодые люди отвыкли друг от друга, их взаимные чувства ослабли, а приоритеты изменились. Автор обращает внимание на то, что их взаимодействие стало ограничиваться тем, что каждый из них стремился что-то получить от другого, так или иначе извлечь собственную выгоду, и, получив желаемое, они вновь расставались на неопределенный период времени. После подобных свиданий Юниор всегда чувствовал себя отвратительно и даже хотел проявить жестокость в адрес Авроры: “I’m amazed at how nasty I feel, how I want to put my fist in her face”, тем не менее, продолжал держаться за прошлое и тосковал по девушке, когда оставался наедине со своими мыслями.

Часть “CORNER” представляет собой смесь описания типичного праздничного вечера в так называемом доме Юниора и Ката, именуемом Диазом «уголок» (буквально описывающие площадь подсобного помещения), а также параллельное обращение автора к воспоминаниям о проведенных там днях с друзьями: “When I’m fifty this is how I’ll remember my friends: tired and yellow and drunk”. Дружеское времяпрепровождение компании молодых людей ограничивалось азартными играми и пустыми разговорами, которые сопровождались распитием спиртных напитков. Вместе с тем, им всегда приходилось быть настороже, опасаясь появления полицейских, чем в тот вечер и занимался Кат: “...but his eyes are always watching the road for cops...”. Ночью автор направляется на улицу, описывая окрестности района, места и ситуации, вызывающие яркие образы в его памяти: “Whole areas around the road are still black. Everything that catches in my headlights — the stack of old tires, signs, shacks — has a memory scratched onto it”. Главный герой оказывается в ресторане, где обменивается приветствиями на испанском со знакомой официанткой, которая отдает ему бесплатные гамбургеры, после чего он возвращается в «уголок», чтобы поделиться едой с друзьями. Несмотря на то, что жизнь Юниора в те годы зачастую находилась под угрозой, а само

повествование окрашено в темные тона, мы можем заключить, что детальные воспоминания юношеских лет автора очень дороги его сердцу.

Следующая часть “LUCERO”, самая короткая из всех, состоит из разговора Юниора и Авроры. Отрывок начинается с фразы девушки, которая была недоступна для понимания главному герою: “I would have named it after you, she said”. Автор делится с читателем попытками Авроры рассказать ему о чем-то важном, однако из-за того, что она не говорила напрямую он сильно раздражался, поскольку не понимал ее намеков и даже спустя время продолжал задаваться вопросом, почему девушка не смогла сразу рассказать ему правду. Далее Диаз отмечает, что этот диалог состоялся задолго до того, как он узнал о беременности Авроры.

В отрывке “I COULD SAVE YOU” читатель снова видит Юниора и Аврору вместе, она просит проводить ее до ее нового дома, который Диаз называет *Hacienda* (Асьенда), так как после возвращения из колонии она обосновалась там и больше не появлялась в «уголке» Ката и Юниора. В ответ на просьбу Авроры автор соглашается, но делится своими опасениями с читателем, поскольку его внутренний голос подсказывает, что ему не следует идти туда. Кроме того, Диаз отмечает, что местные полицейские были осведомлены о процветающей криминальной среде и преступных элементах в Асьенде, поэтому там можно было зачастую встретить работников правоохранительных органов: “The cops bust the Hacienda about twice a year, like it’s a holiday”. Так, мы можем прийти к выводу о том, что новое жилище Авроры являлось своего рода убежищем и местом сбора людей с низкой социальной ответственностью. Диаз также дает характеристику Асьенды: “...a house with orange tiles on the roof and yellow stucco on the walls. The boards across the windows are as loose as old teeth, the bushes around the front big and mangy like Afros”, тем самым передавая дополнительные оттенки важных фрагментов жизни и идентичности героев. По дороге девушка приглашает Юниора пойти вместе с ней на свадьбу ее матери, но главный герой сомневается, потому что не может представить этого в будущем: “Why can’t I see us there? I don’t know

about that”. В то время как молодой человек ждет девушку снаружи Асьенды, он вновь размышляет о возможности воссоединения с ней: “... I’m thinking how easy it would be for her to turn around and say, Hey, let’s go home. I’d put my arm around her and I wouldn’t let her go for like fifty years, maybe not ever”. Мы можем наблюдать сильные противоречия в душе, чувствах и мыслях автора, так как с одной стороны именно он инициирует все встречи с девушкой, провожает ее до «дома», и когда остается один мечтает восстановить прежние отношения, но, с другой стороны, сомнения по поводу их общего будущего постоянно преодолевают его, а внутренний голос противостоит идее о возможном счастливом союзе: “If something inside of me is saying no, why do I say, Yeah, sure?”. В этом случае можно предположить, что на фоне ощущения психологической раздвоенности, свойственной мигрантам [Хрусталева, 2018: 427], у него могли развиваться и другие психологические проблемы, проявляющиеся таким образом в эмоционально-чувственной сфере. Отрывок завершается столкновением Юниора с выходящим из Асьенды пожилым мужчиной, который, судя по своему первому впечатлению о главном герое (“short, dark, unhappy”), изначально предпочел дистанцироваться. Примечательно, что сам автор устанавливает ограничения для потенциала собственной личности, называя себя несчастливым человеком, при этом не указывая конкретных причин. Мы можем предположить, что несчастье Диаза в юношеские годы связано не только с условиями, в которых ему приходится существовать, но и с определенными неудачами в безуспешном процессе поиска внутренней интеграции. Нам также кажется любопытным тот факт, что автор, который характеризует себя в этот период жизни как несчастливого человека, имеет предрасположенность постоянно возвращаться к воспоминаниям об этом временном отрезке и анализу оставленных в его памяти болезненных следов прошлого.

Отрывок “WHILE YOU WERE GONE” посвящен тем нескольким месяцам, когда Аврора была в исправительной колонии. Юниор был очень недоволен тем, что девушка за все время прислала ему всего три письма,

которые, по его мнению, были бессодержательными, однако читатель может заметить, что намеки ее на беременность продолжались, но, скорее всего, в силу возраста, главный герой не особо вдумывался в смысл написанного. Вместе с тем, молодой человек и сам не горел желанием выходить с ней на связь, поскольку отсутствие Авроры в его жизни уже не заставляло его страдать: “After the second letter I didn’t write anymore and it didn’t feel wrong or bad. I had a lot to keep me busy”.

Аврора вернулась в сентябре, Кат заблаговременно посоветовал Юниору держаться от нее подальше, но девушка по своей инициативе появилась на пороге их дома. Диаз запомнил каждую деталь ее внешнего вида в тот день и обратил внимание на то, как она изменилась. По словам автора, к моменту ее возвращения их с Катом дела шли хорошо: “...by then we had the Pathfinder in the parking lot and a new Zenith in the living room”. Диаз признается, что ему следовало бы прислушаться к словам друга и не повторять ошибок прошлого, но он не удержался, поскольку был убежден, что они с Авророй влюблены, и заявил об этом Кату, на что тот лишь рассмеялся. В этом отрывке главный герой впервые сообщает читателю, что любил девушку: “You know how it is when you get back with somebody you’ve loved”. Далее молодые люди обсуждают то, как прошли для девушки полгода в исправительной колонии, Юниор упоминает о том, что однажды он проезжал мимо и сигналил, после чего Аврора с холодным взглядом говорит ему о том, что за время пребывания там она родила ребенка. Однако про дальнейшую судьбу новорожденного, как и про свою реакцию на эту новость, автор ничего не сообщает. Рассказ заканчивается тем, что спустя неделю после признания Авроры и, несмотря на ее мольбы о примирении, молодые люди расстаются по инициативе Юниора не без рукоприкладства с его стороны: “A week from then she would be asking me again, begging actually, telling me all the good things we’d do and after a while I hit her and made the blood come out of her ear like a worm but right then, in that apartment, we seemed like we were normal folks”. Обращаясь к воспоминаниям о вечере, когда автор узнал о том, что он стал

отцом, Диаз использует любопытную фразу "...we seemed like we were normal folks" (...казалось, будто мы были нормальными), исходя из чего мы можем заключить, что он отдает себе отчет в том, что их связь была дефективной и нежизнеспособной. Более того, принимая во внимание круг общения и образ жизни, который вели влюбленные в те годы, а также совокупность сформированных паттернов поведения и неврозов главного героя, мы приходим к выводу, что взаимоотношения между молодыми людьми изначально были лишены шанса на то, чтобы стать гармоничными и счастливыми. О причинах расставания пары читатель может только догадываться, однако учитывая динамику их взаимодействия, отметим, что подобный исход не стал неожиданностью.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Yo ando más que un perro – "я гуляю больше, чем собака" (1). Это выражение может означать, что человек много путешествует или постоянно находится в движении, может также передавать оттенок усталости.
2. Salsa – стиль латинской музыки и танца, который возник на Кубе и стал популярным во всем мире (1)
3. Abuelas – бабушки (1)
4. Olvídate – повелительное наклонение от глагола *olvidar* (забывать) (1)
5. Sala – зал, гостиная (1)
6. Damelo duro, papí – (обценная лексика) (1)
7. Pato – (обценная лексика), в отдельных латиноамериканских странах, включая Доминиканскую Республику используется как оскорбление (2)
8. Cabrón – в контексте рассказа используется как оскорбление и как разговорное обращение между друзьями (1)
9. Nena – девочка, девушка, ласковое обращение к молодой женщине или девушке (1)
10. Hacienda('s) – асьенда (поместье, фабрика) (6)
11. Selo – игра в кости (2)
12. Tranquilo – спокойный (1)
13. Tígueres – уличные хулиганы, молодые люди (1)
14. Regular – «нормально», ответ на вопрос «как дела?» (1)
15. Abuelo – дедушка (1)
16. Tía Fresa – "Тетя Фреса" (*Fresa* переводится как «клубника», но в сленге также означает "высокомерный" или "привилегированный") (2)
17. Macho – используется для обозначения мужчины, который проявляет традиционные маскулинные качества, часто с акцентом на доминирование и силу (1)

“Aguantando”

Рассказ “Aguantado” разделен автором на шесть частей и начинается с того, что Диаз указывает на тот факт, что первые девять лет своей жизни он провел без отца, поскольку тот уехал в США на заработки, поэтому главный герой знал его только по фотографии: “...the only way I knew him was through the photographs my moms kept in a plastic sandwich bag under her bed”. Писатель сразу же обращает внимание на тяжелое материальное положение семьи де лас Касас: “everything we owned was water-stained: our clothes, *Mami*’s Bible, her makeup, whatever food we had, *Abuelo*’s tools, our cheap wooden furniture”. Как мы уже отмечали в других рассказах, Виртудес не только верила в Бога, но и активно приучала к вере своих детей, поэтому для читателя не является удивительным тот факт, что из вещей, принадлежавших его матери, Юниор вспоминает только библию и косметику. Вышеупомянутая фотография отца и несколько других сохранились только благодаря тому, что хранились в пластиковом контейнере для еды. Далее, чтобы детально охарактеризовать фото Рамона, Диаз переносится в далекий 1965 год, за несколько дней до оккупации Доминиканской Республики Соединенными Штатами Америки: “He was dressed in his *Guardia* uniform, his tan cap at an angle on his shaved head, an unlit *Constitución* squeezed between his lips”. В данном предложении автор пишет с заглавной буквы и использует две лексемы на испанском языке – *Guardia* и *Constitución*, по нашему мнению, писатель использует этот прием, являющийся значимой частью его идиостиля, для того, чтобы передать читателю идею о том, что подобные слова-реалии, составляют основу лингвокультурной латиноамериканской идентичности и в переводе на английский (или любой другой) язык не могут полноценно передавать то, что в них вкладывается на родном языке, в данном случае – любовь и сердечную привязанность к родине. Кроме того, главный герой, каждый раз смотря на фотографию отца, убеждался в том, что, несмотря на то, что тот эмигрировал в Америку, он являлся патриотом своей страны, поскольку проходил военную службу на родине и приносил присягу гражданина Доминиканской

Республики. Здесь мы можем наблюдать, как Диаз, который зачастую пренебрегает описанием наружности героев, отмечает, что глаза он унаследовал от отца: “His dark unsmiling eyes were my own”. Зная, что глава семьи уехал на заработки, когда писателю было 4 года, он делится с читателем тем, что исключил Рамона из всех девяти лет своей жизни: “...since I couldn’t remember a single moment with him I excused him from all nine years of my life”. Вероятно, именно в этом возрасте Диаз впервые столкнулся с внутренними противоречиями, поскольку подсознательно переживал синдром утраты отца, которого, вместе с тем, Юниор совершенно не помнил. Невзирая на факты и попытки матери сохранить образ главы семьи в памяти детей, автор довольно скоро предал забвению первые несколько лет, проведенных с ним, после чего пришел к выводу о том, что ожидание его возвращения было самообманом: “I didn’t know him at all. I didn’t know that he’d abandoned us. That this waiting for him was all a sham”. Мы можем предположить, что именно отъезд отца и последующие несколько лет его отсутствия в жизни мальчика спровоцировали у ребенка сильное продолжительное эмоциональное потрясение, которое впоследствии переросло в невроз и последующее антисоциальное поведение.

Автор утверждает, что его семья жила очень скромно: “The only way we could have been poorer was to have lived in the *campo* or to have been Haitian immigrants, and Mami regularly offered these to us as brutal consolation”. По словам писателя, используя подобные сравнения, Виртудес старалась таким образом утешить детей, одновременно подготавливая их к суровым реалиям жизни. Ранее, в одном из рассказов, Диаз уже делал отсылку к гаитянским иммигрантам, когда читатель мог наблюдать за ксенофобией со стороны старшего брата Юниора, Рафы (см. рассказ “Ysrael”). В этом случае уже сам главный герой указывает на крайнюю бедность жителей Гаити (граничащую с нищетой), на фоне которых социальное положение семьи де лас Касас не было неблагоприятным. Писатель говорит о том, что данная стигматизация основана на идеях и смыслах, заложенных еще в детстве, которые, как известно, довольно трудно отследить на уровне ума. Можно с уверенностью

утверждать, что юные Рафа и Юниор с высоты небольшого жизненного опыта не могли знать об экономических и других проблемах в соседнем государстве. В свою очередь, отношение матери к выходцам из Гаити можно обосновать историко-политическим контекстом времени, в которое она родилась: детские и зрелые годы Виртудес прошли в эпоху правления Рафаэля Трухильо, диктатора, ставшего тридцать шестым президентом Доминиканской Республики, известного за счет проводимой им «антигаитянской политики» [Martínez, 2017; Платошкин, 2012]. Кроме того, женщина также пережила вторжение США в Доминиканскую Республику в 1965 году, вечным напоминанием о котором являются шрамы, оставшиеся на ее теле: “She was a tiny woman and in the water closet she looked even smaller, her skin dark and her hair surprisingly straight and across her stomach and back the scars from the rocket attack she’d survived in 1965”. Прошлый опыт матери автора находит отражение на внешнем плане, особенно, в моменты, когда она учит детей дорожить тем, что они имели, указывая на то, что их семье повезло жить в городе, а не в сельской местности, где проживали их родственники: “At least you’re not in the *campo*. You’d eat rocks then”. Вместе с тем, у семьи де лас Касас не хватало средств даже на то, чтобы приобрести для сыновей канцелярские принадлежности, тетради и книги, несмотря на то, что Виртудес много работала: “*Mami* worked at *Embajador Chocolate*, putting in ten-, twelve-hour shifts for almost no money at all”. В то время, когда мать была на работе, дети находились под присмотром дедушки, который рассказывал главному герою о том, какой была жизнь их семьи раньше, до того, как родители автора пришли к выводу о необходимости эмиграции в США: “when *Abuelo* was around (and awake) he talked to me about the good old days, when a man could still make a living from his *finca*, when the United States wasn’t something folks planned on”. Вопрос, связанный с этой фразой автора обсуждался на интервью, отрывок из которого мы приводили в предыдущей главе (см. раздел 2.5). Диаз также отмечает, что район, в котором проживала его семья нельзя было назвать безопасным, поэтому после работы Виртудес просила коллег ее

проводить: “Our *barrio* was not the safest of places and *Mami* usually asked one of her co-workers to accompany her home”. Вместе с тем, автор делится с читателем особенностями карибских блюд, среди которых мы обнаруживаем гастрономическую лексику на испанском языке, отражающую специфику национальной кухни: “Almost everything on our plates was boiled: boiled *yuca*, boiled *platanos*, boiled *guineo*, maybe with a piece of cheese or a shred of *bacalao*. On the best days the cheese and the *platanos* were fried”.

Когда у семьи де лас Касас были значительные финансовые затруднения, мать отправляла сыновей к родственникам в сельскую местность: “When times were real *flojo*, when the last colored bill flew out *Mami*’s purse, she packed us off to our relatives”. Писатель отмечает, что ему не хотелось расставаться с семьей, поэтому в такие моменты он всегда надеялся, что его матери откажут в просьбе провести время с племянниками: “I’d listen to her soft unhurried requests and pray for the day that our relatives would tell her to *vete pa’l carajo* but that never happened in *Santo Domingo*”. Каждый раз, когда Юниор отправлялся к родственникам, он тяжело переживал разлуку: “On the ride to *Boca Chica* I was always too depressed to notice the ocean, the young boys fishing and selling coconuts by the side of the road...”. В этот раз Диас описывает свою поездку к своей крестной матери, которая, по его словам, очень его любила: “She had two kids of her own, Yennifer and Bienvenido, but she didn’t dote on them the way she doted on me”. За столом женщина часто вспоминала про отца автора в отрицательном ключе: “*Tía* also had a penchant for uttering cryptic one-liners about my father, usually after she’d downed a couple of shots of *Brugal*”.

Следующая часть начинается с любопытной фразы автора о том, что, когда ему было девять лет, Рамон вернулся, чтобы забрать семью в США: “The year *Papi* came for us, the year I was nine, we expected nothing”. Диас рассказывает о том, что тот период ему запомнился тем, что его мать попала под сокращение, поэтому часто оставалась дома с детьми. В связи с началом переходного возраста у Юниора обнаружились проявления девиантного поведения и начались конфликты с Виртудес. В один из дней, когда главный

герой играл с друзьями на улице, он увидел незнакомца, припарковавшегося у ворот его дома. Войдя в дом, автор увидел, что члены его семьи что-то взволнованно обсуждали: “I hadn’t seen Abuelo *bravo* in a long time, not since his produce truck had been stolen by two of his old employees”. Однако ни мать, ни бабушка не стали объяснять ребенку, что произошло, лишь спустя несколько часов Рафа рассказал ему, что незнакомец передал письмо от главы семьи, содержание которого мать оставила в секрете. Старший брат также запретил брату распространять эту новость. Диаз переживал за состояние матери, поскольку ее реакция на письмо была ему непонятна: “I’d never seen her so blank-faced, so stiff, and when I tried to hug her she pushed me away”. За ужином она также хранила молчание, после чего ушла спать, так и не объяснив происходящее сыновьям. Посреди ночи Рафа сообщил Юниору, что в письме говорилось о том, что отец скоро придет: “I read the letter, he told me quietly... *Papi* says he’s coming”. Тем не менее, мальчик предупредил брата о том, что не следует верить словам главы семьи: “It ain’t the first time he’s made that promise, Yuniór”. В контексте этой ситуации нам кажется важным отметить тот факт, что девятилетний Юниор удивился тому, что Рафа смог понять содержимое письма, поскольку не знал, что тот умеет читать, в свою очередь, сам главный герой не обладал навыками письма и чтения: “I was nine and couldn’t even write my own name”. После слов старшего брата писатель восстановил в памяти эпизод, когда два года назад отец прислал похожее письмо (“Two years after he left, *Papi* wrote her saying he was coming for us and like an innocent *Mami* believed him”), и даже разговаривал со всеми членами семьи по телефону (“He even spoke to us, something that Rafa vaguely remembers, a lot of crap about how much he loved us and that we should take care of *Mami*”). Однако впоследствии Рамон не только перестал выходить на связь, но и не приехал в обещанный день, после чего Виртудес долго не могла прийти в себя (“almost lost her mind”) и на некоторое время уехала к родственникам, оставив детей с бабушкой. Равным образом ожидаемый и несостоявшийся приезд отца оставил глубокий отпечаток на психике главного героя: “I was inconsolable”.

Писатель утверждает, что ему особенно запомнилось то, насколько тяжелым для их семьи был тот период: “I remember the heaviness of that month, thicker than almost anything”. Диаз обращает внимание на то, что после возвращения матери домой их отношения были лишены прежней теплоты (“She didn’t treat me badly on her return but we were no longer as close”), а также на то, что при упоминании Рамона взгляд Виртудес менялся: “...when *Papi*’s name was mentioned her eyes dimmed and when his name left, the darkness of her *ojos* returned and she would laugh, a small personal thunder that cleared the air”.

В следующей части рассказа Диаз повествует о том, что спустя неделю после получения письма обстановка в семье нормализовалась, однако тема возвращения отца не поднималась. Тем не менее, писатель указывает на то, что Виртудес вела себя несколько странно: “There was still something volcanic about the way she held herself”. На выходных женщина решила устроить семейную прогулку и оплатить поездку на такси, несмотря на то, что финансовые ресурсы семьи были по-прежнему ограничены: “We couldn’t afford it but she paid for a movie anyway”. Главный герой рассказывает о том, что во время прогулки к его матери подходили знакомиться разные молодые люди, однако она каждому из них сообщала, что она замужем, а под конец вечера рассказа детям свою историю знакомства с Рамоном: “Your father asked me if I wanted a cigarette and then he gave me the whole pack to show me that he was a big man”.

Последняя часть рассказа содержит в себе размышления сыновей Рамона о том, в какой момент и каким образом глава семьи вновь появится в их жизни: “Rafa used to think that he’d come in the night, like Jesus, that one morning we’d find him at our breakfast table, unshaven and smiling”, “They’d drive down to the *Malecón* and he’d take her to see a movie, because that’s how they met and that’s how he’d want to start it again”. Кроме того, братья предполагали, что отец станет крупнее и выше из-за американской еды (“northamerican food makes people that way”). В представлениях Юниора при встрече отец обязательно бы обратил на него особое внимание (he’d trace the scars on my

arms and on my head), в свою очередь, Виртудес бы сообщила мужу, что младший сын его не знает: “*Mami* would say, He doesn’t know you”, на что Рамон бы обязательно произнес имя мальчика.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. *Papí*(’s) – уменьшительно-ласкательное обращение к отцу (8)
2. *Mami*(’s) – уменьшительно-ласкательное обращение к матери (50)
3. *Tía* – тетя (7)
4. *Tíos* – дядя и тетя (2)
5. *Abuelo*(’s) – дедушка (10)
6. *Guardia* – сотрудник полиции или охраны (1)
7. *Constitución* – конституция (1)
8. *Cementerio Nacional* – национальное кладбище (1)
9. *Nueva York* – Нью-Йорк (1)
10. *Verminox* – название препарата, используемого для лечения определенных инфекций (1)
11. *Platanos* – разновидность бананов, часто используемых в рецептах карибской кухни (4)
12. *Mascotas* – тетради (2)
13. *Profesor* – учитель, профессор (1)
14. *Embajador Chocolate* – название фабрики (1)
15. *Barrio* – район, также используется для обозначения местного сообщества (5)
16. *Malditos* – проклятые (1)
17. *Finca* – земельный участок, на котором ведется сельское хозяйство (1)
18. *Porfirio Rubirosas* – прецедентное имя, используемое автором для описания молодых людей, которые проявляли интерес к его матери (1). Доминиканец Порфирио Рубироса – это испанский Дон Жуан.
19. *Fulanos* – кто-то, незнакомцы (1)
20. *Guanábana tree* – тропическое дерево Гуанабана (1)
21. *Flojo* – слабый (1)
22. *Осоа* – название провинции в Доминиканской Республике (4)
23. *Vaca Chica* – название пляжа и района в Доминиканской Республике, известного своими курортами и туристическими достопримечательностями (3)
24. *Vete pa'l carajo* – (обсценная лексика) (1)
25. *Brujo* – колдун, маг (1)
26. *Cocos* – кокосы (1)
27. *Hombres de negocios* – бизнесмены (1)
28. *Colmado* – небольшой магазин или лавка (1)
29. *Madrina* – крестная мать (1)
30. *Brugal* – известный бренд рома из Доминиканской Республики, который имеет широкую популярность как в стране, так и за ее пределами (1)

31. Tígueres – уличные хулиганы, молодые люди (1)
32. Las Tres Marías – топоним (1)
33. Desastre – бедствие или катастрофа (1)
34. Muchacho – мальчик, юноша (2)
35. Nalgas – (обценная лексика) (1)
36. Cabrón – в контексте рассказа используется как оскорбление и как разговорное обращение между друзьями (1)
37. Cigarrillo – Сигарета (1)
38. Mi novia – моя девушка (1)
39. Bravo – злой (1)
40. Señora – сеньора (1)
41. Puto – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
42. Malecón – набережная (3)
43. Amapolas – мак (1)
44. Malcriado – невоспитанный человек (1)
45. Ojos – глаза (1)
46. Prieto – темный, черный; используется для описания цвета кожи или волос (1)
47. Campo – деревня, сельская местность (3)
48. Capital – столица (1)
49. Concho – маршрутное такси в Доминиканской Республике (1)
50. Guayabera – традиционная рубашка, популярная в Латинской Америке, в особенности на Карибах (1)
51. Buenos días – приветствие (1)

“Drown”

Рассказ начинается с того, что мать автора сообщает ему, что его лучший друг по имени *Beto* (Бэто) вернулся в город, однако судя по реакции Юниора на ее слова, он совершенно не был рад этому событию. Сразу после этого Диаз делится с читателем воспоминаниями о летних днях до отъезда Бэто в колледж, когда они постоянно проводили время вместе: “We were raging then, crazy the way we stole, broke windows, the way we pissed on people’s steps and then challenged them to come out and stop us”. Юниор был младше Бэто, учился в старшей школе и жил вдвоем с матерью. С годами Виртудес стала более закрытой и мало разговаривала: “She has discovered the secret to silence: pouring *café* without a splash, walking between rooms as if gliding on a cushion of felt, crying without a sound”. Примечательно, что писатель обращает внимание на тот факт, что его мать также научилась беззвучно плакать, поэтому читатель может предположить, что жизнь семьи мигрантов по прошествии времени не

стала значительно лучше. Домашние обязанности распределялись в семье следующим образом: “My mother has enough for the rent and groceries and I cover the phone bill, sometimes the cable”. Виртудес работала в сфере клининга, в свою очередь, ее сын, будучи несовершеннолетним и не имея возможности для официального трудоустройства, промышлял воровством и распространением каннабиса в микрорайоне, в котором они жили. Днем Юниор и Бэто посещали торговые центры и магазины, обманывали охранников и продавцов, занимаясь «шоплифтингом». По вечерам главный герой возвращался домой и проводил время с матерью за просмотром испаноязычного телевидения: “We settle on the Spanish-language news: drama for her, violence for me”. По ночам автор вновь возвращался на американские улицы, где он и его лучший друг того времени продолжали пренебрегать законом. По субботам писатель с матерью отправлялись в торговый центр, и, несмотря на то, что у них не было машины, а также невзирая на то, что, по словам Диаза, именно в выходные дни он мог бы много заработать, он чувствовал, что провести время с матерью так, как она хочет, было его долгом: “As a son I feel I owe her that much, even though neither of us has a car and we have to walk two miles through redneck territory to catch the M15”. Каждый раз перед выходом из дома Виртудес просила сына перепроверить, закрыты ли окна, поскольку боялась незаконного проникновения чужих людей в жилище: “This place just isn’t safe, she tells me”. При этом, автор утверждает, что его мать, в отличие от отца, не догадывалась о том, откуда у Юниора появлялись новые вещи и деньги. Как-то раз Рамон напрямую сказал сыну о том, что его рано или поздно поймают: “You’re going to get caught, he told me one day”, после чего добавил, что не собирался покрывать его преступления. Автор неохотно признает его правоту, а также отмечает тот факт, что боялся отца, поскольку тот его бил. В этом рассказе Диаз еще несколько раз ссылается на главу семьи, так, например, он сравнивает совместные походы с матерью в торгово-развлекательные комплексы с тем, как это было, когда отец еще жил с ними: “Back in the day, my father would give her a hundred dollars at the end of each summer for my new

clothes...”. Далее автор сообщает читателю о том, что в один из летних дней, когда Бэто и Юниор воровали в книжном магазине, они были пойманы с поличным, однако писатель не раскрывает детали того, что произошло после этого.

Каждое утро Диаза начиналось с того, что его мать рано просыпалась, собиралась на работу и готовила ему завтрак: “She says nothing to me, would rather point to the *mangú* she has prepared than speak”. В тот день Виртудес приготовила сыну *мангу*, традиционное доминиканское блюдо, которое также можно подавать на обед или ужин [17 Dominican Foods You Need to Try]. Далее автор описывает то, как однажды на рассвете он отправился на пробежку и случайно встретил местного рекрутера, который обратился к нему с вопросом о работе и рассказал о том, что мог бы помочь ему трудоустроиться в американскую армию, на что Юниор сразу отказался, несмотря на то, что в тот момент у него не было стабильной работы и особых перспектив на будущее: “Sorry, but I ain’t Army material”. Опираясь на обстановку, окружающую Диаза и подробности его жизни того времени, можно заключить, что он был неотделим от своего окружения низшего класса, не гордился этим, тем не менее, одновременно и не желал предпринимать никаких усилий, чтобы что-то изменить. В тот день Диаз вернулся домой раньше обычного и услышал, как его мать с кем-то разговаривала по телефону: “She sounds hurt or nervous, maybe both”. По ее тону и шепоту он понял, что она разговаривала с отцом, что писатель не одобрял по причинам, которые он раскрывает далее: “He’s in Florida now, a sad guy who calls her and begs for money”. Читатель понимает, что Виртудес по-прежнему любит мужа, так как продолжает поддерживать с ним общение, игнорируя недовольство сына и тот факт, что Рамон живет с другой женщиной. Разговор родителей заканчивает сам Юниор, забирая из рук матери телефон: “I walk in on her and hang up the phone. That’s enough, I say”. Затем автор продолжает рассказывать о том, как проходили его дни во время учебного года до того, как Бэто покинул город: “On school days Beto and I chilled at the stop together but as soon as that bus came over the Parkwood hill I got

to thinking about how I was failing gym and screwing up math and how I hated every single living teacher on the planet”. Кроме того, Диаз часто общался и посещал местные бары и дискотеки с компанией ребят своего возраста, образ жизни которых, тем не менее, не сильно отличался от того, что делали Бэто и Юниор. Можно сказать, что фигура лучшего друга писателя в этом рассказе является значимой, так как именно со стороны Бэто автор дважды подвергся сексуализированному насилию, после чего замкнулся в себе и перестал выходить с ним на связь.

Рассказ заканчивается описанием того, как автор возвращается домой, где его с традиционным доминиканским ужином (“rice and beans, fried cheese, *tostones*”) и подарком встречает мать, после чего они вместе проводят время за просмотром фильма: “A movie dubbed into Spanish, a classic, one that everyone knows”, на протяжении которого Виртудес засыпает и видит сон о городе-курорте под названием Бока-Ратон, располагающемся во Флориде, где живет Рамон: “She is dreaming, dreaming of *Boca Raton*, of strolling under the *jacarandas* with my father”. Данный сон является подтверждением того, что женщина по-своему несчастна, так как много лет прожила с душевной болью, но так и не смогла окончательно отпустить мужа. В свою очередь, Рамона также нельзя назвать счастливым человеком, потому что в разговорах с ней он не только просит одолжить ему денег, но и обещает, что уйдет от другой женщины, если Виртудес решится переехать к нему: “He swears that if she moves down there he’ll leave the woman he’s living with”. В этой связи можно прийти к заключению о том, что семье де лас Касас все же не удалось достичь «американской мечты», поскольку спустя несколько лет жизни в США они не только продолжают оставаться на границе двух социокультурных реальностей, но и, несмотря на наличие некоторых средств к существованию, все еще являются представителями низших слоев населения.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Pato(s) – (обценная лексика), в отдельных латиноамериканских странах, включая Доминиканскую Республику используется как оскорбление (3)
2. Sinvergüenzas – негодяи, бесстыдники (1)
3. Abuelas – бабушки (1)
4. Puto sucios – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
5. Café – кофе (1)
6. Miraclevilla – смесь английского слова *miracle* и испанского слова *maravilla* (1)
7. Morenos – темнокожие, смуглые (1)
8. Mangú – традиционное доминиканское блюдо, приготовленное из пюре из зеленого банана, обычно подается на завтрак (1)
9. Sucias – грязные женщины, распутницы (1)
10. Rumba – стиль музыки и танца, популярный в Латинской Америке; праздник (1)
11. Chicas – молодые женщины (1)
12. Gandules – горох, гастрономическая лексика (1)
13. Vaina – вещь, проблема. Разговорное слово, используемое в разных контекстах, часто как замена для слова "вещь" (1)
14. Tostones – жареные зеленые бананы, популярное блюдо карибской кухни (1).
15. Plata – наличные средства, деньги (1)
16. Jacarandas – хакаранда, дерево, встречающееся в тропических и субтропических регионах (1)

“Boyfriend”

Рассказ “Boyfriend” начинается с того, что автор делится с читателем тем, что ему следует перестать злоупотреблять каннабисом, так как это провоцирует у него сомнамбулизм, из-за которого однажды он проснулся на лестничной площадке: “I woke up in the hallway of our building, feeling like I’d been stepped on by my high school marching band”. Диаз впервые упоминает, что живет один в доме с соседями, истории которых и посвящен рассказ. В первую очередь отметим, что наличие отдельной квартиры у главного героя кажется удивительным, учитывая подробности, которыми ранее делился автор. Судя по тому, что Юниор продолжал вести прежний образ жизни и не изменял своим привычкам, дух эпохи также остался неизменным, как и обстановка в окрестностях города (“...if the folks in the apartment below hadn’t been having themselves a big old fight at three in the morning”), следовательно, читатель может прийти к выводу о том, что действия в рассказе разворачиваются либо задолго до знакомства с Котом и встречей с Авророй, либо никак не связаны с сюжетной линией юношеских лет, описанной Диазом в других рассказах.

Автор повествует о своих наблюдениях за историей любви молодых людей, которых он называет *Boyfriend* (парень) и *Girlfriend* (девушка), пытающихся разобраться в своих чувствах. С самого начала писатель указывает на то, что именно молодой человек был настроен на окончание отношений, а также сообщает читателю о его неверности. Принимая во внимание отношение Диаза к предательству такого рода, можно предположить, что он, анализируя опыт своих соседей, за которыми имел возможность наблюдать на ежедневной основе, проживал свои собственные измены и травмы в романтических отношениях: “They sounded a lot like me and my old girlfriend Loretta, but I swore to myself that I would stop thinking about her... even though every Cleopatra-looking *Latina* in the city made me stop and wish she would come back to me”. Примечательно, что Лоретту он называет своей «старой» девушкой, а не бывшей девушкой или последней девушкой, предположим, что это связано с тем, что у автора на уровне подсознания заложены установки о том, что старое равнозначно хорошему, в связи с чем Диаз в очередной раз возвращается к осмыслению когда-то приобретенного опыта. Кроме того, сравнивая свои последние отношения с взаимодействием своих соседей, Диаз вновь обращается к мечтам о минувшем. Так, мы можем наблюдать, что движение главного героя по жизни носит фрагментарный характер: вначале он проживает определенные внешние сюжеты, особенно не задумываясь над происходящим, и только по прошествии времени он направляет вектор своего внимания в прошлое, осуществляя анализ произошедшего, что равным образом находит отражение на специфике распределения рассказов в сборнике.

Писатель отмечает, что он ежедневно слышал, как девушка непрерывно плакала, оставаясь одна, вслух ругая своего молодого человека. Диаз также говорит о том, что подобная ситуация ему до боли знакома и делится своими наблюдениями по поводу ощущений и чувств, сопряженных с расставанием: “I guess I’d gotten numb to that sort of thing. I had heart-leather like walruses got blubber”. Несмотря на то, что главный герой утверждает, что с годами ему

стали чужды страдания и чувства влюбленности, читатель видит, что девушка-соседка вызывала у него симпатию: “Homegirl was too beautiful, too high-class for a couple of knuckleheads like us”. Автор обсуждает молодых людей со своим другом по имени Гарольд (Harold), вместе с тем, мы можем наблюдать, как Диаз умаляет свою значимость и, даже не будучи знакомым с девушкой, относит ее к более высокой социально-классовой структуре, одновременно противопоставляя таким образом себя. Любопытно, что, имея возможность следить за непрекращающимися конфликтами в паре, Юниор возводил молодых людей в ранг особенных индивидуумов, при сопоставлении с которыми масштаб его личности многократно сокращался: “People like these were untouchables to me, raised on some other planet and then transplanted into my general vicinity to remind me how bad I was living”. Диаз также обращает внимание читателя на то, что он мог подслушивать и понимать все диалоги соседей, потому что *Boyfriend* и *Girlfriend* были носителями испанского языка, что несколько раздражало автора (“What was worse was how much Spanish they shared”), поскольку никто из его девушек не владел его родным языком: “None of my girlfriends ever spoke Spanish, even Loretta of the Puerto Rican attitudes”. Недовольство Юниора можно объяснить тем фактом, что для рожденного в Доминиканской Республике и проживающего на территории США латиноамериканца, возможность обмениваться знаками родного языка являлась своего рода необходимостью при построении долгосрочных отношений. При анализе дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов в предыдущей главе мы выяснили, что обращение к родному языку может равным образом выступать в качестве защитного механизма или основного инструмента, помогающего бороться со стрессом. Вместе с тем, можно предположить, что владение Авророй испанским языком выступало в качестве одного из сдерживающих факторов, не позволявших Юниору легко попроситься с ней (см. рассказ “Aurora”).

Автор убежден, что он увлекся слежкой за жизнью соседей из-за того, что в тот момент у него не было ни отношений, ни работы: “I guess I wasn’t

busy with anything else. Especially not women. I was taking time off, waiting for the last of my Loretta wreckage to drift out of sight”. В то время как главный герой продолжал осмысливать расставание с Лореттой и сравнивать пережитую им историю любви с соседской, он сочувствовал девушке и переживал, что, узнав об авантюрах молодого человека, она испытает душевную боль. Описывая измены соседа, автор использует фразу “his little *Rico Suave* routine”, распространенную в американском сленге и означающую собирательный стереотипный образ героя-любовника латиноамериканского происхождения [Slang dictionary]. Согласно американскому онлайн-словарю сленга (slang dictionary), словосочетание *Rico Suave* представляет собой стереотип, зачастую приравнивающийся к оскорблению, в том числе среди латиноамериканского сообщества на территории США [там же]. По нашему мнению, данное выражение вошло в лексикон Диаза под влиянием американского социокультурного контекста и иллюстрирует яркие проявления его американской идентичности, поскольку в латиноамериканской лингвокультуре существуют собственные лексические единицы, обладающие семой «сердцеед», но не содержащие разделение по национальному признаку, например, *ligón, mujeriego, donjuán, galán, gato* и другие, которые мог использовать автор [Real Academia Española].

Диаз также делится с читателем негласными правилами, действующими в окрестностях округа, в котором он проживал: “...those were the *barrio* rules, *Latinos* and blacks in, whites out...”, из чего мы можем сделать вывод о том, что главный герой, в попытках структурировать свою самостоятельную жизнь, продолжал окружать себя людьми, так или иначе разделяющими знакомые ему речеповеденческие тактики и привычки. Далее автор вновь возвращается к описанию эпизода, когда Лоретта своими словами разбила ему сердце: “No amount of heart-leather could stop something like that from hurting”, но приходит к неожиданному заключению о том, что уроки любви очень ценны (“...love teaches you. Clears your head of any rules”). Вслед за этими размышлениями писатель сообщает, что после того, как *Boyfriend* забрал свои вещи, Юниор

набрался смелости пригласить девушку на кофе: “One night I got the *cojones* to ask her up for *café*, which was mighty manipulative of me”. Манипуляции, о которых упоминает Диаз, сопряжены с тем, что круг общения соседки, потерявшей себя в отношениях, на тот момент был максимально ограничен, поэтому она была вынуждена принять приглашение. За время короткой встречи, проходившей в апартаментах главного героя, им удалось выпить кофе и послушать песню на испанском языке, которую выбрал Юниор: “I played *Andrés Jiménez* for her — you know, *Yo quiero que mi Borinquén sea libre y soberana* — and then we drank a pot of *café*”. По нашему мнению, выбор автора неспроста остановился именно на этом пуэрториканском исполнителе народно-патриотической музыки. Писатель напрямую не указывает национальность девушки, но с учетом представленных им отдельных фактов из ее биографии, мы можем заключить, что она приехала в США из Пуэрто-Рико. Следует отметить, что Диаз мог бы просто обозначить название музыкальной композиции, но он предпочел полностью написать первые две строчки куплета, тем самым активируя ассоциативные связи у читателей латиноамериканского происхождения, знакомых с творчеством Хименеса, и одновременно вызывая интерес у американской (и другой) аудитории. Ввиду лаконичности первого куплета представим его целиком вместе с переводом:

*Yo quiero que mi Borinquén
sea libre y soberana
porque la estrella de mi bandera
no cabe en la americana.*

Я хочу, чтобы мой Пуэрто-Рико
был свободным и суверенным,
потому что звезда на моем флаге
не вписывается в американский флаг.

Здесь мы можем наблюдать за парадоксом, состоящим в том, что двое латиноамериканских мигрантов, находясь на территории Соединенных Штатов Америки, проводят время, слушая музыкальную патриотическую композицию, посвященную стремлению к независимости одной из стран Карибского бассейна от США. Такого рода досуг иллюстрирует внутренние разногласия культурно-идеологического и духовно-этического плана, столкновение этнической и гражданской идентичностей, свойственную

мигрантам, а также общую потерю жизненной ориентации и направленности личности. В одном из рассказов сборника мы анализировали праздничное времяпрепровождение мигрантов-представителей латиноамериканского сообщества и то, насколько важным знаково-символическим элементом культуры является музыка на родном языке (см. рассказ “Fiesta, 1980”). Помимо народной музыки, непосредственно репрезентующей переданный предками культурный опыт и ценности [Говорова, 2023], в описываемом взаимодействии соседей мы также обнаружили и другие маркеры карибской идентичности. Так, например, автор говорит о том, что девушка вызвала в его памяти определенные образы из прошлого, имеющие отношение к жизни в Доминиканской Республике: “...she was staring deeply into her *café*, the way the fortune-tellers will do back on the Island”, отметим, что гадания и обращения к предсказателям всегда были и до сих пор остаются популярными развлечениями в испаноговорящих странах. Во время разговора с соседкой Юниор также поделился своими проблемами с сомнамбулизмом, и она посоветовала ему принимать мёд, известное карибское средство народной медицины (“old Caribbean cure”), после чего ушла в свои апартаменты. Несмотря на то, что автор практически не дает комментариев по этому поводу, в данном контексте можно обнаружить отсылку к традиционному доминиканскому методу лечения, состоящему из приготовления отвара из смеси мёда и лука, которым юного Диаза лечили в детстве (см. рассказ “Fiesta, 1980”). Даже после личного знакомства с девушкой, главный герой на ее фоне ощущал себя человеком из низшего социального класса (“...having Girlfriend in the apartment only made me feel shabbier”), что может также свидетельствовать о наличии у него этноспецифических проблем психологического характера. Встреча в апартаментах Юниора была первой и единственной, после чего молодые люди ограничивались лишь приветствием.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Latina – латиноамериканка (1)
2. Ese – этот (1)
3. Repetón – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
4. Olvídate – повелительное наклонение от глагола "olvidar" (забывать) (1)
5. Punto – точка (1)
6. Rico Suave – собирательный стереотипный образ героя-любownika латиноамериканского происхождения (1)
7. Barrio – район, также используется для обозначения местного сообщества (1)
8. Latinos – латиноамериканцы (1)
9. Presidente – глава государства (1)
10. Cojones – (обценная лексика) (1)
11. Café – кофе (3)
12. Yo quiero que mi Borinquén sea libre y soberana – «Я хочу, чтобы мой Боринкен был свободным и суверенным» (строчка из песни) (1)
13. El Pico – название известного бренда латиноамериканского кофе (1)
14. Tío – дядя (1)

“Edison, New Jersey”

Данный рассказ посвящен более осознанному этапу жизни Диаза, когда он уже успел повзрослеть, устроиться на работу и побывать в долгосрочных отношениях. На протяжении всего повествования автор сопоставляет две основные сюжетные линии: доставку и установку стола для игры в бильярд, сопряженные с взаимодействием с горничной клиента, сделавшего заказ, и историю романтических отношений Юниора, представленную в виде воспоминаний. Рассказ начинается с того, что автор и его друг Вэйн (Wayne) по указанному адресу доставляют дорогой бильярдный стол, заказанный у компании, на которую работали молодые люди, однако им никто не открывает дверь. Длительное время ожидания заказчика вызывает беспокойство друга главного героя, в то время как сам он спокойно курит и наблюдает за происходящим вокруг: “I smoke and watch a mama duck and her three ducklings scavenge the grassy bank and then float downstream like they’re on the same string. Beautiful, I say but Wayne doesn’t hear”, поскольку предпочитает более философский подход к жизни (“I take a more philosophical approach”). Судя по умиротворенному состоянию Диаза в этот момент, можно предположить, что многие аспекты его жизни, включая финансовую сторону, так или иначе

упорядочены, а определенные элементы пережитого травматического опыта ему удалось систематизировать, придя к определенным заключениям.

Основная часть работы молодых людей заключалась в том, чтобы доставлять на дом, собирать и устанавливать бильярдные столы в соответствии с заказом. В дни, когда поступало мало заказов, автор имел возможность проводить время в шоуруме компании (“On the days we have no deliveries the boss has us working at the showroom...”), где ему поручали следить за кассой или залом. Писатель сообщает, что покупателями товаров всегда были только представители высшего общества, включая политическую элиту: “You should see our customers. Doctors, diplomats, surgeons, presidents of universities, ladies in slacks and silk tops who sport thin watches you could trade in for a car, who wear comfortable leather shoes”. В нередкие моменты, когда заказчики покидали дом и оставляли молодых людей за работой, автор осматривался, прогуливаясь по роскошным домам и присваивая себе отдельные вещи хозяев: “I take cookies from the kitchen, razors from the bathroom cabinets”.

Главный герой и Вэйн проводят много времени вместе, поэтому многое знают о личной жизни друг друга: первый — свободен от супружеских уз, так как продолжает переживать по поводу расставания с девушкой (“I haven’t wanted to talk about women in months, not since the girlfriend”), в свою очередь, Вэйн женат, однако не скрывает свои измены ни от друга, ни от жены, что автор открыто осуждает: “Man, I say, cutting my eyes towards him. Don’t you have a wife or something?”. Возможно, порицание писателя связано с полученной в детстве травмой из-за того, что его отец также изменял его матери (см. рассказ “Fiesta, 1980”), после чего уже сам Юниор поступал также, находясь в отношениях (см. рассказ “Aurora”). Вместе с тем, Диаз убежден, что неверность со стороны Вэйна не имела смысла: “Neither of the women seemed worth it to me”.

Описанная ранее привычка главного героя присваивать себе чужие вещи и деньги сопровождала его и во время работы в шоуруме: “Since I’m no good

at cleaning or selling slot machines I slouch behind the front register and steal”. В такие дни взаимодействие Юниора с начальником ограничивалось его помощью в общении с испаноязычными клиентами: “Only when he needs my Spanish will he let me help on a sale”. Рассказывая о том, чем он занимался на работе, писатель параллельно обращается к воспоминаниям о том времени, когда, по его словам, он мог ощущать себя богатым (“the closest I’ve come to feeling rich”). Диаз сравнивает то, как он распоряжается деньгами сейчас (“Nowadays I take the bus home and the cash stays with me”) с тем, как он вел себя в недавнем прошлом и каким образом тратил незаконно полученные средства: “A hundred-buck haul’s not unusual for me and back in the day, when the girlfriend used to pick me up, I’d buy her anything she wanted, dresses, silver rings, lingerie”. Можно сделать вывод о том, что стремление Диаза противодействовать социальным нормам общества, в котором он живет является своеобразным протестом против системы, угнетающей его и мешающей ему преуспеть. Вместе с тем, становится понятно, что частое упоминание “the girlfriend” относится к последней девушке автора, расставание с которой он упоминает в начале рассказа. Далее Диаз делится с читателем тем, что произошло при повторной попытке привезти стол для бильярда, который они не смогли доставить в первый раз, так как никто не открыл им дверь. В этот раз дома была горничная (привлекшая особое внимание автора), которая пустила главного героя и Вэйна внутрь. После подробного описания внешности помощницы заказчика писатель вновь возвращается к рассуждениям о закончившихся отношениях со своей девушкой, имя которой он не называет: “She has found herself a new boyfriend, some *zángano* who works at a record store. Dan is his name and the way she says it, so painfully *gringo*, makes the corners of my eyes narrow”. Автор не скрывает своей негативной реакции на тот факт, что его бывшая подруга предпочла ему «белого» американца, однако искренне радуется тому, что все финансовые средства, которые он тратил на девушку были украдены, а не заработаны им: “The clothes...I bought with stolen money and I’m glad that none of it was earned

straining my back against hundreds of pounds of raw rock”. Затем Диаз вспоминает и перечисляет последние встречи с бывшей девушкой и ее родителями, а также отмечает, что она изредка продолжает ему звонить.

Каждый месяц в день зарплаты главный герой проводит время за подсчетами, поскольку ему интересно, сколько лет ему потребуется для того чтобы честно заработать деньги на покупку нового бильярдного стола, который прослужил бы ему до конца жизни: “Each payday I take out the old calculator and figure how long it’d take me to buy a pool table honestly”. Автор отмечает, что за годы работы в компании он приобрел опыт, который позволял ему собирать специальные столы для игры в бильярд самостоятельно, даже с закрытыми глазами. По итогу Диаз приходит к выводу о том, что ему никогда не везло с финансовыми накоплениями: “Money’s never stuck to me, ever”.

Далее писатель возвращается к описанию дня, когда главный герой и Вэйн были вынуждены повторно доставлять бильярдный стол. В процессе друзья обсуждают значение имени заказчика: “*Pato* name, I say. Anglo or some other bog people”, после чего мы можем наблюдать, как автор противопоставляет себя и своих земляков богатым клиентам, тем самым подчеркивая актуальную для него проблему социального неравенства: “Most of our customers have names like this, court case names: Wooley, Maynard, Gass, Binder, but the people from my town, our names, you see on convicts or coupled together on boxing cards”. Приведенная цитата примечательна тем, что Диаз открыто говорит об антисоциальности «людей своего города», сравнивая их с осужденными преступниками, а также упоминает популярные в то время коллекционные карточки с именами выдающихся латиноамериканских боксеров, многие из которых аналогичным образом вовлекались в антисоциальную активность.

Находясь в доме у заказчика и услышав голос горничной, Вэйн, ориентируясь на ее произношение, предположил, что у нее есть латиноамериканские корни, что вызвало еще больший интерес со стороны главного героя. Однако далее автор вновь характеризует отношения и

особенности совместного проживания со своей бывшей девушкой, заканчивая их описание на пессимистичной ноте: “We stopped playing only when it started to go wrong for us, when I’d wake up and listen to the traffic outside without waking her, when everything was a fight”. Сразу после этого читатель опять переносится в дом покупателя, где автор вступает в разговор с помощницей. Диаз не раскрывает детали того, каким способом он определил, что горничная являлась его соотечественницей, но на его утверждение “*Dominicana, I say. Quisqueyana*”, она кивнула, после чего поделилась тем, что основные члены ее семьи живут в Доминиканской Республике: “My mother and my brothers live there”. Далее, после одной из фраз автора, начинается обсуждение начальника домработницы на смеси английского и испанского языков: “I say in English that she should have her boss bring her but she stares at me blankly”. Главный герой понимает, что девушка не только влюблена в хозяина дома, но и по какой-то причине обижена на него (“He’s a *pendejo*, she says, suddenly angry). Горничная также делится тем, что из-за конфликта с начальником ей необходимо уехать и, узнав, что у молодых людей есть машина, просит помочь ей в этом. Пока она собирала свои вещи, у Юниора была возможность обойти дом и забрать несколько мелочей, пропажи которых заказчик бы не заметил. Примечательно, что в разговоре с помощницей заказчика при оценке тяги покупателя бильярдного стола к приобретению материальных благ, автор использует фразу на английском языке, которую изначально строит и переводит с испанского языка (*el hábito del dinero*): “A habit of money, I say but I can’t translate it right”, что явно демонстрирует тот факт, что писатель, родившийся в Доминиканской Республике и проживший много лет в США, продолжает думать на родном языке. После чего главный герой договаривается с другом о том, что возьмет ключи от служебного грузовика на время поездки с девушкой.

Далее писатель в очередной раз переходит к теме своих предыдущих отношений и повествует о том, что его мать до сих пор хранит фотографии того периода: “My mother still has pictures of the girlfriend in her apartment”.

Кроме того, Виртудес до сих пор переживает из-за расставания пары: “My mother won’t look at the pictures or talk about her when I’m around but my sister says she still cries over the breakup”. Среди деталей, которыми автор делится с читателем, мы обнаруживаем отсылку к городу-курорту, который уже упоминался в одном из рассказов сборника (см. рассказ “Drown”) в контексте местожительства его отца после того, как родители Юниора окончательно разъехались: “The picture of us in *Boca Raton* is the biggest...”, благодаря чему можно предположить, что главный герой возил туда свою девушку, чтобы представить ее главе семьи, что выступает важным показателем того, что мнение отца для него являлось авторитетным, несмотря на специфичность их взаимоотношений.

В машине на пути к дому главный герой и помощница заказчика обсуждают круг тем, актуальных у мигрантов: эмиграция, отношение к США, место рождения. Юниор делится с горничной сокращенной версией своей истории: “I was born there. In *Villa Juana*. Moved here when I was a little boy”. Кроме того, Диаз размышляет о том, что в микрорайоне, где жила домработница, все напоминало ему Доминиканскую Республику: “You can’t go a block without passing a *Quisqueya Bakery* or a *Quisqueya Supermercado* or a *Hotel Quisqueya*”. Вероятно, что, встретив соотечественницу, у автора обострилось чувство ностальгии и тоски по родине, в виду чего в новом месте ему все вдруг показалось знакомым. Проводив девушку до дома, главный герой коротко попрощался с ней: “*Cuídate, I say*”, после чего еще несколько раз звонил по номеру заказчика в надежде на то, что она возьмет трубку. Далее автор описывает их с Вэйном очередной рабочий день, во время которого они обсуждают взаимодействие с женщинами, клиентов, заказы и то, куда им нужно ехать завтра. Рассказ заканчивается тем, что Диаз пытается угадать название следующего для доставки бильярдного стола города и называет город, указанный в названии данного рассказа: “Edison, I say, pressing my thumb down. Edison, New Jersey”.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Carajo – (обценная лексика) (1)
2. Jeva – разговорное слово, обозначающее романтическую партнершу (1)
3. Muñeca – кукла (1). В разговорной речи иногда используется как ласковое обращение к девушке или женщине
4. Zángano – бездельник (2)
5. Cabrón – в контексте рассказа используется как оскорбление и как разговорное обращение между друзьями (1)
6. Dominicana – доминиканка (1)
7. Quisqueyana – термин, относящийся к жительницам Доминиканской Республики (1). *Quisqueya* – индейское название страны, *quisqueyano* или *quisqueyana* используется для обозначения ее граждан.
8. Pendejo (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
9. Spanish Cosmo – испаноязычная версия журнала “Cosmopolitan” (1)
10. El Diario – название газеты (1)
11. Vaina – вещь, проблема. Разговорное слово, используемое в разных контекстах, часто как замена для слова "вещь" (1)
12. Quisqueya Bakery – пекарня, которая специализируется на карибской или доминиканской выпечке (1)
13. Quisqueya Supermercado – супермаркет, в котором предлагаются продукты и товары, характерные для доминиканской культуры (1)
14. Quisqueya – индейское название Доминиканской Республики (4)
15. Hotel Quisqueya – характерный для Доминиканской Республики отель (1)
16. Cuídate – "береги себя", может использоваться в качестве прощания (1)

“How to date a brown girl, black girl, white girl, or halfie”

В этом рассказе Диаз продолжает рассказывать о периоде своей жизни, проведенном в штате Нью-Джерси, и, в частности, о своем опыте взаимодействия с разными девушками и их семьями. Читатель может сопоставить факты и вычислить примерный возраст Юниора на момент происходящих событий: главный герой проходит одну из стадий пубертатного периода, живет с родителями и спрашивает у них разрешения перед тем как поступить тем или иным образом, следовательно, ему может быть от 12 до 17 лет.

Структура всего рассказа основана на том, что Диаз, обращаясь к читателю, дает ему советы определенной направленности, например, чтобы

произвести достойное впечатление и не показаться выходцем из малообеспеченной семьи, он рекомендует следующее: “take down any embarrassing photos of your family in the *campo*...”, “hide the pictures of yourself with an Afro”, “make sure the bathroom is presentable” и другие. Вместе с тем, он отмечает, что родители девушек часто не одобряли их дружбу с Юниором из-за того, что семья де лас Касас проживала в окрестностях с высоким уровнем преступности: “Neither of them want her seeing any boys from the Terrace — people get stabbed in the Terrace...”, поэтому моменты, когда главный герой оставался один дома и мог пригласить гостей, случались довольно редко. Предположим, что Виртудес и Рамон выбрали данный округ ввиду ограниченности финансовых возможностей. В ситуациях знакомства с родителями девушек Диаз предлагает вести себя как «белый» американец: “Run a hand through your hair like the whiteboys do even though the only thing that runs easily through your hair is Africa”, и после недолгого общения с ними с облегчением отмечает, что родители не относятся к нему с опасением: “...you’ll see that you don’t scare her, not really”. Подобную реакцию автора можно объяснить тем, что за несколько лет жизни в США он привык сталкиваться с предвзятым отношением, основанном на стереотипах и предрассудках о латиноамериканцах, мигрантах или жителях определенных кварталов.

Юниор приглашал большую часть девушек поужинать в местные кафе и рестораны и по пути обсуждал с ними школу, локальные новости или рассказывал историю о том, как у одного из соседей в подвале взорвался баллончик со слезоточивым газом, и вся округа почувствовала на себе один из инструментов войны. Важной рекомендацией читателю Диаз считает опустить детали о том, что этот способ применялся Соединенными Штатами Америки в Доминиканской Республике в 1965 году, а его характерный сильный запах легко узнаваем для тех доминиканцев, которые пережили военную интервенцию, среди которых была и мать автора: “Don’t tell her that your moms knew right away what it was, that she recognized its smell from the year the United

States invaded your island”. Отметим стремление писателя-мигранта делиться с читателем не только личным и культурным опытом, но и историческим прошлым своей родины, оказавшим влияние на формирование жизненных ориентаций нескольких поколений доминиканцев, а также имеющим глубокое значение для их коллективной памяти.

Затем Юниор описывает своего злейшего врага, Хоуви (Howie), которого часто встречал по дороге в кафе — пуэрториканского школьника, выгуливающего двух собак бойцовской породы: “Hope that you don’t run into your nemesis, Howie, the Puerto Rican kid with the two killer mutts”. Тактика, которой придерживался главный герой при встрече с Хоуви состояла в том, чтобы позволить ему высказаться и не реагировать на его провокации. По прибытии в ресторан, Юниор советует делать заказ на «ломанном испанском»: “Order everything in your busted-up Spanish”, тем самым позволяя латиноамериканкам исправить его ошибки или впечатляя своим билингвизмом девушек, не владеющих испанским языком. Автор использует эту уловку и другие приемы, поскольку ему сложно дается взаимодействие с незнакомыми людьми, так как он склонен к интроверсии: “You are not good at talking to people you don’t know”. Далее Диаз описывает типичный разговор за столом, во время которого его интерес вызывает мнение собеседницы о доминиканцах: “You’ll wonder how she feels about Dominicans”, однако он не делится подробностями с читателем. Сам факт подобного рода любопытства автора иллюстрирует, что он продолжает считать себя доминиканцем, а не американцем. При описании обратного пути писатель использует иронию, гиперболу и олицетворение, говоря о том, что загрязняющие вещества превратили закаты Нью-Джерси в одно из чудес света: “Pollutants have made Jersey sunsets one of the wonders of the world”. Затем Юниор рассказывает о том, как после возвращения в его дом они с приглашенной девушкой проводят время за телевизором, а также делится своими наблюдениями относительно того, что многие американки не могут отличить латиноамериканцев от испанцев, вместе с тем, имеют знания испанского языка на уровне восьмого

класса школы: "...pronounced with her eighth-grade Spanish...". Кроме того, главный герой рекомендует одаривать девушек комплиментами: "Tell her that you love her hair, that you love her skin, her lips, because, in truth, you love them more than you love your own", вместе с тем признаваясь читателю, что он не любит себя. Рассказ заканчивается советами автора о том, как нужно правильно прощаться и как следует вести себя после подобных вечеров.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Tía – тётя (1)
2. Malcriado – невоспитанный человек (1)
3. Campo – деревня, сельская местность (1)
4. El Cibao – название района в Доминиканской Республике известного своими плодородными землями и сельским хозяйством (1)
5. Loco – сумасшедший (2). В разговорной речи может использоваться как шутливое или дружеское обращение
6. Bermúdez – марка доминиканского рома (1)
7. Lo hice – "Я это сделал" (1)

"No face"

В рассказе "No face" представлено описание дня из жизни Израэля, мальчика, носившего маску, о котором шла речь в самом первом рассказе сборника (см. рассказ "Ysrael"). Основанием для подобного распределения последовательности рассказов может являться желание автора не смешивать основную сюжетную линию, посвященную судьбе главного героя и членам его семьи, с описанием жизни второстепенных персонажей. Ключевым отличием рассказа "Ysrael" от "No face" является то, что в последнем повествование ведется от третьего лица, а герой Юниор де лас Касас, как и привычные нам комментарии автора от его лица, полностью отсутствуют. Восстановив хронологию событий по деталям, которые дает Диаз, читатель понимает, что временные рамки обоих рассказов совпадают.

Рассказ начинается с пробуждения Израэля, которое начиналось с того, что он надевал маску и отправлялся в сад для занятий спортом, размышляя о жизни: "He knows that he should go but the morning fog covers everything and he

listens to the roosters for a while”. Судя по крику петухов, мальчик просыпался раньше всех в доме для того, чтобы успеть потренироваться, тем не менее, услышав, что члены его семьи проснулись, он внезапно принимался бежать со двора. Абстрактное объяснение причин, по которым ему нужно было скрыться до того, как он столкнется лицом к лицу с родственниками, обнаруживается только в самом конце рассказа и связано с отцом Израэля. Едва выйдя за пределы собственного участка, ребенка настигают ставшие привычными насмешки от соседских детей: “No Face! a few yell out but he has no time for them”. Сначала он появляется в зоне баров, где обычно можно найти оброненную мелочь и купить себе что-то на завтрак, например, традиционную кукурузную лепешку: “Today he finds enough coins in the tall crackling weeds to buy a bottle of soda or a *johnnycake*” [Dominican Johnny Cakes or Yaniqueque]. В полдень он отправляется в местную церковь, где знакомый священник (Father Lou) угощает его кофе и занимается с ним чтением и письмом: “At the hottest part of the day Lou lets him into the church with its bad roof and poor wiring and gives *him café con leche* and two hours of reading and writing”. Автор изображает священнослужителя следующим образом: “He looks like one of those Cuban shopkeepers in his shorts and *guayabera*”, обращая внимание на то, что он носит традиционную для некоторых стран Латинской Америки (в том числе для Доминиканской Республики) мужскую одежду. Из предыстории появления такой рубашки известно, что изначально она появилась на Кубе, а с течением времени приобрела популярность и в других испаноговорящих государствах [El Nuevo diario]. Отметим, что писатель проводит четкую границу, указывая на то, что мужчина похож именно на кубинского торговца, а не на доминиканского, по нашему мнению, это объясняется тем, что, согласно некоторым источникам, национальная доминиканская рубашка подобного типа может несколько отличаться и также именоваться *chacabana* [Historymiami; El Nuevo diario]. Отец Лу, помимо прочего, каждую неделю покупает Израэлю комиксы, после прочтения которых у него появляется желание помогать каждому встречному, а также занимается с ребенком

английским языком, поскольку, как упоминалось в рассказе “Ysrael”, операцию мальчику будут делать американские врачи. Далее путь Израэля лежит к дому его подруги, глухонемой девочки, с которой они проводят некоторое время на улице, общаясь на языке жестов, но на ее приглашения войти внутрь он всегда отказывается: “He never went into *casas ajenas*”. Во время обеда Израэль считает оставшиеся с утра монеты и планирует, что может на них приобрести, однако местные дети внезапно атакуют его, и деньги выпадают из его рук: “Four boys tackle him and the coins jump out of his hand like grasshoppers”. Спаситься мальчику удастся лишь спустя некоторое время после перебранки, драки и непродолжительных издевательств со стороны нападавших. Когда Израэль убегает от преследователей за него заступает владелица местного салона красоты: “You better leave him alone, the owner of the beauty shop says but no one ever listens to her, not since her husband left her for a Haitian”. Это утверждение наглядно иллюстрирует описанную ранее стигматизацию и демонстрирует то, насколько многим доминиканцам важно быть выше жителей Гаити минимум на ступень, иначе говоря, в глазах доминиканской общественности сам факт того, что муж владелицы салона красоты предпочел ей гаитянку приравнивается к потере ею авторитета и репутации. В контексте данного рассказа мы можем отследить, что подобное отношение к выходцам из Гаити уже не является примером личного мнения членов семьи де лас Касас, как это представлено в других рассказах (см. “Ysrael” и “Aguantando”), а может считаться укоренившейся в коллективном доминиканском сознании закономерностью, выступающей в роли шаблона при оценке и характеристике гаитян. По дороге, продолжая скрываться от нападавших, Израэль забегает в храм и прячется, тем самым, наконец, избавляясь от преследования, в то время как монастырский садовник окончательно прогоняет детей, не позволяя им дожидаться ребенка за воротами. Диаз, изображая садовника, угрожавшего нападавшим на мальчика, использует оксюморон: “The boys throw rocks against the door of the church but then Eliseo, the groundskeeper says, Boys, prepare for hell, and runs his machete on

the sidewalk”. Мы предполагаем, что добросердечность и положение Отца Лу не позволяли ему проявлять любого рода агрессию в сторону обидчиков мальчика. Примечательно, что несмотря на то, что церковь для Израэля является тем местом, где он всегда может найти спасение и помощь, а также своего рода вторым домом (возможно, даже первым, с учетом того, как мало времени он проводит с семьей на территории своего участка), автор не дает информации о том, прививал ли священник ребенку любовь к Богу, и являлся ли мальчик верующим. Далее священник начинает обрабатывать раны Израэля, оставленные ему преследователями, в то время как писатель иллюстрирует повторяющиеся ночные кошмары Израэля, в которых огромный боров съедает половину его лица, при том, что мальчик ничего не может с этим сделать: “When he awakens he’s screaming and blood braids down his neck; he’s bitten his tongue and it swells and he cannot sleep again until he tells himself to be a man”. Подобные сны отражают реальную ситуацию, произошедшую с Израэлем в младенчестве, после которой маска стала неотъемлемой частью его жизни. Диаз также описывает то, как Отец Лу отвозит мальчика в специальную клинику на плановый прием, касающийся его состояния. Доктор осматривает Израэля и приходит к заключению о том, что проблем со здоровьем у него нет, однако вопросы, связанные с поездкой в США для проведения челюстно-лицевой хирургии, врач либо игнорирует, либо дает косвенные ответы, например, “We’ll get him there eventually”. Мальчика не пугает отсутствие точной даты операции, поскольку у него обнаруживается множество страхов, сопряженных с хирургическим вмешательством и его последствиями: “He’s scared of the operations and scared that nothing will change, that... doctors will fail like the *santeras* his mother hired...”. Автор обращает внимание читателя на то, что мать Израэля в попытках излечить повреждения на лице сына даже нанимала особых знахарей (*santeras*), которые молятся духам для исцеления и защиты людей. Сантерия (*Santería*) также распространена на территории других Латиноамериканских стран, например, на Кубе и относится к религиозным верованиям [Раевская,

2024: 243]. Диаз также кратко освящает увечья других детей, с которыми Израэль встретился в клинике.

Рассказ заканчивается тем, что автор описывает утро следующего дня, когда Израэль просыпается от сильной боли из-за вчерашней драки и похода к врачу и видит во дворе своего младшего брата по имени Песао (Pesaо). Наблюдая за взаимодействием братьев, читатель осознает, что Песао также страдает от какой-то болезни: “...when he rubs the four-year-old’s head he feels the sores that have healed into yellow crusts”. Затем появляется мать мальчиков, отдает маску старшему сыну и напоминает ему о том, что ему нужно скрыться до того, как выйдет отец: “He knows what happens when his father comes out”. После этого Израэль надевает маску и убегает. Писатель не раскрывает читателю тайну отношений мальчика с отцом.

Несмотря на то, что Израэль относится к персонажам второго плана, мы можем отметить, что его фигура важна не сколько для сюжета, столько для самого главного героя в лице автора. Мы приходим к выводу, что в данном рассказе второстепенный герой определенным образом раскрывает характер главного героя. Диаз повествует о тяжелой судьбе мальчика, о трагическом инциденте, произошедшем в его детстве и наложившим отпечаток на его дальнейшую жизнь, о частой жестокости и несправедливости мира по отношению к нему, что не может не вызвать глубокое чувство сострадания, вместе с тем, автор интуитивно указывает на силу его духа, внутренний стержень и мужество в преодолении трудностей на пути к своим целям: “he’s unbeatable”, “under his mask he smiles”, “he says STRENGTH”, “he tells himself to be a man”, “nobody’s faster”. Судя по тому, как часто писатель обращает внимание читателя на нравственно-волевые качества героя, они искренне восхищают автора, поэтому можно предположить, что так или иначе он хотел равняться на Израэля и брать с него пример. Тем не менее, помимо трудностей, в жизни Израэля есть разные увлечения и стремления, ежедневный распорядок дня, настоящие друзья, покровители и заветная мечта о том, что однажды ему не нужно будет носить маску, возможно, каких-то из этих элементов не

хватало в жизни самого писателя, поэтому обстоятельства судьбы Израэля, вынуждавшие Диаза рефлексировать о важности преобладания духовных ценностей над материальными, навсегда оставили след в его душе.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Guanábana tree – тропическое дерево Гуанабана
2. Café – кофе (3)
3. Tío('s) – дядя (3)
4. Copucos – термин, используемый в некоторых странах Латинской Америки, (включая Доминиканскую Республику), означающий небольшие сельскохозяйственные участки, где фермеры выращивают различные культуры, обычно для собственного потребления (1)
5. Johnnysake – традиционная кукурузная лепешка, особенно распространенная в некоторых карибских и южных регионах США (2)
6. Café con leche – кофе с добавлением горячего молока. Популярный способ подачи кофе в испаноязычных странах, особенно на завтрак (1)
7. Casas ajenas – чужие дома (1)
8. Padre – отец (6)
9. Viejo – старик, старый человек (1)
10. Guayabera – традиционная рубашка, популярная в Латинской Америке, в особенности на Карибах (1)
11. Lechosa – папайя (1)
12. Осоа – название провинции в Доминиканской Республике (4)
13. Fincas – земельный участок, на котором ведется сельское хозяйство (1)
14. Garza – цапля (1)
15. Santeras – женщины, которые практикуют сантерию, религиозную традицию, основанную на африканских и карибских верованиях, включающих в себя поклонение духам и предкам (1)

“Negocios”

Последний рассказ сборника посвящен эмиграции и жизни отца автора в США. Диаз сообщает, что Рамон, планировавший поездку долгое время, занял большую сумму денег у разных людей на острове и уехал до того, как Юниору исполнилось четыре года. Вместе с тем, писатель называет простым везением тот факт, что его отцу все же одобрили визу, и отмечает, что это стало его последней удачей на родине: “The last of his luck on the Island, considering that Mami had recently discovered he was keeping with an overweight

puta he had met while breaking up a fight on her street in *Los Millonitos*". Далее писатель описывает события, которые происходили в их доме после того, как Виртудес узнала об изменах мужа, незадолго до его отъезда. Острая фаза конфликта между супругами длилась неделю, после чего Рамон принял решение пожить некоторое время отдельно от семьи: "After a fork pierced him in the cheek, *Papi* decided to move out, just until things cooled down". Через пару дней Рамону приснился сон о том, что ему не достались деньги на поездку, обещанные ему дедушкой автора, поэтому он отправился домой для того, чтобы обсудить со свекром семейные разногласия и дальнейший план действий. Диас обращает внимание читателя на то, что его отец тщательно привел себя в порядок перед встречей: "He borrowed a clean mustard-colored *guayabera* from a friend, put himself in a *concho* and paid our *abuelo* a visit". В данной фразе автор употребляет сразу три реалии – *guayabera*, *concho* и *abuelo*, первую из них мы упоминали выше (см. рассказ "No face"), так, принимая во внимание то, что отец автор автора являлся патриотом, можно предположить, что он целенаправленно выбрал именно национальную рубашку, например, чтобы произвести положительное впечатление на консервативного старика, продемонстрировав тот факт, что, невзирая на необходимость покинуть Доминиканскую Республику, любовь к родине навсегда останется в его душе. В свою очередь, *concho* или *carros de concho* – название маршрутного такси, распространенного бюджетного вида городского транспорта в Доминиканской Республике [VisitaRepublicaDominicana.org]. Согласно данным 2018 года, данный вид транспорта был самым популярным в стране и составлял 80% от всех средств передвижений, используемых доминиканцами [ElCaribe]. Вместе с тем, имя своего дедушки, в отличие от остальных членов семьи, автор не раскрывает, всегда называя его *abuelo*, за исключением единственного раза, когда он использует словосочетание "Mami's father". Отношение дедушки к происходящему в доме автор выражает следующим образом: "*Abuelo* sighed, he'd had it up to his *cojones* with this spat", что можно перевести как «он был сыт по горло этой ссорой», тем не менее, свекор не

вмешивается в конфликт супругов. Рамон первым начинает разговор, предварительно сняв шляпу, тем самым выразив уважение старшему в доме, после чего клянется, что все, что старик мог слышать, является неправдой. Предположим, что Рамон не смог признаться в своих изменах, поскольку испугался того, что свекор передумает спонсировать его поездку в США, и он лишится денег как во сне, увиденном им накануне встречи. Большую часть разговора отец и дед автора обсуждают слухи и разлад между супругами, абсолютно не затрагивая финансовый вопрос. Так, Рамон, обвиняя во лжи соседку жены, утверждает, что его единственной целью является перевезти семью в Соединенные Штаты Америки, чтобы улучшить уровень жизни: “All I want for your daughter and our children is to take them to the United States. I want a good life for them”. Судя по тому, что отец автора оговаривает других людей, чтобы скрыть свою вину, нельзя сказать наверняка, действительно ли благополучие его семьи стоит для него на первом месте. Далее Рамон начинает разговор о деньгах, прибегая к манипуляции: “If you don’t think I can do anything for your daughter then I won’t ask to borrow that money”. Старик думает долгое время, прежде чем что-то ответить зятю (“The sun could have set twice on his deliberations but with his eyes quitting, his farm in Azua now dust and his *familia* in need, what could he really do?”), затем сообщает, что верит ему, дает ему несколько советов о том, как следует вести себя в контексте семейных отношений и уверяет, что сгладить разногласия супругов поможет осведомленность Виртудес о скором отъезде мужа. В ту же ночь Рамон возвращается домой и возобновляет попытки помириться с женой, но она, зная правду, реагирует на них агрессивно “...she slapped or kicked him”. Кроме того, женщина переселяется в детскую комнату и начинает значительно меньше времени проводить дома: “She slept with the children and stayed out of the house as often as she could, visiting her relatives in other parts of the *Capital*. В это время у Рамона появляется возможность проводить больше времени с детьми, однако одобрительной оценки действий отца со стороны Диаза не наблюдается: “*Papi* slouched about for a month, taking us to kung fu movies we

couldn't understand and drilling into us how much we'd miss him". Юниор отмечает, что несвойственное его матери безмолвие было очень суровым ("In a house as loud as ours, one woman's silence was a serious thing") и единственным желанием его отца на тот момент было прекращение молчания. Однако она продолжала вести себя прежним образом.

Рамон приобрел билет на самолет на следующий день после того, как свекор передал ему денежные средства, пожелав, чтобы его дети гордились отцом: "Make your children proud". Подобного рода напутствие не только объясняет, почему дедушку Диаза по итогу убедили слова зятя о стремлении обеспечить своей семье лучшую жизнь, так как это совпадало с желанием самого старика, но и является подтверждением важности института семьи в латиноамериканской концептосфере. Вместе с тем, «любовь к родительскому дому и семье в мировоззрении уроженцев Латинской Америки часто естественным образом пересекается с глубокой привязанностью к родным краям и национальной гордостью» [Говорова, 2023: 72]. Пытаясь вызвать у Виртудес хоть какие-то эмоции помимо равнодушия и безразличия, муж размахивал билетом перед ее лицом, но женщина лишь устало кивнула, так как накануне уже собрала его вещи. В день отъезда она была по-прежнему холодна: "She didn't kiss him when he left", но разрешила детям попрощаться и сказала им передать отцу, чтобы он скорее возвращался. Последние слова, которые Виртудес произнесла, обращаясь к мужу, были строгим указанием помнить о том, откуда у него появились деньги на поездку. Следующая встреча супругов состоится только через пять лет.

В четыре утра следующего дня глава семьи прилетел в Майами, сэкономив на билете, однако его конечной целью был Нью-Йорк: "*Nueva York* was the city of jobs, the city that had first called the *Cubanos* and their cigar industry, then the *Bootstrap Puerto Ricans* and now him". Здесь писатель характеризует образ экономической столицы страны с точки зрения исторических концептов, сопряженных с взаимоотношениями США с островными государствами, особенно знакомых и понятных большинству латиноамериканцев. В первом

случае речь идет о шестидесятих годах прошлого века, периоде после введения Соединенными Штатами Америки санкций против Кубы, когда кубинские производители-эмигранты были приглашены в Северную Америку в качестве экспертов на табачное производство, часть которого впоследствии также перенесли в Доминиканскую Республику и другие страны, где открылись фабрики, продолжавшие поставки сигар в США [TabaCuba]. Автор также затрагивает пуэрториканский *Bootstrap*, под которым подразумевается ряд проектов, направленных на предоставление налоговых льгот американским компаниям, открывшим свои предприятия на территории острова с целью модернизации экономики Пуэрто-Рико [Toro]. Возможно, размышления о потоках мигрантов и осознание того факта, что другие латиноамериканцы, побывавшие в США, действительно имели возможность улучшить качество своей жизни и достичь успеха, помогали главе семьи справляться с тревогой и беспокойством о будущем в новой стране. Мужчина не владел английским языком, поэтому столкнулся с трудностями уже в аэропорту, поскольку не мог найти выход: “Everyone was speaking English and the signs were no help”. Юниор отмечает, что среди небольшого количества вещей, которые привез с собой его отец, была пачка сигарет, половину которой Рамон выкурил в аэропорту, а оставшуюся часть выбросил на выходе из терминала, что характеризует мужчину как несколько импульсивного и нервного человека, не всегда способного самостоятельно справиться с состоянием перенапряжения. Кроме того, в мыслях главы семьи постоянно возникало неосознанное сравнение привычного ему ранее мира с тем, что он увидел по прибытии в Северную Америку. По причине, которую не называет автор, вид на Майами напомнил мужчине одного из руководителей национально-освободительной борьбы кубинского народа против испанцев: “A vast stretch of cars, distant palms and a highway that reminded him of the *Máximo Gómez*”. Предположим, что отсылка к рожденному в Доминиканской Республике главнокомандующему повстанческой армией может быть связана с тем, что для отца автора, пережившего интервенцию США 1965 года

[Платошкин, 2012], эта страна подсознательно продолжала ассоциироваться с врагом, с которым нужно бороться за независимость.

На выходе из терминала к главе семьи на испанском языке обратился один из водителей такси, тем самым вызвав его доверие, далее между ними состоялся небольшой разговор, в котором Рамон признался, что все, что у него есть на территории США — это пара рук и каменное сердце “I got two hands and a heart as strong as a rock”, после чего таксист повез мужчину в отель, где он мог бы остановиться на ночь по приемлемой цене. По дороге глава семьи мысленно отмечал заметное экономическое процветание американского государства, которое для него выражалось в мелочах. Автор не объясняет, почему водитель такси владел испанским языком, однако подчеркивает, что тот был очень добр к его отцу, поскольку сделал ему скидку на поездку, дал несколько советов, касающихся основных составляющих в жизни эмигранта — работы и местожительства, а также напоследок искренне пожелал Рамону удачи. Несмотря на то, что таксист привез отца автора к отелю, мужчина изначально рассматривал вариант переночевать на уличной скамье ради экономии денежных средств, однако незнакомая обстановка и загадочные англоязычные знаки нервировали его: “At first he considered saving money by sleeping outside on a bench but he was without guides and the inscrutability of the nearby signs unnerved him”. Вновь обдумав перспективы, среди которых обнаруживалась возможность быть депортированным за какое-либо нарушение (“How many before him had gotten this far only to get sent back for some stupid infraction?”), он принял решение заселиться в отель, поскольку понимал, что его жизнь в эмиграции во многом зависела от удачи и непредсказуемости судьбы: “He knew othat the slightest turn of fortune could dash him”. Трудности, начавшиеся в аэропорту, продолжились при заселении в гостиницу во время обсуждения условий проживания и цены за ночь: “He had difficulty understanding the man at the desk, but finally the man wrote down the amount for a night’s stay in block numbers. Room *cuatro-cuatro*, the man said”. Как можно наблюдать из приведенной цитаты, по итогу взаимопонимание все же

было достигнуто, в том числе благодаря базовым знаниям испанского языка администратором. В номере отеля глава семьи включил радио, принял ванну, побрился и уснул в беспамятстве. Писатель отмечает, что сны, которые видел его отец в эмиграции, никоим образом не были связаны с семьей: “He didn’t dream about his *familia* and wouldn’t for many years”, поскольку единственное, о чем на тот момент мечтал Рамон, были деньги. Юниор также упоминает, что на момент приезда в Северную Америку его отцу было 24 года, возможно, тем самым оправдывая неверно расставленные им приоритеты. На следующее утро Рамон, делая зарядку в своем номере, столкнулся с пожилой латиноамериканской горничной и инициировал с ней диалог, посоветовав ей тоже выполнять упражнения, на что получил любопытный ответ: “If you had a job, she said, you wouldn’t need exercise”. Примечательно, что по одному высказыванию Рамона женщина сразу поняла, что мужчина не трудоустроен, так как с высоты своего опыта знала, что работа для эмигрантов в США — это тяжелый многочасовой труд, который зачастую вытесняет другие занятия и после которого не остается сил на физическую активность. Далее Диаз отмечает практичность и педантичность своего отца, который во время жизни с Виртудес всегда стирал, гладил и доводил все свои вещи до идеального состояния, считая это мужской обязанностью: “Razor creases on his pants and resplendent white shirts were his trademarks”. Писатель делится с читателем тем, что, переночевав в отеле, его отец сразу же отправился на поиски работы, предварительно позаботившись о презентабельности своего внешнего вида, благодаря чему он выглядел как иностранный турист, а не как нелегальный мигрант: “Dressed as he was, trim and serious, *Papi* looked foreign but not *mojado*”. Следует подчеркнуть, что лексема *mojado*, используемая не только в Доминиканской Республике, применяется по отношению к лицам, незаконно эмигрировавшим именно в Соединенные Штаты Америки [La ASALE]. В этом абзаце автор также делает историческому отсылку к длительному периоду правления одного из президентов Доминиканской Республики, оказавшему значительное влияние на умы ряда поколений, к которым относился и его

отец: “His generation had, after all, been weaned on the sartorial lunacy of the *Jefe*, who had owned just under ten thousand ties on the eve of his assassination”. С учетом представленной автором характеристики в данном описании можно легко узнать коллекционировавшего галстуки и убитого заговорщиками диктатора Рафаэля Трухильо, о котором мы также упоминали в рассказе “*Aguantando*” [Chicago Public Library].

Рамону не только повезло трудоустроиться на второй день пребывания в Северной Америке, но и заселиться в апартаменты, которые он разделил с тремя мигрантами из Гватемалы: “That first day he chanced on a share in an apartment with three Guatemalans and his first job washing dishes at a Cuban sandwich shop”. Данный пример иллюстрирует то, как приезжие латиноамериканцы стараются держаться вместе и искать работу так или иначе связанную с взаимодействием в знакомой языковой среде, так как чувствуют себя «чужими» на территории принимающей их страны. Кроме того, следует отметить, что подобные заведения общественного питания, открытые выходцами из Латинской Америки на территории США, всегда пользовались и продолжают пользоваться популярностью у постоянно увеличивающейся латиноамериканской целевой аудитории, которая таким образом имеет возможность сохранять связь со своими корнями и традициями. Диаз утверждает, что кубинская закусочная, куда устроился работать его отец, изначально являлась американским кафе, в котором теперь преимущественно звучал испанский язык и чувствовался специфический запах молочного поросенка, блюда, распространенного в испаноязычных странах: “Once an old *gringo* diner of the hamburger-and-soda variety, the shop now filled with *Óyeme*’s and the aroma of *lechón*”. Рамон хорошо уживался с двумя из трех соседей по квартире, братьями по имени Стефан (Stefan) и Томас (Tomás) по фамилии Эрнандес (Hernández), чья история напоминала ему его собственную: мужчины также приехали на заработки из Латинской Америки в США, оставив семью на родине. Братья часто делились с Рамоном своим опытом жизни в эмиграции или давали мудрые советы, например, “working at a *fábrica*

will kill you long before any *tíguere* will”. Третий сосед, Эулалио (Eulalio), который занимал самую большую комнату в квартире и имел машину, не понравился главе семьи с первого взгляда. Автор отмечает, что Эулалио прожил в Северной Америке около двух лет, поэтому при первой встрече обратился к его отцу на английском языке, однако после отсутствия ответа со стороны Рамона переключился на испанский, сделав ему своего рода замечание: “You’re going to have to practice if you expect to get anywhere”. Невзирая на то, что рекомендацию Эулалио можно назвать полезной, Рамон, навсегда запечатлев в памяти эту фразу, впоследствии нарочно не станет практиковать английский в присутствии соседа.

Условия жизни в съемной квартире, как и условия труда, насчитывавшие 16 часов в сутки, оставляли желать лучшего: “*Papi* slept in the living room, first on a carpet whose fraying threads kept sticking to his shaved head, and then on a mattress he salvaged from a neighbor”. Вместе с тем, Рамон старался находить время на то, чтобы читать газеты и книги (автор не уточняет, на каком языке) или проводить время вне дома. Юниор говорит о том, что приятное удивление и изумление были основными чувствами, которые испытывал его отец, прогуливаясь по окрестностям города, поскольку его увлекала упорядоченность американских домов и машин, а также очаровывала красота латиноамериканок, проживавших на территории США. Глава семьи находил объяснение различий в том, что простые доминиканки не имели возможности правильно питаться и пользоваться косметикой, производимой в Северной Америке: “...*Latinas*, who had been transformed by good diets and beauty products unimagined back home”, тем не менее, он также обращал внимание на то, что все они, в отличие от женщин на Острове, были неприветливы “...beautiful but unfriendly women”. Вечера после работы несколько раз в неделю отец автора проводил в баре в компании Эулалио, так как братья были склонны проводить время вдвоем, тем не менее, иногда они все же возвращались домой поздно ночью, громко обсуждая произошедшее и наступая на Рамона, спавшего на полу: “The brothers would stumble home late, stepping on *Papi*, howling about

some *morena* who had spurned them to their faces”. По словам автора, в баре Эулалио любил предаваться ностальгии: “Eulalio liked to talk about the *finca* he had come from, a large plantation near the center of his country”, тем самым поддерживая в своем сердце любовь к родной стране, а также каждый раз рассказывал одну и ту же историю о своей возлюбленной, которая и оплатила ему поездку в США: “She was the one who lent me the money to come here. Can you believe that?”. Наряду с этим сосед всегда говорил о том, что рано или поздно планирует отправить ей деньги. Обмен воспоминаниями о минувших событиях тяготил Рамона, поскольку для него это было лишним напоминанием о его ошибках и нерешенных проблемах в семье. Вместе с тем, он держал в памяти, произнесенные после долгого молчания последние слова Виртудес о необходимости помнить о том, кто спонсировал его поездку. За разговорами проходило несколько часов, во время которых отец Юниора наблюдал за женщинами, после чего оплачивал счет и уходил в одиночестве. По пути домой он заводил разговор с незнакомцами, некоторые из которых приглашали его провести в их компании остаток вечера: “Occasionally drunkards would stop at his Spanish and invite him to a house where men and women were drinking and dancing”. В один из таких вечеров Рамон впервые начал практиковать английский язык: “It was with these strangers that he practiced his fledgling English, away from Eulalio’s gleeful criticisms”. По возвращении в апартаменты глава семьи, предпочитавший жить сегодняшним днем, всеми силами старался избегать мыслей о доме: “He abstained from thoughts of home, from thoughts of his two bellicose sons and the wife he had nicknamed Melao”. Автор отмечает, что, рассказывая о своей семье соседям по квартире, его отец не называл свою жену ее настоящим именем, используя выдуманное (Melao), предположительно, это происходило из-за того, что упоминание ее настоящего имени ранило его. Кроме того, у Рамона был особый способ для борьбы с тоской по родине, сопровождавшей его на протяжении многих лет: “Whenever he felt weak, he’d take from under the couch

the road map he bought at a gas station and trace his fingers up the coast, enunciating the city names slowly, trying to copy the awful crunch of sounds that was English”. Глава семьи де лас Касас приобрел карту, на которой виднелось северное побережье Доминиканской Республики, куда он прокладывал маршрут при помощи своих пальцев, одновременно изучая топонимы на английском языке, который казался ему ужасным хрустом. Подобного рода образ действий можно считать ярким проявлением одного из синдромов мигрантов, о которых мы писали в разделе 2.3.2.

Новый этап в жизни Рамона наступил спустя несколько месяцев, зимой, когда он покинул Майами. Диаз кратко поясняет причины произошедших изменений: глава семьи потерял работу, трудоустроился в другое место, но зарплаты не хватало, чтобы оплачивать аренду жилья. Вместе с тем, Рамон вычислил, что Эулалио ничего не платил за аренду, однако братьям Эрнандес это было безразлично, поскольку им не нужен был конфликт с тем, кто каждый день возил их на работу на своей машине. Писатель также отмечает, что к этому времени его отец уже мог изъясняться на английском языке с носителями: “Besides, *Papi* had figured out from a few calculations and from talking to the *gringa* downstairs (who now understood him) that Eulalio wasn’t paying *culo* for rent”. Рамон посчитал такое положение вещей несправедливостью, так как большая часть его зарплаты уходила именно на оплату проживания комнаты в квартире, после чего принял решение отправиться в Нью-Йорк. По словам автора, у этой истории есть два разных конца: “There are two stories about what happened next, one from *Papi*, one from *Mami*: either *Papi* left peacefully with a suitcase filled with Eulalio’s best clothes or he beat the man first, and then took a bus and the suitcase to Virginia”. Второй вариант наиболее вероятен, поскольку следующий абзац Диаз начинает с фразы о том, что из Виргинии его отец добирался пешком, чтобы впоследствии сэкономить деньги, отложенные на коммунальные расходы по рекомендации опытных мигрантов. Юниор одобряет решение отца и отмечает, что остаться без жилья в Нью-Йорке приравнивается к катастрофе: “To be homeless in *Nueva*

York was to court the worst sort of disaster”. По пути в экономическую столицу США замерзшего и обессиленного Рамона несколько раз подвозили проезжавшие машины, водители которых проявили к мужчине жалость: “Twice he hitched rides from truckers who took pity on the shivering man and just outside of Delaware a K-car stopped him on the side of I-95”, однако Диаз обращает особое внимание читателя на эпизод, когда машина сотрудников правоохранительных органов, заметив мужчину на дороге, начала притормаживать. В тот момент в голове Рамона, срок действия визы которого истек почти два месяца назад, было много домыслов и страхов, большинство из которых было основано на том, что он слышал о действиях полицейских от других мигрантов: “He’d heard plenty of tales about the North American police from other illegals, how they liked to beat you before they turned you over to *la migra* and how sometimes they just took your money and tossed you out toothless on an abandoned road”. Глава семьи допускал мысль о том, что его могут арестовать и депортировать “...if caught, he’d go home in chains”, но все же предпочел не скрываться от служителей закона. В этот раз Рамону улыбнулась удача, поскольку сотрудники правоохранительных органов предложили ему составить им компанию в дороге. Во время разговора с полицейскими мужчина вел себя довольно сдержанно и давал короткие ответы на их вопросы, например, несколько раз выражая согласие одним словом — “jes” (yes), одновременно передающим сильный акцент отца Юниора. Вместе с тем, Рамон, чтобы не вызывать лишних подозрений, несколько изменяет привычную речеповеденческую стратегию, так, например, мужчина впервые в жизни произносит название экономической столицы США так, как это свойственно жителям Северной Америки, являющимися носителями английского языка: “New York, he said, carefully omitting the *Nueva* and the *Yol*”. Примечательно, что на вопрос о своем происхождении Рамон отвечает, что он из Майами, пытаясь скрыть свои латиноамериканские корни. В данном случае Диаз не комментирует, как именно его отец произнес название американского города-курорта, несмотря на то, что произношение на английском и испанском

языках отличается. Кроме того, глава семьи сообщил им, что он музыкант и играет на аккордеоне. После чего один из служителей закона искренне удивился и обратился к Рамону: “I didn’t know you spiks played it too. What kind of polkas do you like?”, используя лексическую единицу *spiks*, применяющуюся в английском языке в качестве неуважительного обозначения выходцев из Латинской Америки [Cambridge Dictionary Online]. Однако второй полицейский объяснил ему, что на Кубе этого жанра танцевальной музыки и танца не знают: “They don’t play polkas in Cuba”. Анализируя данную коммуникативную ситуацию, мы можем видеть иллюстрацию сразу нескольких стереотипов. В первую очередь, переживания отца автора, связанные со стереотипом о бессердечности и жестокости сотрудников правоохранительных органов США, сформировавшиеся на базе рассказов и предвзятости других латиноамериканских мигрантов, были напрасны, поскольку полицейские не только не проверили документы Рамона, но и бесплатно подвезли его. Иначе говоря, принятый среди выходцев из Латинской Америки описанный образец восприятия информации, основанный на прошлом социальном опыте, в этом случае не соответствует реальности. Во-вторых, в данном контексте подтверждается стереотип, о котором мы писали в разделе 2.6.1 Латиноамериканский лингвокультурный типаж в американском кинодискурсе, о том, что «белые» американцы не разбираются в этнической принадлежности латиноамериканцев, уравнивая их всех между собой, как и произошло в данном случае, когда один из служителей закона решил, что Рамон является кубинцем. Полицейские высадили отца Диаза в городе Трентон, неофициально считающимся столицей штата Нью-Джерси [Livejournal, 2021], в котором прошли юношеские годы автора. Писатель говорит о том, что его отец чувствовал огромное облегчение от того, что не оказался в тюрьме: “He was so relieved not to be in jail that he didn’t mind walking the four hours it took to summon the nerve to put his thumb out again”. Принимая во внимание тот факт, что главе семьи понадобилось целых четыре часа, чтобы собраться с духом, мы можем сделать вывод о том, что жизнь нелегальных

эмигрантов сопряжена с сильнейшим страхом депортации. Подчеркнем, что здесь обнаруживается прямая взаимосвязь со внутренней борьбой, состоящей из тоски по родине и одновременно нежелании быть отправленным обратно. Первое письмо домой Рамон написал только после того, как нашел жилье и трудоустроился в Нью-Йорке: “As soon as he secured his apartment and two jobs, one cleaning offices and the other washing dishes, he started writing home”. Учитывая свой предыдущий опыт, мужчина устроился сразу на две работы, чтобы иметь возможность отправлять деньги семье. Писатель делится с читателем тем, что суммы, которые отец начал прикреплять к письмам, зачастую заставляли его находиться в затруднительном материальном положении “...these were arbitrary sums that often left him broke and borrowing until the next payday”. Возможно, глава семьи чувствовал себя виноватым за то, что несколько месяцев не давал о себе знать или же таким образом пытался искупить вину перед женой, и вскоре его усилия принесли свои плоды, так как Виртудес простила мужа: “Mami forgave him for what he had done and told him who else had left the *barrio*, via coffin or plane ticket”. По этой и другим фразам, например, “The trickles of money he sent back were not premeditated like those sent by his other friends...” Диаса можно заметить, что в те годы эмиграция с острова набрала особую популярность.

В первый год жизни в Нью-Йорке Рамон каждый день работал около двадцати часов в сутки. Тяжелые условия труда и жизни вызывали у главы семьи проблемы со здоровьем: “Out in the cold he coughed explosively, feeling as if his lungs were tearing open from the force of his exhales and in the kitchens the heat from the ovens sent pain corkscrewing into his head”. Кроме того, он имел возможность читать и писать послания только тогда, когда обессиленный возвращался с работы: “He was so tired from working that he misspelled almost everything and had to bite his lip to stay awake”. В одном из писем он также пообещал билеты для жены и детей. Примечательно, что в моменты, когда читатель начинает испытывать симпатию к персонажу Рамона благодаря его трудолюбию и стремлению позаботиться о своей семье, Юниор раскрывает

детали, из-за которых отношение к его отцу становится неоднозначным. Так, например, фотографии, которые Виртудес прислала мужу, он сначала показал своим коллегам, а потом убрал в кошелек и забыл об их существовании. Более того, несмотря на недомогание, глава семьи решил найти себе американскую жену: “He was sick often but was able to work through it and succeeded in saving up enough money to start looking for a wife to marry”. По словам автора, это известная в США мошенническая махинация для получения гражданства, о которой его отец узнал на работе. Об условиях сделки Рамон узнал на встрече, которую ему организовали его коллеги: услуга знакомства с американкой составляла 50 долларов, однако гарантий того, что оно закончится браком не предоставлялось. Изначально отец Диаза был настроен скептически, и даже планировал найти новую жену самостоятельно, но после того, как в разговоре упомянули взаимодействие с миграционной службой, Рамон изменил свое мнение и согласился заплатить. К тому времени у мужчины уже был стабильный доход, он мог позволить себе и отправлять денежные средства домой, и тратить их на себя. Вместе с тем, автор обращается к читателю и утверждает, что нельзя говорить о том, что Рамон наслаждался жизнью в Северной Америке, потому что его несколько раз грабили и избивали: “...it wasn't that he was having fun. No, he'd been robbed twice already, his ribs beaten until they were bruised”, а также не скрывает и тот факт, что у его отца появились проблемы с алкоголем, и что тот, по возвращении с работы проклинал США, климат, тараканов в квартире, свою глупость и ограниченное существование. Равным образом у его отца не было времени на сон, друзей или развлечения. Далее автор использует лексический повтор, добавляя негативную частицу, которая вдвойне подчеркивает отрицательный смысловой оттенок фразы: “No, he wasn't having fun but he also wasn't ready to start bringing his family over”. Исходя из этих обстоятельств глава семьи пришел к выводу о том, что заключение брака на территории Соединенных Штатов Америки не только позволит ему перестать быть нелегальным мигрантом, но и поможет ему подняться на ступень выше по социальной

лестнице. После недолгих раздумий и обсуждения с коллегами, Рамон согласился оплатить услугу. На встрече с гражданкой США Рамон заподозрил, что у женщины есть латиноамериканские корни, поэтому спросил, доминиканка ли она. Американка вела себя скрытно и не распространялась о деталях, после чего отец Юниора предположил, что у нее кубинское происхождение, на что получил следующий ответ: “One thousand dollars and you’ll be too busy being an American to care where I’m from”. Оплата в размере тысячи долларов за фиктивный брак показалась мужчине огромной суммой, но, видя сомнения клиента, американка предложила ему скидку. На следующий день Рамон принес ей восемьсот долларов в обмен на чек-подтверждение. Начальник и сослуживцы главы семьи были в курсе всего происходящего, поэтому пригласили его в местное кафе отметить сделку. Тем не менее, вскоре Рамона начали одолевать сомнения, поскольку никакой информации с момента оплаты ему не поступало. Спустя неделю отец автора осознал, что его обманули: “A week later *Papi* lay in bed, drunk, alone, knowing full well that he’d been robbed”. Отомстив коллегам, мужчина потерял очередную работу и вынужден был сменить апартаменты, оставив для будущих жильцов записку на чеке, который ему выдали мошенники: “Before he left his flat, he wrote an account of what had happened to him on the pink receipt and left it on the wall as a warning to whatever fool came next to take his place”. С учетом того, что таким образом Рамон лишился почти всех своих накоплений, следующие полгода он не имел возможности отправлять деньги семье.

Далее автор повествует о моменте, в который его отец встретил женщину, с которой проведет следующие несколько лет своей жизни: “She was originally from *La Romana*, but like so many Dominicans had eventually moved to the *Capital*”. По замыслу судьбы Нильда (*Nilda*) также оказалась доминиканкой, возможно, именно этот факт ее биографии способствовал тому, что Рамон обратил на нее особое внимание, так как при первой встрече они обсуждали родину и на этой почве нашли множество точек соприкосновения. Диаз не говорит о том, были ли у его отца чувства к этой

женщине, однако отмечает, что Нильда, прожив несколько лет в США, имела американское гражданство, о чем был осведомлен его отец. Тактика покорения новой знакомой состояла в том, чтобы попросить у нее помощи с английским языком, поскольку она владела им на уровне носителя, а у Рамона все еще оставался сильный акцент. Мужчина пригласил Нильду на доминиканскую вечеринку в честь Рождественского сочельника, где его друзья приготовили традиционные доминиканские блюда и где обсуждалась родная для собравшихся страна: “He sat with two older women and their husbands, a plate of food on his lap (potato salad, pieces of roast chicken, a stack of *tostones*, half an avocado and a tiny splattering of *mondongo* out of politeness to the woman who’d brought it) and talked about his days in *Santo Domingo*. Нильда жила в собственном доме в Бруклине: “She owned the top floor of a house on a bleak quiet street in Brooklyn”. В выходные дни она приглашала Рамона для занятий английским языком в свое жилье, где он и познакомился с ее дочерью по имени Милагрос (Milagros), когда в очередной раз готовил одно из блюд кубинской национальной кухни “*ropa vieja*”: “His *ropa vieja* was his best dish and he was glad to see he had surprised her”. Невзирая на то, что женщина все рассказала отцу Юниора о своем прошлом, бывшем муже и детстве Милагрос, Рамон ни разу не упомянул о наличии своей собственной семьи, оставшейся в Доминиканской Республике. Спустя несколько недель Нильда приняла ухаживания Рамона, и вскоре он переехал к ней жить, после чего они сыграли свадьбу: “Within a month *Papi* moved out of his apartment into her house in Brooklyn. They were married in March”. Диаз сообщает читателю, что его отец, продолжая работать на двух работах, располагавшихся рядом с его новым домом, снова начал заниматься спортом и восстановил подорванное здоровье, поскольку ему больше не нужно было перенапрягаться и платить за аренду. На одной из своих работ он поделился тем, что его семья осталась на острове: “One day, while adding up his totals, *Papi* told these men about his *familia* in *Santo Domingo*”. Вероятно, не имея возможности делиться деталями о своем прошлом с новой женой, мужчина продолжал тосковать по семье, поэтому

испытывал необходимость рассказать кому-то о Виртудес и сыновьях. Один из коллег сказал Рамону, что тот не может забывать о своих родных, потому что он оказался в США в первую очередь благодаря им, на что отец автора ответил, что сейчас совсем не подходящее время для того, чтобы перевозить его семью из Доминиканской Республики. Вместе с тем, назвать достойных причин Рамон не смог, поэтому произнес лишь то, что все его средства уходят на оплату электричества. Диаз отмечает, что подобные разговоры и разглагольствования отца не заставляли его чувствовать угрызения совести, так как деньги он больше не присылал: “These harangues must not have bothered his conscience much because that year he sent no money”. Спустя некоторое время Нильда все же выяснила, что у мужа все это время была другая семья на родине: “Nilda learned about *Papi's* other *familia* from a chain of friends that reached back across the Caribe”. Тем не менее, отцу Юниора довольно быстро удалось убедить ее в том, что он давно не вспоминает о прошлом. Примечательно, что у женщин Рамона было несколько общих знакомых на Острове, через которых они обе получали информацию о мужчине: “He’d been fortunate in that when *Mami* reached back across a similar chain of immigrants to locate *Papi* in the north, he’d told her to direct her letters to the restaurant he was working at and not to Nilda’s home”. Отношения новоиспеченных супругов начали быстро портиться, так как вдобавок Рамон не прилагал никаких усилий для налаживания отношений “...*Papi* didn’t act the part of the husband”, а его новая жена много работала: “As with most of the immigrants around them, Nilda was usually at work”. Здесь писатель обращает внимание читателя на то, что основную часть жизнь мигрантов составляет работа, как до, так и после получения американского гражданства. Несмотря на то, что пара проводила вместе вечера после работы, их взаимодействие было максимально ограничено: “...She...spent her time off sewing and listening to the radio, getting up only to bring Ramón a beer or change the channel for him”. Судя по представленной фразе, описывающей специфику брака Нильды и Рамона, можно сказать, что женщина действительно любила мужа, чего нельзя сказать

об отце Диаза, который оставался с ней из эгоистических соображений ради комфортного существования.

Далее автор повествует о лучшем друге отца в то время: “*Papi’s* best friend at this time, and Nilda’s neighbor, was Jorge Carretas Lugones, or Jo-Jo as he was commonly known in the *barrio*”. Тот факт, что Хорхе (Jorge) имел латиноамериканские корни также подтверждает наши наблюдения о том, что многие мигранты в ситуации выбора нового круга общения отдают предпочтение «своим», иначе говоря, осознанно выбирают оставаться на определенном уровне ассимиляции в новом социокультурном контексте. Хо-Хо был успешным бизнесменом и успевал подрабатывать на нескольких работах: “Jo-Jo owned two hot dogs carts and co-owned a grocery store... while driving a taxi and working as a translator and letter-writer for a local *patrón*”. Рамон и Хорхе имели похожее чувство юмора и часто проводили время в местном баре. Кроме того, мужчины разделяли политические взгляды, лучший друг отца Диаза также являлся патриотом, что он открыто проявлял за счет внешних атрибутов: “On the street, he wore a *pava*, angled in the style of the past, carried a pen and all the local lotteries in his shirt pockets...”. Писатель говорит о том, что Хо-Хо видел в Рамоне брата, которому мог оказать помощь: “Jo-Jo saw in *Papi* another brother, a man from a luckless past needing a little direction”. Хорхе был осведомлен о второй семье Рамона, часто давал своему другу различные советы и однажды предложил ему открыть собственный бизнес, выкупив дело самого Хо-Хо, связанное с продажей хот-догов. Загвоздка была в том, что Рамон не хотел заниматься пищевой промышленностью, о чем он и сообщил Хорхе. Аргументом друга стал тот факт, что способность управлять ресторанным бизнесом можно отнести к одной из составляющих национального доминиканского характера: “You Dominicans got restaurants in your blood”. После этих слов Рамона начали одолевать сомнения, и он стал сравнивать себя с другими мигрантами: “While most of the men around him were two-times broke, he had seen a few, fresh off the boat, shake the water from their backs and jump right into the lowest branches of the American establishment”. Отец

Юниора пришел к выводу о том, что он не был готов начинать бизнес с нуля, однако продолжал колебаться до того момента, пока Хорхе не упомянул его семью, оставшуюся на Острове. Все варианты будущего развития событий, которые лучший друг Рамона описывал ему, включали в себя тот факт, что мужчине, наконец, удастся перевезти свою доминиканскую семью в США: “Each scenario his friend proposed ended with *Papi’s familia* living safely within his sight, showering him with love”. Это очевидная манипуляция оказалась действенной, и у него уже не оставалось сомнений в том, что покупка одного из предприятий Хорхе обязательно поможет ему воссоединиться с семьей. Фигура Хо-Хо в сознании Рамона была непосредственно связана с концептом родственных связей и домом, поскольку несколько раз в год его друг спонсировал приезд отдельных членов своей семьи в США. Глава семьи каждый раз сопровождал его в аэропорт, где Хорхе представлял его как своего брата, после чего все обнимались и плакали. Автор обращает внимание читателя на то, что в такие моменты его отец на месте прибывших обычно представлял свою жену и детей: “It was a simple matter for Ramón to rearrange the faces of the arrivals and see his wife and his children there”, что говорит о том, что он продолжал мечтать о воссоединении с ними, невзирая на то, что он уже некоторое время не выходил с ними на связь и перестал отправлять им деньги. Тем не менее, после некоторой внутренней борьбы и частого обсуждения этой темы с лучшим другом, Рамон все же решил вновь возобновить переписку с Виртудес, которая, в свою очередь, продолжала отправлять мужу письма, в последних из которых обвиняя его в том, что он бросил семью. Вместе с этим решением в жизни отца Диаза начался новый этап. Мужчина нашел новую работу и впервые за несколько лет жизни в Америке вышел за рамки сообщества мигрантов: “It was the first time he had moved outside the umbra of his fellow immigrants”. Новые условия труда требовали не только значительных физических усилий со стороны главы семьи (“*Papi* was too exhausted”), но и отнимали несколько часов на дорогу, однако ключевым преимуществом являлась оплата в тройном размере. На новом рабочем месте

отец Юниора, выбравший «модель взаимного дистанцирования и укрепления собственной идентичности» (см. раздел 2.3.2), круг общения которого до этого ограничивался латиноамериканскими мигрантами, столкнулся с новой проблемой — процветающим расизмом со стороны североамериканского «белого» населения: “The racism was pronounced”. Далее автор посвящает несколько абзацев описанию конфликтов Рамона с коллегами, в которых он и его новый друг Чуито (Chuito) всегда оставались виноватыми, тем не менее, отмечает их трудолюбие и последующее смирение с расстановкой сил в ситуации.

Отношения супругов основательно испортились после рождения их общего ребенка, которого назвали в честь отца и к которому Рамон был абсолютно равнодушен. Во время одной из перепалок мужчина, наконец, сообщил Нильде о том, что у него есть еще дети, после чего их взаимодействие больше напоминало общение враждующих соседей. Однажды Чуито рассказал главе семьи о строящемся микрорайоне недалеко от Нью-Джерси, куда требовался распорядитель и предложил ему рассмотреть вариант смены работы и переезда после завершения строительства. Отец Диаза сразу же представил себе, как сможет начать жизнь с чистого листа и перевезет свою семью из Доминиканской Республики в США. С того момента Рамон начал откладывать деньги на покупку билетов на самолет для Виртудес и сыновей. Возможно, Нильда чувствовала, что их отношения подходят к своему логическому завершению, или ощущала необходимость перемен, поскольку в один из дней заявила о том, что в ближайшее время планирует поехать в Доминиканскую Республику, аргументировав это тем, что ей хотелось встретиться с родителями (“I want to see my *viejos*”) и тем, что их ребенку необходимо побывать на родине (“...he should see his patria”). Отец автора выразил желание поехать с ней. Супруги прилетели в Санто Доминго на пять дней и остались в доме родственников Нильды. В первый же вечер она спросила у Рамона, собирается ли он навестить свою доминиканскую семью, и разговор, который они оба так долго откладывали, в конечном итоге

состоялся. Мужчина сообщил, что не знает наверняка, будет ли у него время, чтобы встретиться с ними, но при этом подчеркнул, что если бы сама Нильда захотела бы пойти на встречу со своим первым мужем, то он бы не стал возражать. Женщина также уточнила, осведомлена ли Виртудес о ее существовании, на что Рамон ответил согласием, однако соврал ей о том, что это не имеет значения: “Of course she knows about you. Not like it matters now. She’s out of the picture completely”. На этом обсуждение темы закончилось.

Диаз детально описывает эмоциональное состояние отца начиная с момента посадки в самолет, где его охватило чувство безграничной радости и уверенность в собственном будущем, которые вскоре сменились сомнениями и нерешительностью. По словам писателя, глава семьи не был готов к тому, что увидел по возвращении на родину: “Seeing the country he’d been born in, seeing his people in charge of everything, he was unprepared for it”. Он совершенно отвык от местного климата, который показался ему ужасным (“an awful heat”), кроме того, Юниор отмечает, что для его отца было непривычно повсеместно слышать родную речь: “For nearly four years he’d not spoken his Spanish loudly in front of the Northamericans and now he was hearing it bellowed and flung from every mouth”. Несмотря на то, что он чувствовал себя приезжим (“He felt like a tourist”), на протяжении всей поездки его не покидало ощущение бедности, которое казалось ему одновременно знакомым и удушающим: “The poverty — the unwashed children pointing sullenly at his new shoes, the *familias* slouching in hovels — was familiar and stifling”. Равным образом, взаимодействуя с семьей Нильды, для которых ему нужно было поддерживать образ «нового успешного американского мужа» (“the new successful husband from the North”), его постоянно одолевало чувство ностальгии и тоски по тому, какой была его жизнь в Сантьяго: “...and remembered the many times he’d done the same, up in Santiago, his first home, where he no longer belonged”. Юниор утверждает, что его отец несколько раз планировал навестить свою семью, однако в последний момент решимость осуществить задуманное покидала его: “He tried to see his *familia* but each time he set his mind to it, his resolve scattered

like leaves before a hurricane wind”. Вместо этого Рамон бесцельно прогуливался по знакомым улицам, общался и выпивал со старыми друзьями. Далее Диаз рассуждает о том, мог ли его отец подходить к их дому или наблюдать за ним издалека, но приходит к выводу о том, что отсутствие отца в его жизни являлось для него чем-то привычным (“His absence was a seamless thing to me”), и что даже если его мать знала о том, что глава семьи был в городе, то детям она ничего не сказала.

Вернувшись в США, Рамон впал в депрессию и долго не мог вернуться к рутине, впервые за много лет он взял больничный на работе и проводил время за телевизором или в баре с Чуито. Конкретных причин такого поведения писатель не называет, но мы можем предположить, что мужчина не смог смириться с тем, что почувствовал себя чужим на родине или не смог простить себе то, что не воспользовался случаем увидеть свою семью. Спустя некоторое время у супругов родился третий сын, который также был назван в честь отца, однако теперь их отношения начали окончательно портиться, поскольку после вечеров в баре со своим другом отец Юниора стал реже появляться дома. Тем не менее, в один из летних дней Рамон получил серьезную травму на работе: “For two days he couldn’t move, not even his head”, все это время Нильда и ее дочь от первого брака бережно заботились о нем. Через несколько дней, когда мужчина почувствовал себя лучше, он решил подать в суд на владельца компании, в которой работал, чтобы ему возместили ущерб за причинение вреда здоровью. Невзирая на то, что Нильда и Чуито не одобрили эту идею, Рамон был уверен, что у него были все шансы выиграть дело, в связи с тем, что он официально являлся американским гражданином: “I’m not an illegal, he said. I’m protected”. Жена попыталась отговорить его, основываясь на стереотипах об американцах, сложившихся в коллективном сознании выходцев из Латинской Америки, проживающих на территории Соединенных Штатов: “Do you think the *gringo* will part with his money like that? The reason they’re so pale is because they’re terrified of not having any *plata*”. Однако Рамон был решительно настроен получить компенсационные

выплаты. В этой связи Диаз приводит в пример похожую историю своего дедушки по отцовской линии, Хосе Эдилио (José Edilio), который аналогичным образом пытался получить от компании деньги, но в результате потерял ногу: “For the old man that foot was an investment, an heir-loom he cherished and burnished, until half of it had to be amputated because the infection was so bad”. Рамон, в свою очередь, добился лишь трехнедельного больничного листа и понижения в должности. В своих неудачах он обвинил Нильду, после чего она выставила его за дверь, однако спустя время простила и приняла назад. Вместе с тем, глава семьи продолжал избегать выполнения домашних обязанностей, лишь изредка играя с детьми, самый младший из которых напоминал ему Юниора, из-за чего он несколько раз путал их имена: “The third Ramón resembled *Papi*’s other sons and on occasion he’d say, Yúnior, don’t do that”. Спустя некоторое время отец автора, так и не оправившись окончательно после травмы, постепенно пришел к заключению о том, что пришло время переехать от Нильды и подумать о своей семье, оставшейся в Доминиканской Республике: “His first *familia* was the logical destination”. Через несколько месяцев была завершена постройка нового микрорайона недалеко от Нью-Джерси, о котором говорил Чуито. Друг главы семьи одолжил ему деньги и договорился о съеме квартире, после чего Рамон начал поэтапно перевозить свои вещи. Последним диалогом супругов стало обсуждение того, куда и почему исчезает одежда мужчины, но у него, по-видимому, не хватило мужества признаться в своем решении уйти от жены, поэтому он в очередной раз обманул ее.

Далее Диаз повествует о том, как спустя много лет он приехал по адресу, который дала ему мать, чтобы познакомиться с Нильдой: “We sat and drank and finally talked, two strangers reliving an event — a whirlwind, a comet, a war — we’d both seen but from different faraway angles”. Женщина поделилась с ним воспоминаниями о том дне, когда Рамон навсегда ушел, и о своей боли, которую, по ее словам, скорее всего также испытывала Виртудес. Нильда также рассказала о том, что ее мужу дали двухнедельный отпуск, о котором

она ничего не знала, во время которого он отправился в Доминиканскую Республику. Диаз не посвящает читателя в детали этой поездки, что заставляет читателя задуматься о том, какой была встреча Рамона с семьей и детьми. Юниор и Нильда проговорили до поздней ночи, затем она пригласила его в ресторан, которым владела, но увидев людей внутри через своё отражение в стекле, автор решил отправиться домой: “She suggested I go to her restaurant but when I got there and stared through my reflection in the glass at the people inside, all of them versions of people I already knew, I decided to go home”.

Представим список используемых автором слов-реалий, выступающих в качестве лексических маркеров национальной идентичности доминиканских мигрантов и частоту их употребления:

1. Santo Domingo – столица Доминиканской Республики (4)
2. Papi('s) – уменьшительно-ласкательное обращение к отцу (129)
3. Mami('s) – уменьшительно-ласкательное обращение к матери (16)
4. Puta('s) – (обценная лексика), используется как оскорбление (7)
5. Los Millonitos – топоним (1)
6. Guayabera(s) – традиционная рубашка, популярная в Латинской Америке, в особенности на Карибах (2)
7. Concho – маршрутное такси в Доминиканской Республике (1)
8. Abuelo – дедушка (8)
9. Cojones – (обценная лексика) (1)
10. Viejo(s) – старик/и (3)
11. Chisme – сплетня, слухи (1)
12. Capital – столица (5)
13. Nueva York – Нью-Йорк (4)
14. Cubanos – кубинцы (1)
15. Café – кофе (2)
16. Calle Ocho – улица в районе Майами, известная своей кубинской культурой и праздниками (1)
17. Mojado – нелегальный иммигрант (1)
18. Máximo Gómez – имя известного доминиканского генерала и героя войны за независимость Кубы (1)
19. Latina(s) – латиноамериканка/и (3)
20. Morena – темнокожая, смуглая (1)
21. Maromas – трюки, маневры (1)
22. Blanco(s) – белый/е (2)
23. Puto – (обценная лексика), используется как оскорбление (2)
24. Pendejo – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)

25. Compadre – друг (3). Используется для обращения к близкому другу или человеку, с которым есть особая связь
26. Fulano – кто-то, незнакомец, обычный человек (1)
27. Ten cuidado – "будь осторожен" (1)
28. Pascua – Пасха (1)
29. Familia('s) – семья (21)
30. La Romana – город в Доминиканской Республике, известный своими курортами и пляжами (1)
31. la Noche Buena – вечер перед Рождеством (1)
32. Tostones – жареные зеленые бананы, популярное блюдо карибской кухни (1)
33. Mondongo – это традиционное блюдо, приготовленное из потрохов, с овощами и специями (1)
34. Telera – тип хлеба, популярный в Латинской Америке (1)
35. Quinceañeras – традиционная церемония, посвященная пятинадцатилетию девушки (1)
36. Ropa vieja – традиционное кубинское блюдо, состоящее из тушеного мяса с овощами и специями (1)
37. Pollo guisado – традиционное блюдо из тушеной курицы (1)
38. Maldito – проклятый (2)
39. Arroz negro – черный рис (1)
40. Sancocho – густой суп или рагу, популярное блюдо карибской кухни (1)
41. Platanos - разновидность бананов, часто используемых в рецептах карибской кухни (1)
42. Pava – традиционная шляпа (1)
43. Porquería – грязь, хлам, ерунда (1)
44. Patrón – начальник, главный (1)
45. Yuca – маниока, корнеплод, часто используемый в рецептах карибской кухни (2)
46. Barrio – район, также используется для обозначения местного сообщества (7)
47. San Juan – столица Пуэрто-Рико (1)
48. Plata – деньги (2)
49. El Pico – название известного бренда латиноамериканского кофе (1)
50. Lechón – это жареный поросенок, популярное блюдо в Латинской Америке и на Карибах (1)
51. Negocio(s) – бизнес, переговоры (4)
52. Desgraciado – неудачник (1)
53. Cabrón – в контексте рассказа используется как оскорбление и как разговорное обращение между друзьями (1)
54. Hombre – мужчина (1)
55. Finca – земельный участок, на котором ведется сельское хозяйство (1)
56. Peon – представитель низшего класса, низкоквалифицированный рабочий (1)
57. Óyeme's – "послушай меня", призыв к вниманию (1)
58. Come mierda – (обсценная лексика), используется как оскорбление (1)
59. Brugal – известный бренд рома из Доминиканской Республики, который имеет широкую популярность как в стране, так и за ее пределами. (1)
60. Tíos – дядя и тетя (1)

61. Calle XXI – топоним (1)
62. Santiago – второй по величине город в Доминиканской Республике, известный своей историей и культурой (1)
63. Fábrica – завод, фабрика (2)
64. Tíguere – молодой человек, уличный хулиган (1)
65. Cuatro cuatro – номер 44 (1)
66. Maricón – (обценная лексика), используется как оскорбление (1)
67. Larimar – редкий голубой камень, обнаруживающийся только в Доминиканской Республике (1)
68. Abrazos – объятия (1)
69. Gringo(s) – используется для обозначения «белых» иностранцев в Латинской Америке (3)
70. Gringa – используется для обозначения «белой» женщины в Латинской Америке (1)
71. Culo – (обценная лексика) (1)
72. Jes – вариант написания и произношения английского слова "yes" на испанском языке (2)
73. Nueva Yol – Нью-Йорк (с особенностями доминиканского произношения) (1)
74. Mucho – много (1)
75. Las Tres Marías – топоним (1)
76. Vieja – старушка (1)
77. Río Piedras – район в Пуэрто-Рико, известный своей культурой и историей (1)
78. Panín – дружеское обращение, распространенное в Пуэрто-Рико (1)
79. Nada – ничего (1)
80. Bobo – глупец (1)
81. Guagua – автобус (4)
82. Alcázar de Colón – исторический памятник в Санто-Доминго (1)
83. Hígado – печень (1)
84. Colmado(s) – небольшой магазин или лавка (2)
85. Jesú – обращение к Богу (с особенностями доминиканского произношения) (1)
86. Botánica – магазин, где продаются товары для практики афро-карибских религий, таких как Сантерия (1)
87. Bodega – термин, используемый для обозначения небольшого магазина или склада, особенно в испаноязычных странах (1)
88. Mi hija – моя дочь (1)
89. Hijo – сын (1)
90. Café con leche – кофе с добавлением горячего молока. Популярный способ подачи кофе в испаноязычных странах, особенно на завтрак (1)

С учетом представленных нами всех слов-реалий, обнаруженных в униге, мы можем составить номинативное поле ключевых концептов сборника рассказов “Drown” в виде следующих таблиц:

Табл. 1. Номинативное поле концепта «семья»

Номинант	Количество	Синоним, количество	Перевод	Примечание
Family, families	29	Familia(s), 14	Семья	Важный номинант
Mother	36	Mom(s), 15	Мать	В рассказе “Aguantado” также один раз встречается слово <i>madrina</i> (крестная мать)
Mami(‘s)	120	Мама, 1; Madre, 0	Мама	Ключевой номинант
Papi(‘s)	198	Father, 40; dad, 4	Папа	Ключевой номинант
Pop(s)	8	Padre(s), 0	Родители, отец	
Brother(s)	43	Hermanito, 1	Брат	Слово <i>hermano</i> встречается один раз в разделе «благодарности автора»
Sister	8	Hermana, 0	Сестра	Упоминается в контексте младшей сестры автора (Madaí), рожденной на территории США
Abuelo(s)	35	Grandfather, 0; grandpa, 0; Mami’s father, 1	Дедушка	Слова у <i>los abuelos</i> встречаются один раз в разделе «благодарности автора»
Abuela(s)	2	Grandmother (grandma), 0	Бабушка	Не используется в контексте семьи автора
Tío(‘s)	25	Uncle(s), 2	Дядя	Муж младшей сестры матери автора
Tía(‘s)	32	Auntie/aunt, 0	Тетя	Младшая сестра матери автора
Tíos	5	Aunt and uncle, 0	Дядя и тетя	В рассказе “Fiesta, 1980” обнаруживаем упоминание их имен Yrma и

				Miguel соответственно.
Son(s)	30	Hijo, 1	Сын	Слово <i>hijo</i> используется при обращении второй жены отца Диаза к Юниору
Daughter	7	Hija, 1	Дочь	Обращение отца автора к дочери его жены от второго брака
Husband	8	Esposo/marido, 0	Муж	
Wife	9	Esposa, 1	Жена	

Табл. 2. Номинативное поле концепта «дом/место жительство»

Номинант	Количество	Перевод	Примечание
Home	72	Дом	Ключевой номинант, в тексте сборника на испанском языке эта лексема используется только при упоминании фамилии (de las Casas) и в выражении “casas ajenas”
House(s)	71	Дом	Ключевой номинант
The United States (The States)	16	США	В качестве синонима один раз используется слово <i>Northamerica</i>
Barrio	15	Район	Важный номинант
Campo	11	Деревня	Место, где автор проводил лето
the Capital	10	Столица	Автор часто использует выражение “Back in the Capital”
Santo Domingo	9	Санто-Доминго	Столица Доминиканской Республики
(The) Island	9	На острове, дома	Включая Our island (два раза), подразумевающее родину и your island (один раз раз)
Quisqueya	4	Кискея	Индийское название Доминиканской Республики
back home	4	На родине	Имеется в виду дом, в котором жила семья в Доминиканской Республике

Santiago	2	Сантьяго	Название города, в котором в детстве жил автор
Dominican Republic	1	Доминиканская Республика	Родина автора
Patria	1	Родина	В контексте рассказов речь идет о Доминиканской Республике
the Caribe	1	Карибы, Острова Карибского бассейна	Еще один раз используется в контексте народной медицины (“old Caribbean cure”) в рассказе “Boyfriend”

Табл. 3. Номинативное поле концепта «мигрант»

Номинант	Частота употребления	Синоним	Перевод
Spik(s)	2	Spic	нелегальный мигрант из Латинской Америки (уничижит.)
Mojado	1	inmigrante ilegal en los Estados Unidos	нелегальный иммигрант
An illegal,	1	illegal immigrant(s)	нелегальный иммигрант,
Illegals	1		нелегальные иммигранты
FOB	1	fresh-off-the-boat	новоприбывший иммигрант, не успевший ассимилироваться с культурой, языком и поведением принимающей страны и продолжающий придерживаться своих этнических идей и практик.
chain of immigrants	1	-	диаспора

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что доминирующими темами, которые затрагиваются автором в каждом из рассказов, являются разноплановые связи с родом, корнями и местом жительства, а также то, насколько остро эти вопросы стоят в жизни

эмигрантов. В настоящее время Джуно Диаз проживает в Соединенных Штатах Америки, преподает писательское мастерство в Массачусетском технологическом институте (США) и является защитником прав иммигрантов и почетным председателем некоммерческой образовательной программы DREAM Project, обслуживающей тысячи детей в Доминиканской Республике [NBC NEWS].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В данной главе, посвященной отражению лингвокультурной идентичности латиноамериканских мигрантов в художественном тексте мы осуществили многоаспектный анализ содержания сборника рассказов “Drown”, в котором от лица писателя рассказывается об укладе жизни бедной доминиканской семьи, нарушенном из-за вынужденной эмиграции отца с целью устройства на работу в экономической столице Соединенных Штатов Америки и последующей эмиграции всех членов семьи де лас Касас. Для Джуно Диаза, автора книги, переезд в США в юном возрасте стал судьбоносным событием, которое оказало ключевое влияние на структуру его личности и тесно связано с его лингвокультурной идентичностью. Чувство личностного отождествления писателя с латиноамериканскими культурными образцами и его личностно-психологические параметры позволяют нам исследовать особенности индивидуального стиля Джуно Диаза наряду со своеобразием репрезентации местного колорита, портрета и речевой характеристики персонажей, которые сопровождаются национально-детерминированным языковым воплощением их национальной идентичности.

Во всех рассказах сборника автор повествует о различных этапах своего жизненного пути, на каждом из которых при помощи межотраслевых отсылок и различных средств художественной выразительности он реалистично описывает отличительные черты временного периода, когда разворачивались основные описываемые события, а также передает отдельное содержание эмоционально-ценностного освоения героями как доминиканской, так и американской действительности при помощи глоссария, представленного в конце книги. Вместе с тем, детальная характеристика форм и способов взаимодействия героев в социальных контекстах до и после эмиграции в США, дало нам возможность выявить и систематизировать лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие их выбор языковых

средств во время речевого общения. Кроме того, на всем протяжении книги мы имеем возможность наблюдать при помощи каких средств в каждом из рассказов характеризуется специфика латиноамериканской идентичности сквозь призму лингвокультурной парадигмы и каким образом происходит процесс ее модификации под гнетом новых обстоятельств, в терминах и рамках новой культуры.

Проведенный нами анализ идейно-эстетических доминант содержания книги и лингвокогнитивных доминант текста позволил нам охарактеризовать культурно-обусловленные модели поведения и ценностные установки доминиканских мигрантов, вывести национальную специфику их лингвокультурной идентичности посредством определения культурно-значимых лексических единиц и выявления основных дифференциальных признаков идентичности, а также составить корпус маркеров идентичности латиноамериканских мигрантов, проживающих на территории США. Реконструировав и проанализировав национальную специфику лингвокультурной идентичности доминиканских мигрантов посредством выявления основных маркеров их идентичности и когнитивно-прагматического потенциала культурно-значимых лексических единиц, мы также составили основные номинативные поля ключевых концептов сборника рассказов "Drown".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всестороннее исследование образа мыслей латиноамериканских мигрантов позволило нам в значительной степени раскрыть и описать основные параметры их идентичности, закрепленные в их национально-культурном сознании. Подвергнув анализу разного рода особенности их идентичности мы в первую очередь обратили внимание на ее проявления, имеющие языковое выражение и находящих свое отражение в дискурсивных практиках.

Выявленные нами закономерности нашли отражение в следующих основных выводах:

- На протяжении многих веков культурно-исторический опыт латиноамериканцев был сопряжен с тесным взаимодействием со множеством других лингвокультур, что наложило отпечаток на особенности их самоидентификации и способов ее проявления, а также оставило свой неизгладимый след на их коллективной памяти и идентичности.
- Процесс эмиграции обнажает дифференциальные признаки языковой и культурной идентичности латиноамериканцев, являющиеся отражением культурных систем и кодов латиноамериканской культуры, и поднимает вопросы о ее неустойчивости и пограничности.
- Когнитивные пространства латиноамериканских мигрантов имеют свою специфику и непосредственно сопряжены с существующими культурными установками, но ограничены культурными паттернами, которыми они руководствуются в процессе адаптации и социальной интеграции. В случае мигрантов количество подобных рамок сознания увеличивается в виду того, что демаркация между социокультурными реальностями, с которыми им приходится сталкиваться затруднена.
- Проблема двойственности, противоречивость и гетерогенность идентичности латиноамериканских мигрантов становятся особенно

заметны при исследовании их дискурсивных практик и речеповеденческих паттернов в различных коммуникативных ситуациях.

- Ведущей дискурсивной практикой латиноамериканских резидентов США при решении различных коммуникативных задач на английском языке является обращение к родному языку, который выступает в качестве защитного механизма и основного инструмента, помогающего бороться со стрессом.
- Лингвокультурный типаж *Hispanics* в Голливуде включает в себя устоявшиеся линии и формы поведения и существующие стереотипные представления, отражающие определенную часть коллективной реальности данных этнических сообществ. Подобные поведенческие установки, характерные для латиноамериканской лингвокультуры и отличные от американской, преимущественно становятся атрибутами, без которых немислим представленный на американском экране образ латиноамериканцев.
- Основные ценностно-смысловые установки латиноамериканцев, проживающих на территории США, доминируют над американскими, несмотря на значительное влияние американской массовой культуры.
- сборник рассказов “Drown” Джуно Диаса — это достоверный источник информации о культурных смыслах и доминантах, погружающих нас в реальный контекст жизни латиноамериканских мигрантов в США.

Полученные выводы полностью подтвердили гипотезу исследования и положения, выносимые на защиту. Дальнейшие перспективы исследования лингвокультурной идентичности мигрантов определяются возможностью изучить и описать языковые параметры и маркеры идентичности миграционных потоков из Латинской Америки в другие государства, перспективным также представляется анализ и сопоставление английской и испанской версии сборника рассказов “Drown” Джуно Диаса в переводческом

аспекте с целью поиска новых интерпретаций в рамках концептосферы испанского и других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Монографии, учебные пособия, словари, научные статьи***а) на русском языке*

1. Алонци, Р. Миграционные процессы и идентичность ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 28–47. 2020. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2
2. Анисимов, В.Е., Гафиятова, Э.В., Калининкова, Е.Д. Реализация идеи патриотизма в кинодискурсе: на примере российского патриотического кино // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 96—124.
3. Арутюнова, Е. М. Языковая интеграция мигрантов: специфика и сложности в республиканском контексте (кейс Саха (Якутии)) / Е. М. Арутюнова // Россия реформирующаяся. – 2021. – № 19. – С. 426-443. – DOI 10.19181/ezheg.2021.18. – EDN WWDXLX.
4. Барановская, О.Б. Культурные установки как границы индивидуального сознания / О. Б. Барановская, Е. Б. Полянская. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). - Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. - С. 109-111.
5. Бергельсон, М.Б., Некрасова, А.Е. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом. М., 2013. – С. 30-35.
6. Волкова, Я. А. Коммуникативные типажи: опыт системного описания / Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2022. – 162 с.
7. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: (Теория и методы) / В. В. Воробьев. - Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. - 331 с.
8. Говорова, Л.А. Когнитивные параметры идентичности латиноамериканских мигрантов / Л. А. Говорова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 170-173.

9. Говорова, Л.А. Лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов (на материале американского медийного дискурса) / Л. А. Говорова, Л. В. Лебедев // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 74-77.
10. Говорова, Л.А. Отражение лингвокультурной идентичности и коллективной памяти в песенном дискурсе XX и XXI веков (на материале испанского языка) / Л. А. Говорова, Е. Г. Балан // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 65-78. – DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-65-78.
11. Говорова, Л.А. Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации мигрантов / Л. А. Говорова, Л. В. Лебедев // Современная лингвистика: ключ к диалогу: Труды и материалы. IV Казанский международный лингвистический саммит, Казань, 13–15 декабря 2023 года. Том 1. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – С. 196-199.
12. Краткий словарь по социологии [Электронный ресурс] / Голованов О.С. (сост.), 2001. - Режим доступа: <https://kratkij-slovar-po-sotsiologii.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.04.2024).
13. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь (Oxford). Москва : Вече : АСТ, 2001, 543 с.
14. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825 – 1853. – М., 1982.
15. Замятин, Д.Н. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия / Д. Н. Замятин // Социологические исследования. – 2010. – № 2(310). – С. 75-82.
16. Зарецкая, А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестник ЧелГУ. 2008. №16. – С. 70-74.
17. Ильичева, И.Л. Семиотические ресурсы выражения идентичности в медийном кластере Брестского региона // Terra Linguistica. 2022. № 2. – С. 47-56.

- 18.Калиненко, В. К. Кросс культурные аспекты психологической помощи // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М., 2001. С. 40 - 63.
- 19.Карабулатова, И. С. Транскультурная личность в миграционных процессах Таможенного союза / И. С. Карабулатова, Ю. Н. Эбзеева // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 5. – С. 189-195.
- 20.Карасик, В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
- 21.Кофман, А.Ф. Истоки магического реализма в латиноамериканской литературе / Кофман, А.Ф. // Латинская Америка – 2015. – № 1. С. 90-100.
- 22.Кофман, А.Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира / А. Ф. Кофман // Ибероамериканские тетради. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 16-40. – DOI 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40.
- 23.Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- 24.Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л.П. Крысин. — Москва: ФЛИНТА, 2021. — 360 с.
- 25.Ларионова, М.В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) / М. В. Ларионова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2(29). – С. 220-224.
- 26.Леонтьев, А.А. и др. (ред.) Национально-культурная специфика речевого поведения. [Текст] / [А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1977. - 352 с.
- 27.Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. – 208 с.

- 28.Международное миграционное право: глоссарий терминов [Электронный ресурс] / Международная организация по миграции (МОМ). Под ред. Р. Перрушу, 2005. - Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/international-migration-law/index.htm> (дата обращения: 20.02.2024)
- 29.Моисеенко, Л. В. Испанский язык в России как инструмент межкультурного диалога / Л. В. Моисеенко // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Сборник научных статей IV Международного конгресса, Ростов-на-Дону, 06–08 октября 2022 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2023. – С. 70-74.
- 30.Моисеенко, Л.В. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности / Л. В. Моисеенко, Н. Ф. Михеева // Mundo Eslavo. – 2020. – № 19. – С. 7–24.
- 31.Мукомель, В.И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018; (2): С. 141-160.
- 32.Нелюбина, Ю.А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения // Челябинский гуманитарий. 2013. №3 (24).
- 33.Новак, Н.И. Функциональные особенности культурной традиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №4. С. 171–177.
- 34.Платошкин, Н.Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года / Платошкин Н. Н. // Университет Дмитрия Пожарского. Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 271 с.
- 35.Радбиль, Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. – 375 с.

36. Раевская, М.М. Латинская и Карибская Америка в фокусе лингвострановедения: новая учебная энциклопедия на испанском языке / М. М. Раевская // Ибероамериканские тетради. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 238-244. – DOI 10.46272/2409-3416-2024-12-1-238-244.
37. Раевская, М.М. Базовые символы национального самоопределения в испанском языке (исторический ракурс) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 67–76.
38. Раевская, М. М. Spanglish как продукт языковой гибридизации в современном социокультурном контексте США / М. М. Раевская // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: Тезисы докладов II Международной конференции, Москва, 25–26 февраля 2021 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2021. – С. 119-120.
39. Резников, Е.Н. Методические проблемы этнической психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 240 с.
40. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.
41. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс] // Люмпен. — Режим доступа: [Люмпен | это... Что такое Люмпен? \(academic.ru\)](#) (дата обращения: 08.05.2023).
42. Современный философский словарь [Текст] / [Азаренко С. А., Андрианов В. М., Анкин Д. В. и др.]; под общ. ред. [и предисл.] В. Е. Кемерова. - [3-е изд., испр. и доп.]. - Москва: Академический проект, 2004.
43. Софронова, Л.А. О проблемах идентичности (предисловие) / Л.А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности / Российская академия наук, Институт славяноведения. – М.: Издательство "Индрик", 2006. – С. 8-24.

44. Стародубова, О.Ю. Медийный дискурс в лингводидактическом аспекте // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 1. С. 26-34.
45. Статья 26 Конституции РФ [Электронный ресурс] // Право определять и указывать свою национальную принадлежность, право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. – Режим доступа: https://altairegion22.ru/gov/pravitelstvo-altayskogo-kraya/administration/stuct/justice_of_the_peace/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosch/Pravovoe-prosveshchenie/Pravo-opredeliat-ukazyvat-svoiu-natsionalnost.php?ysclid=m0xuk32gol260869197 (дата обращения: 11.08.2023).
46. Телеканал 360 [Электронный ресурс] // Поток нелегальных мигрантов в США побил все рекорды. — Режим доступа: [Поток нелегальных мигрантов в США побил все рекорды | Телеканал 360 и Онуфриенко | Дзен \(dzen.ru\)](#) (дата обращения: 20.06.2024).
47. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // Иммигрант. — Режим доступа: [ИММИГРАНТ | это... Что такое ИММИГРАНТ? \(academic.ru\)](#) (дата обращения: 20.01.2023).
48. Хрусталёва, Н.С. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / [Хрусталёва Н. С., Антонова Д. В., Беглер А. М. и др.]; под редакцией д-ра психол. наук, проф. Н. С. Хрусталёвой; Санкт-Петербургский государственный университет. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2018. - 747 с.
49. Чеснокова, О.С. Колумбия в мире испанского языка. М.: Ленанд, 2021. 118 с.
50. Чеснокова, О.С. Фразеологизмы как отражение этнических стереотипов в культуре и профессиональной деятельности испанцев / О.С. Чеснокова // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 71–82.

51. Шаклеин, В.М. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции: монография / В.М. Шаклеин, Цуй Ливэй, С.С. Микова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – 170 с.
52. Шкилёв, Р. Е. Особенности доминикано-американской прозы (на материале произведений Х. Диаса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 204-206.
53. Шуляковская, К. Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов / К. Шуляковская, Л. Хаэт // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей / Культурно-просветительский фонд «Dialogorum». – Будапешт: Selmeczi Bt., 2020. – С. 200-213.
54. Шустова, С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика (ТиПЛ). – 2018. – №4 (2), 114–125. doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_2_114_125
55. Эбзеева, Ю. Н. Образ мигранта в электронно-информационном дискурсе в контексте трансформирующейся идентичности личности / Ю. Н. Эбзеева // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – № 4-5. – С. 38-47. – DOI 10.26653/2076-4685-2017-4-5-04.
56. Этнопсихологический словарь. — М.: МПСИ. В.Г. Крысько. 1999.
57. Livejournal [Электронный ресурс] // Доминиканский завтрак с Тостонес. 27.07.2014. — Режим доступа: [Доминиканский завтрак с Тостонес \(livejournal.com\)](https://livejournal.com) (дата обращения: 30.10.2023).
58. Livejournal [Электронный ресурс] // Трентон – столица штата Нью-Джерси. 26.05.2021. — Режим доступа: <https://samsebeskazal.livejournal.com/464991.html> (дата обращения: 23.10.2023).

59.TabaCuba [Электронный ресурс] // Сигары в США. — Режим доступа: https://www.tabacuba.ru/about_cigars/cigars_in_usa.php. (дата обращения: 10.06.2022).

б) на иностранных языках:

60.17 Dominican Foods You Need to Try [Электронный ресурс] // Nomad paradise. – Режим доступа: [17 Dominican Foods You Need to Try \(nomadparadise.com\)](https://nomadparadise.com) (дата обращения: 19.02.2024).

61.ABC Television [Электронный ресурс] // Loyola Marymount University offers course on Bad Bunny. 05.10.2023. – Режим доступа: [Loyola Marymount University in Los Angeles offers course on Bad Bunny - ABC7 Los Angeles](https://www.lmu.edu/abc7/los-angeles/bad-bunny) (дата обращения 11.11.2023).

62.Albelda Marco, M. La lengua española en América: normas y usos actuales / Albelda Marco M., Briz Gómez A., Calderón Campos M., España Palop E., Fajardo Aguirre A., Fernández de Castro F., Giménez Folqués D, Navarro Gala R., Torres Torres A. Valencia: Universidad de Valencia. Primera edición, 2010.

63.Alianza latinoamericana de fondos de agua. República Dominicana. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [República Dominicana \(fondosdeagua.org\)](https://fondosdeagua.org) (дата обращения: 14.03.2023).

64.Aranguren, J.L. La evolución espiritual de los intelectuales españoles en la emigración. – Barcelona, 1997. – Ed. 5. – 2 t. – pp. 95–105.

65.Ayuda en acción [Электронный ресурс] // Síndrome de Ulises, ¿qué es y cómo se afronta? 03.12.2018. – Режим доступа: <https://ayudaenaccion.org/blog/ayuda-humanitaria/sindrome-ulises/> (дата обращения: 15.10.2023).

66.Bad Bunny [Электронный ресурс] // Wikipedia, la enciclopedia libre. – Режим доступа: [Bad Bunny - Wikipedia, la enciclopedia libre](https://es.wikipedia.org/wiki/Bad_Bunny) (дата обращения: 01.06.2023).

67. Baker, C., & Jones, S. P. Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Philadelphia, PA: Multilingual Matters Ltd, 1998.
68. BBC News [Электронный ресурс] // “No rechazamos a los extranjeros si son turistas, cantantes o deportistas de fama, los rechazamos si son pobres”. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-62251888> (дата обращения 23.06.2024).
69. BBC News [Электронный ресурс] // Qué es el Síndrome de Ulises y cómo afecta a los migrantes. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-62251888> (дата обращения 10.12.2022).
70. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. Ontario, 1996.
71. Berry J.W. Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // Applied cross-cultural psychology / R.W. L. Brislin. 1990. P. 232-253.
72. Bochner, S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in contact: Studies in cross-cultural Interaction / S. Bochner. Oxford: Pergamon, 1982.
73. Boom latinoamericano [Электронный ресурс] // EcuRed. – Режим доступа: [Boom latinoamericano - EcuRed](https://www.ecured.cu/boom-latinoamericano) (дата обращения: 09.08.2023).
74. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary Online. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spik> (дата обращения: 30.03.2023).
75. Cannon, L. The Butterfly Effect and the Virtues of the American Dream // Journal of Social Philosophy № 34.4, 2003. P. 545-555.
76. Castles, S., Miller, M. The Age of Migration: International Population Movements in Modern World. Macmillan: Palgrave Macmillan, 2003.
77. Chicago Public Library [Электронный ресурс] // About Trujillo. Режим доступа: [About Trujillo | Chicago Public Library \(chipublic.org\)](https://www.chipublic.org/about-trujillo) (дата обращения: 15.04.2023).

- 78.CNN Español [Электронный ресурс] // Mes de la Herencia Hispana: ¿qué es, por qué es importante y por qué se celebra desde mediados de septiembre? 15.09.2023. – Режим доступа: [Mes de la Herencia Hispana: ¿qué es, por qué es importante y por qué se celebra desde mediados de septiembre? \(cnn.com\)](https://www.cnn.com/espanol/mes-de-la-herencia-hispana/que-es-por-que-se-celebra-desde-mediados-de-septiembre) (дата обращения 11.11.2023).
- 79.Cofer, J. O. *Silent Dancing: A Partial Remembrance of a Puerto Rican Childhood*. Arte Publico Press, 1991.
- 80.Corson, D. *Language policy in schools: A resource for teachers and administrators*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999.
- 81.Cortés, C. E. *Chicanas in film: History of an image*. En C.E. Rodriguez (ed.). *Latin Looks: Images of Latinas and Latinos in the U.S. Media* (pp. 121–141). Boulder, CO: Westview Press, 1997.
- 82.Córtés, O. *The American Dream: Disillusionment in selected works of Ana Castillo, Judith Ortiz Coffer and Virgil Suarez*. University of Puerto Rico, 2008.
- 83.Díaz, J. *Drown*. London: Bloomsbury, 1996.
- 84.Díaz, J. *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao*. New York: Riverhead Books; a member of Penguin Group (USA), 2007.
- 85.Díaz, J. *This Is How You Lose Her*. New York, NY: Riverhead Books, 2012.
- 86.Dominican Johnny Cakes or Yaniqueque [Электронный ресурс] // Mari's Cakes (English). — Режим доступа: <https://mariscakesenglish.blogspot.com/2011/01/dominican-johnny-cakes-or-yaniqueque.html?m=1> (дата обращения: 13.10.2022).
- 87.Duolingo blog [Электронный ресурс] // What does it mean to be a "No Sabo" kid? — Режим доступа: <https://blog.duolingo.com/no-sabo-kid-meaning/> (дата обращения: 16.04.2023).
- 88.El diario [Электронный ресурс] // Isaac Rosa, 25.08.2024. — Режим доступа: https://www.eldiario.es/opinion/zona-critica/si-no-gustan-personas-migrantes-no-metas-casa_129_11608173.html (дата обращения: 28.08.2024).

- 89.El mundo. Diario online líder de información en español [Электронный ресурс] // Jhay Cortez. 2021. — Режим доступа: <https://www.elmundo.es/cultura/musica/2021/12/10/61b1ddf2fdddffa2398b4592.html> (дата обращения: 08.12.2021).
- 90.El Nuevo diario [Электронный ресурс] // Una exposición reivindica el origen dominicano de la chacabana. — Режим доступа: <https://elnuevodiario.com.do/una-exposicion-reivindica-el-origen-dominicano-de-la-chacabana/> (дата обращения: 19.12.2023).
- 91.El Pais: el periódico global [Электронный ресурс] // “Cortina: “Lo que molesta de los inmigrantes es que sean pobres”. — Режим доступа: https://elpais.com/cultura/2017/05/08/actualidad/1494264276_545094.html (дата обращения: 09.06.2024).
- 92.El Pais: el periódico global [Электронный ресурс] // Los latinos sobrepasan ya a los blancos no hispanos en Texas, según el censo de 2022. — Режим доступа: [Los latinos sobrepasan ya a los blancos no hispanos en Texas, según el censo de 2022 | Internacional | EL PAÍS \(elpais.com\)](https://elpais.com/cultura/2022/11/09/actualidad/1494264276_545094.html) (дата обращения: 09.11.2023).
- 93.ElCaribe. Edición digital [Электронный ресурс] // Carros de concho son el 80% en el transporte público. — Режим доступа: <https://www.elcaribe.com.do/destacado/carros-de-concho-son-el-80-en-el-transporte-publico/> (дата обращения: 10.12.2023).
- 94.Fishman, J. 300-plus years of heritage language education in the United States / J. Fishman // Heritage languages in America: Preserving a national resource, Pp. 81-89. Washington (DC): Center for Applied Linguistics, 2001.
- 95.Grande, R. La búsqueda de un sueño (A Dream Called Home Spanish edition): Una autobiografía. Estados Unidos: Atria Books, 2018.
- 96.Grande, R. The Distance Between Us: A Memoir. India: Washington Square Press, 2013.
- 97.Hiemstra, N. Images of Illegalized Immigration: Towards a Critical Iconography of Politics by Christine Bischoff; Francesca Falk; Sylvia

- Kafehsy. *International Migration Review*. 47, 2013. – pp. 241-242. DOI: 10.2307/41805689
98. Hispanic Heritage Foundation [Электронный ресурс] // The Hispanic heritage foundation announces author Junot Díaz will receive literature award at 29th Hispanic heritage awards September 22nd. 21.07.2016. – Режим доступа: [Pulitzer Author Awarded "Literature Award" at HHA's - Hispanic Heritage Foundation](#) (дата обращения: 24.02.2023).
99. Hispanización de Estados Unidos [Электронный ресурс] // Wikipedia, la enciclopedia libre. — Режим доступа: [Hispanización de Estados Unidos - Wikipedia, la enciclopedia libre](#) (дата обращения: 20.03.2023).
100. Historymiami [Электронный ресурс] // Guayabera. — Режим доступа: <https://historymiami.org/wp-content/assets/guayabera.html> (дата обращения: 18.11.2023).
101. Hypebeast. San Diego State University to Offer a Course on Bad Bunny in 2023. [Электронный ресурс] // The class will be focused on the Puerto Rican's impact on Latinx culture. 23.09.2022. – Режим доступа: [SDSU Bad Bunny Class 2023 | Hypebeast](#) (дата обращения: 14.03.2023).
102. International Organization for Migration [Электронный ресурс] // World migration report 2022. – Режим доступа: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (дата обращения: 19.01.2023).
103. Jimenez, F. *Cajas de Carton: Relatos de la Vida Peregrina de un Nino Campesino = The Circuit*. Estados Unidos: San Val, 2002.
104. Kelleher, A. Frequently asked questions: (1) What is a heritage language? [Электронный ресурс] // Center for Applied Linguistics. 20.09.2009. — Режим доступа: <http://www.cal.org/heritage/research/faq-1.html>. (дата обращения: 21.07.2023).
105. Kelleher, A. Frequently asked questions: (4) What languages are taught as heritage languages in the United States? [Электронный ресурс] // Center for Applied Linguistics. 20.09.2009. — Режим доступа:

- <http://www.cal.org/heritage/research/faq-4.html>. (дата обращения: 21.07.2023).
106. Koser, K. International migration. Oxford: Oxford University Press, 2007.
107. La ASALE (Asociación de Academias de la Lengua Española) [Электронный ресурс] // Diccionario de americanismos. — Режим доступа: <https://www.asale.org/damer/huidero> (дата обращения: 10.10.2022).
108. La ASALE (Asociación de Academias de la Lengua Española) [Электронный ресурс] // Diccionario de americanismos. — Режим доступа: <https://www.asale.org/damer/mojado#:~:text=sust%2Fadj.,ilegalmente%20a%20los%20Estados%20Unidos> (дата обращения: 11.05.2023).
109. La Vanguardia // Un país de inmigrantes al que no le gustan los inmigrantes, 06.03.2011. — Режим доступа: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20110306/54122789976/un-pais-de-inmigrantes-al-que-no-le-gustan-los-inmigrantes.html> (дата обращения: 20.06.2024).
110. Lantzy, L. La influencia del sueño americano en la inmigración latina [Электронный ресурс] // Bowling Green State University. 06.05.2012. — Режим доступа: [*La influencia del sueño americano en la inmigración latina \(ohiolink.edu\)](http://www.ohiolink.edu) (дата обращения: 29.12.2022).
111. Leeman, J., Fuller, J. M. Hablar español en Estados Unidos: La sociopolítica del lenguaje / Jennifer Leeman y Janet M. Fuller. Bristol; Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2022 (Spanish Edition).
112. Lewis, M. Interview with Junot Diaz [Электронный ресурс] // Other Voices, 2002. — Режим доступа: http://webdelisol.com/Other_Voices/DiazInt.htm (дата обращения: 11.10.2023).
113. Lysgaard, S. Adjustment in a Foreign Society: Norwegian Fulbright Grantees Visiting the United States // International Social Science Bulletin. 1955. № 7. 45-51.

114. Martínez, S., Wooding, B. El antihaitianismo en la República Dominicana: ¿un giro biopolítico? [Электронный ресурс] / Samuel Martínez, Bridget Wooding // Migración y desarrollo. Vol.15, no. 28, 2017. — Режим доступа: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-75992017000100095 (дата обращения: 10.06.2022).
115. Navarro T. Métrica española: reseña histórica y descriptiva. – Las Americas, 1966. – 573 p.
116. NBC NEWS [Электронный ресурс] // Hispanic Heritage Foundation to Honor Sonia Sotomayor, Junot Diaz. — Режим доступа: [Hispanic Heritage Foundation to Honor Sonia Sotomayor, Junot Diaz \(nbcnews.com\)](https://www.nbcnews.com/latino/heritage-foundation-honors-sonia-sotomayor-junot-diaz) (дата обращения: 12.01.2024).
117. Negrón-Muntaner, F. The Latino Media Gap [2014] [Электронный ресурс] / Chelsea Abbas, Luis Figueroa, Samuel Robson // Study on Latino media exclusion from the National Association of Latino Independent Producers (NALIP). Nueva York: Center for the Study of Ethnicity and Race. — Режим доступа: <https://media-alliance.org/2016/05/the-latino-media-gap> (дата обращения 29.07.2023).
118. La Organización Internacional para las Migraciones (OIM) [Электронный ресурс] // Lucha contra la migración irregular. — Режим доступа: [Lucha contra la migración irregular | International Organization for Migration](https://www.oim.org/es/lucha-contra-la-migracion-irregular) (дата обращения: 09.11.2023).
119. Pacheco, J. E. Las batallas en el desierto. Ediciones Era, 1981.
120. Pérez Firmat, Gustavo 1949. Educational magazines [Электронный ресурс] // Educational magazines. Encycloédia.com. — Режим доступа: [Pérez Firmat, Gustavo 1949– | Encyclopedia.com](https://www.encycloedia.com/entry/perez-firmat-gustavo-1949) (дата обращения: 31.07.2022).
121. Pérez Firmat, G. El año que viene estamos en Cuba. Estados Unidos: Arte Publico Press, 1997.

122. Pérez Firmat, G. Life on the Hyphen: The Cuban-American Way. Estados Unidos: University of Texas Press, 1994.
123. Pew Research Center [Электронный ресурс] // Hispanic Americans' trust in and engagement with science. 14.06.2022. – Режим доступа: [A brief statistical portrait of U.S. Hispanics | Pew Research Center](#) (дата обращения: 17.07.2022).
124. Quotes from book Drown (Junot Díaz) [Электронный ресурс] // Quotes of famous people. – Режим доступа: [Quotes from book Drown \(Junot Díaz\) | Quotes of famous people \(quotepark.com\)](#) (дата обращения: 21.04.2023).
125. Ramirez Berg, C. Latino Images in Film: Stereotypes, Subversion, and Resistance. Austin, TX: University of Texas Press, 2002.
126. Real Academia Española (RAE). Ligón. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dle.rae.es/ligón?m=form> (дата обращения: 09.09.2023).
127. Reddit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.reddit.com/r/ufc/comments/wr4dls/barstool_reporter_giving_ecuadorian_chito_vera_a/?utm_source=share&utm_medium=ios_app&utm_name=ioscss&utm_content=1&utm_term=1&rdt=41514 (дата обращения: 02.09.2023).
128. Rodríguez, G.M. Poesía y desplazamiento: el caso de los poetas latinoamericanos en España. Poetas transatlánticas: hispanoamericanas en la España de hoy / C.P.Rossi, A.Becciu, I.Rivero. // Anales de Literatura Hispanoamericana, 2009. – 38. – Paralelo Sur, núm. 6. – pp. 56–59.
129. Rodríguez-Blanco, S., Valbuena, A. Spanish B. Course companion. Oxford: Oxford University Press, 2011.
130. Slang dictionary [Электронный ресурс] // Rico Suave Meaning & Origin. 01.03.2018. – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/e/slang/rico-suave/> (дата обращения: 24.04.2023).

131. Slang.fm. Noticias [Электронный ресурс] // Bad Bunny lanza su commercial con Cheetos. – Режим доступа: <https://www.slang.fm/noticias/bad-bunny-lanza-su-comercial-con-cheetos-mira-el-video-aqui/> (дата обращения: 10.11.2021).
132. The 2008 Pulitzer Prize Winner in Fiction [Электронный ресурс] // The Brief Wondrous Life of Oscar Wao, by Junot Diaz (Riverhead Books) — Режим доступа: <https://www.pulitzer.org/winners/junot-diaz> (дата обращения: 01.11.2023).
133. The United Nations [Электронный ресурс] // International migration. — Режим доступа: [International migration | United Nations](#) (дата обращения: 10.12.2023).
134. Toro, R. J. Modern Latin America. Puerto Rico's Operation Bootstrap [Электронный ресурс] // Brown University Library – Режим доступа: <https://library.brown.edu/create/modernlatinamerica/chapters/chapter-12-strategies-for-economic-developmen/puerto-ricos-operation-bootstrap/> (дата обращения: 09.09.2023).
135. University of Washington [Электронный ресурс] // Latinx Great Migrations - History and Geography. – Режим доступа: [Latinx Great Migrations - Migration History 1850-2017 \(washington.edu\)](#) (дата обращения: 30.02.2022).
136. VisitaRepublicaDominicana.org [Электронный ресурс] // Transporte urbano en República Dominicana. – Режим доступа: [Transporte urbano en República Dominicana \(visitarepublicadominicana.org\)](#) (дата обращения: 26.11.2023).
137. Wellesley College Catalog [Электронный ресурс] // Seminar: Bad Bunny: Race, Gender, and Empire in Reggaeton. – Режим доступа: [Wellesley Course Catalog](#) (дата обращения: 14.03.2023).
138. Wiki Mitología [Электронный ресурс] // Eshu. — Режим доступа: [Eshu | Wiki Mitología | Fandom](#) (дата обращения: 12.11.2023).

139. Wiley, T.G. On defining heritage languages and their speakers / T.G. Wiley // Heritage languages in America: Preserving a national resource, pp. 29–36. Washington (DC) & McHenry, IL: Center for Applied Linguistics & Delta Systems, 2001.
140. Yeung, A., Marsh, H., & Suliman, R. Can two tongues live in harmony: Analysis of the National Education Longitudinal Study of 1988 (NELS88) longitudinal data on the maintenance of home language // American educational research journal, No. 37(4), pp. 1001–1026, 2000.
141. YouTube. Bad Bunny [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [BAD BUNNY - HOY COBRÉ \(Video Oficial\) - YouTube](#) (дата обращения 20.10.2022).
142. YouTube. Cheetos and Bad Bunny [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [:30 | Cheetos® x Bad Bunny #DejaTuHuella | Spanglish - YouTube](#) (дата обращения 20.10.2022).
143. YouTube. Cita a ciegas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/X-RNxmVei20?si=xp1jKwmOyqHOfQTD> (дата обращения: 17.04.2022).
144. YouTube. En la sala with Evaluna. En familia con Los Montaner [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtu.be/bQVtoySAiHw?si=kH6CAy1bx_m_qn5g (дата обращения: 07.04.2022).
145. YouTube. En la sala with Evaluna. Sebastian Yatra [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/JeupvEsYnhQ?si=GhhomVxFBjGkqs4k> (дата обращения: 11.04.2022).
146. YouTube. Europe Music Award (EMA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/shorts/-AxezC5crjI> (дата обращения: 03.04.2022).

147. YouTube. No sabo kid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/shorts/MANDq4jTUPc> (дата обращения: 11.04.2022).
148. YouTube. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/oiUdM3w6J9Y?si=IXMDe78ORabKdK0v> (дата обращения: 05.04.2022).

Авторефераты диссертаций

149. Савченко, Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга): автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.20 / Савченко Елена Павловна. – Москва, 2013. – 21 с.

Диссертации

150. Дружков, Я.М. Лингвистические параметры идиостиля испаноязычных поэтов-мигрантов XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Дружков Яков Михайлович. – М., 2022. – 144 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 КОРПУС МАРКЕРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ

Корпус маркеров идентичности латиноамериканских мигрантов на основе сборника рассказов “Drown” можно разделить на следующие рубрики.

Национальные символы: Quisqueya, Quisqueyano/a, dominicana, latina, constitución, presidente, capital, guardia, hacienda, finca, conucos, barrio, colmado, bodega, campo, selo, Alcázar de Colón, El Pico, Cementerio Nacional, malecón, Quisqueya Supermercado, El Nacional, El Diario, guagua, concho, bermúdez, plata;

Народные средства: botánica, mentas, verminox;

Известные персоналии, прецедентные имена и топонимы: Hotel Quisqueya, Quisqueya Supermercado, Quisqueya Bakery, Santo Domingo, Santiago, El Cuco, El Cibao, La Vieja Calusa, Nueva York, Las Tres Marías, La Romana, San Juan, Calle XXI, Río Piedras, Embajador Chocolate;

Музыкальная и песенная культура, ее основные исполнители и мотивы: Andrés Jiménez “Yo quiero que mi Borinquén sea libre y soberana”, bachatas, salsa, rumba;

Религиозная убежденность: Dios mio, Dios te bendiga, que Dios te bendiga, bendición, Eshú, Santeras, Pascua;

Национальные блюда и напитки, гастрономия: pastelito, tostones, sancocho, yuca, chicharrones, johnnycake, platano(s), guineo, bacalao, mangú, pernil, mondongo, telera, bermúdez, barbacoa, guanábana, ropa vieja, café, gandules, arroz negro, lechosa, pollo guisado, brugal, hígado;

Особенности национального костюма: guayabera, chacabana, pava;

Праздничная традиция: quinceañeras, la Noche Buena;

Флора и фауна: amapolas, jurones, jacarandas, jaivas, garza;

Политические вызовы: Máximo Gómez;

Особенности произношения: askho, Jesús, jeva, compra’i, jaivas, Nueva Yol;

Экспрессивная, обсценная лексика: coño, carajo, cojones, puto sucio, cabrón, nalgas, peperón, bobo, pato, malcriado, pendejo, sinvergüenzas, come mierda, maldito;